Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

**«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Липецкий филиал

МИР И РОССИЯ
В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

МАТЕРИАЛЫ XXIII ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЧНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Том 5

Секция 4

Юридическая наука как элемент модернизации современного общества

Подсекция 3
Гражданское право и процесс

23 апреля 2026 г. (г. Липецк)

Воронеж • 2026

УДК 34:347(06)
ББК 67+67.404я431
М63

Рецензент:
Шурупова Ольга Сергеевна, профессор кафедры английского языка ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, д-р филол. наук, доцент

Мир и Россия в условиях новой реальности: материалы XXIII Всероссийской очной студенческой научно-практической конференции (Липецк, 23 апреля 2026 г.): в 6-ти т. Т. 5. Секция 4. Юридическая наука как элемент модернизации современного общества. Подсекция 3. Гражданское право и процесс / под общ. ред. С.В. Лавровой. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2026. – 282 с.

Материалы сборника научных трудов участников XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Мир и Россия в условиях новой реальности», состоявшейся 23 апреля 2026 г. в г. Липецк, посвящены рассмотрению проблем, особенностей и тенденций трансформаций в развитии различных сфер экономики и общества. В сборнике представлены исследования студентов и магистрантов из России.

Сборник предназначен для широкого круга читателей: ученых, специалистов-практиков, аспирантов, студентов.

Опубликованные материалы представлены в авторской редакции.

УДК 34:347(06)
ББК 67+67.404я431

© Коллектив авторов, 2026
© Липецкий филиал РАНХиГС, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Алиджон Ф.
Проблема защиты имущественных интересов добросовестного приобретателя при удовлетворении виндикационного иска: пробел в механизме статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации 8
Антанесян Д.В.
Усыновление в семейном праве Российской Федерации: понятие, условия, порядок и отмена 11
Баранова В.А.
Уставный капитал ООО: условная гарантия или юридическая фикция? 17
Бессонова В.Д.
Проблемы применения примирительных процедур на стадии исполнительного производства 21
Бессонова Н.Ю.
Превышение пределов самозащиты 23
Быкова А.П.
Договор суррогатного материнства: противоречия между нормативным регулированием и правоприменительной практикой 27
Быткина В.Ю.
Система социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей 31
Васильев И.Д.
Самозащита в гражданском праве: проблемы судебного толкования и перспективы развития института 36
Вебер В.В.
Алименты в твёрдой денежной сумме: проблема доказывания размера расходов на ребёнка 40
Гагарина А.Р.
Выявление и устройство детей, оставшихся без попечения родителей 43
Голосова К.О.
Osint как способ доказывания неучтенных доходов должника по алиментным обязательствам: анализ транзакций, геолокации и публичного профиля 47
Гундырев Р.В.
Субъекты правоотношений в сфере оборота криптовалюты 52

Данилова Е.М.
История возникновения и развития мема как объекта интеллектуальной собственности 56
Дроздова В.С.
Правовое регулирование использования объектов интеллектуальной собственности в сфере физической культуры и спорта..... 58
Жигулина К.К.
Особенности защиты прав потребителей при покупке товаров через маркетплейсы 62
Заитова А.Р.
Понятие и виды наследственного имущества, используемого в предпринимательской деятельности 65
Исаева А.С.
Понятие справедливости в гражданском праве 70
Калманович К.Г.
Проблемы применения внесудебных процедур по разрешению гражданско-правовых споров и пути их решения на примере медиации..... 72
Капранова Т.А.
Личные неимущественные права и их защита..... 76
Карасева Ю.В.
Отмены дееспособности в случае ее возникновения до достижения совершеннолетия 80
Клёванцева А.С.
Цифровые права в системе объектов гражданских прав и их защита 83
Клоков А.А.
Правовое регулирование договора купли-продажи 87
Колосова В.И.
Основания признания недействительным брачного договора..... 90
Коробов А.Н.
Стороны договора контрактации и порядок его заключения..... 93
Косинова М.В.
Актуальные проблемы установления очередности при наследовании по закону 98
Красинская С.А.
Гражданская правосубъектность: понятие и содержание 101
Ли М.В.
Цифровые права и объекты гражданского оборота: проблемы правовой идентификации в условиях новой реальности 105
Лучинкин Е.А.
Понятие и особенности гражданско-правовой ответственности в сфере спортивных правоотношений 107

Маликова В.А.
Правовые коллизии в определении момента смерти комориентов в разных часовых поясах.....111
Мамедов Н.Д.
Институт компромисса в гражданском праве..... 115
Мардовкин Р.С.
Дистанционное участие в гражданском процессе: перспективы развития..... 119
Мелихова А.К.
Самовольная постройка: критерии добросовестности застройщика и последствия сноса..... 123
Миц Е.А.
Виды организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Российской Федерации 126
Мокроусова Е.А.
Недостаточная защита прав потребителей в гражданском кодексе Российской Федерации..... 132
Морозов Д.Ю.
Особенности защиты коммерческой тайны..... 134
Мягков А.С.
Проблема правового регулирования транферных договоров 138
Наумова Л.Д.
Виды имущественного страхования 143
Некрасова М.А.
Оценка эффективности существующих правовых инструментов для борьбы с изменением климата на уровне международных соглашений России с другими странами 147
Несветаева Н.В.
Проблемы наследования обязательной доли в наследстве..... 152
Новикова В.В.
Формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей 155
Озерова А.С.
Правовая неопределённость способов самозащиты как причина ошибочной квалификации действий граждан..... 158
Паршевникова Е.В.
Учет мнения ребенка в семейных спорах: правовые и практические аспекты 164
Пасечник К.В.
Проблемы и перспективы совершенствования правового регулирования аудиторских услуг в Российской Федерации..... 167

Перегудов И.В.
Проблемы правового регулирования алиментного соглашения в семейном праве Российской Федерации 171
Перфилова Д.И.
Условия возникновения гражданско-правовой ответственности 176
Плешкова В.А.
Приоритет семейного воспитания в механизмах устройства детей, оставшихся без попечения родителей: усыновление, опека, приемная семья 180
Подзоров А.А.
Понятие и правовая природа убытков в гражданском праве 184
Поминова А.В.
Теоретико-правовые основы регулирования обращения с отходами производства и потребления в Российской Федерации 188
Пронина А.В.
Анализ проблем регулирования оказания медицинских услуг и пути их решения 192
Пустовалова М.Ю.
Правовой статус индивидуального предпринимателя без образования юридического лица 196
Сахаров М.Ф.
Понятие и сущность корпоративного договора 200
Седых Е.Р.
Пределы самозащиты гражданских прав 202
Селищев Д.А.
Применение процедуры медиации при разрешении конфликтов в семейных правотношениях 207
Серикова Ю.С.
Медиация в семейных спорах: альтернатива судебным разбирательствам 210
Смольянинов Д.Д.
Понятие беспилотного летательного аппарата как объекта гражданского оборота 215
Степанищева Е.П.
Приёмная семья как форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей 218
Сухаова И.Р.
Правовые особенности составления завещания, составленного в чрезвычайных обстоятельствах 223
Токарева Д.Э.
Унитарное предприятие как субъект гражданского права 226

Ульянов В.И.
Правовой статус субъектов отношений с участием маркетплейсов... 231
Хитренко И.Д.
Тенденция развития законодательства, регулирующего цифровые права..... 233
Циркова А.В.
Роль медиации в гражданских спорах 239
Чеглакова Е.В.
Правовые проблемы реализации жилищных прав молодых семей (на примере Липецкой области) 243
Черникова Э.Е.
Применение правовых норм в отношении граждан в условиях сво: социальные последствия 246
Шардыкина С.А.
Особенности социально-педагогической поддержки в различных моделях попечения над детьми-сиротами 251
Швецова Т.С.
Практические проблемы приобретения права собственности..... 254
Шкодин М.В.
Разграничение подсудности гражданских дел между районным судом и мировым судьёй: проблемы правовой регламентации и правоприменения..... 259
Шубина Д.В.
Правовые аспекты регулирования суррогатного материнства в Российской Федерации..... 266
Шубина Д.В.
Понятие игр и пари в гражданском праве россии, их общие и отличительные черты 269
Шурупова Е.И.
Понятие, признаки и классификации объектов интеллектуальной собственности в образовательной деятельности 273
Шурупова Е.И.
Риски и правовые коллизии при работе с источниками в сфере науки 278

Алиджон Ф., студентка
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИОБРЕТАТЕЛЯ ПРИ УДОВЛЕТВОРЕНИИ ВИНДИКАЦИОННОГО ИСКА: ПРОБЕЛ В МЕХАНИЗМЕ СТАТЬИ 302 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

В статье анализируется системный пробел в механизме статьи 302 ГК РФ: добросовестный приобретатель, лишённый имущества по виндикационному иску, остаётся без реальной компенсации понесённых затрат. Рассматриваются условия виндикации, противоречие сложившейся ситуации принципам добросовестности и справедливости, правовые позиции Конституционного Суда РФ, зарубежный опыт. Предлагаются две модели восполнения пробела.

Ключевые слова: виндикация; добросовестный приобретатель; защита имущественных прав; баланс интересов; компенсационный механизм; пробел в праве.

Введение. Статья 302 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ устанавливает условия, при которых собственник вправе истребовать имущество у добросовестного приобретателя. По буквальному смыслу нормы защита приобретателя сводится к отказу в иске в случаях выбытия вещи по воле собственника. Однако, когда иск удовлетворён, приобретатель лишается не только вещи, но и реальной возможности вернуть уплаченные за неё средства. Его право обратного требования к продавцу, не имевшему права на отчуждение, в большинстве случаев остаётся нереализованным. Это позволяет поставить вопрос о справедливости конструкции, при которой добросовестный участник оборота, проявивший осмотрительность, несёт имущественные потери, а собственник восстанавливает владение без встречного предоставления.

Условия виндикации у добросовестного приобретателя и распределение рисков. В силу пункта 1 ст. 302 ГК РФ истребование имущества от возмездного добросовестного приобретателя допускается, если вещь выбыла из владения собственника помимо его воли (утеря, хищение, иное выбытие без волеизъявления). Добросовестность приобретателя предполагает, что он не знал и не должен был знать об отсутствии у от-

чуждателя права распоряжаться имуществом. После удовлетворения виндикационного иска вещь возвращается собственнику, приобретатель же получает право регресса к продавцу. Как подчёркивает Е.А. Суханов: «у добросовестного приобретателя... вещь может быть истребована лишь в двух установленных законом случаях, когда интересы собственника или иного титульного владельца по тем или иным причинам следует предпочесть интересам добросовестного владельца (т.е. по сути интересам имущественного оборота)» [1, с. 263]. Законодатель сознательно отдаёт приоритет восстановлению права собственности, однако механизм компенсации расходов, понесённых приобретателем при возмездной сделке, не предусмотрен. В результате возникает ситуация, в которой риск неплатёжеспособности неуправомоченного отчуждателя полностью ложится на добросовестное лицо. Судебная практика свидетельствует, что исполнительное производство в отношении таких должников часто оканчивается без реального взыскания. В литературе отмечается, что отсутствие компенсационных механизмов снижает эффективность защиты добросовестных приобретателей.

Действующее регулирование не учитывает степень упречности поведения собственника. Критерий упрёчности собственнику (неосторожность, умысел) должен приниматься во внимание для расширительного толкования статьи 302 ГК РФ, что позволило бы лучше сбалансировать интересы сторон. Игнорирование этого критерия приводит к тому, что собственник, проявивший грубую неосмотрительность при выборе контрагента или ставший жертвой обмана, перекладывает имущественные последствия на приобретателя, действовавшего с опорой на публичную достоверность государственного реестра. В цивилистической литературе подчёркивается, что смещение баланса в пользу собственника подрывает доверие к гражданскому обороту и создаёт правовую неопределённость. Виндикационный иск, призванный защищать право собственности, на практике нередко становится инструментом одностороннего перераспределения рисков, что расходится с идеей справедливого судебного разбирательства.

Соответствие конституционным и общегражданским принципам. Положение, при котором добросовестный приобретатель утрачивает и вещь, и уплаченные средства, вступает в противоречие с рядом фундаментальных начал. Часть 3 ст. 17 Конституции РФ устанавливает, что осуществление прав не должно нарушать права других лиц. Пункты 3 и 4 ст. 1 ГК РФ закрепляют принципы добросовестности и недопустимости извлечения преимущества из недобросовестного поведения. Восстановление владения собственника без компенсации затрат приобретателя, по сути, означает сбережение собственником стоимости вещи за чужой счёт. В цивилистической доктрине отмечается, что

там, где виндикация невозможна, для восстановления справедливости используются обязательства из неосновательного обогащения: К.И. Скловский пишет, что «если виндикация невозможна при наличии оснований, т.е. обогащении за счет иного лица, возникает обязательство из неосновательного обогащения в виде приобретения вещи без основания» [2, с. 809]. Однако при удовлетворении виндикации подобный компенсационный механизм для приобретателя не включается, что свидетельствует о непоследовательности правового регулирования.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ. Существенное значение для рассматриваемой проблемы имеет Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2025 г. № 22-П. Суд пришёл к выводу, что пункт 1 ст. 302 ГК РФ не предполагает признания жилого помещения выбывшим из владения публично-правового образования помимо его воли, если уполномоченные органы совершали действия по передаче помещения, даже признанные впоследствии незаконными. Тем самым была усилена защита добросовестных приобретателей от истребования жилья публичными субъектами и подчёркнута необходимость повышенного стандарта осмотрительности власти. В литературе отмечается, что именно после анализа дел, связанных с истребованием жилых помещений у граждан, полагавшихся на данные Единого государственного реестра недвижимости, Конституционный Суд признал безусловную виндикацию неконституционной, указав на обязательность учёта добросовестности приобретателя и достоверности реестра. С философско-правовой точки зрения такая защита добросовестного приобретателя рассматривается как условие поддержания доверия к правосудию и стабильности имущественного оборота.

Вместе с тем Конституционный Суд отметил, что предусмотренный ст. 68.1 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ компенсационный механизм носит производный характер и не отменяет основных гарантий. Получение такой выплаты затруднено: требуется предварительное взыскание убытков с продавца и неисполнение решения в течение шести месяцев. Следовательно, даже после уточнения конституционно-правового смысла ст. 302 ГК РФ добросовестный приобретатель, у которого имущество всё же истребовано, не обеспечен реальной компенсацией.

Предложения по совершенствованию законодательства. Выявленный пробел нуждается в восполнении. Возможны две модели.

Первая – возложение на собственника, чья неосмотрительность способствовала утрате имущества (например, утеря документов, передача вещи ненадёжному лицу), обязанности компенсировать добросовестному приобретателю рыночную стоимость вещи на момент изъятия с последующим правом регресса к непосредственному причинителю вреда.

Вторая – введение государственной гарантийной выплаты по аналогии с компенсацией, предусмотренной ст. 68.1 Федерального закона № 218-ФЗ, но в упрощённом порядке. Добросовестный приобретатель, у которого истребовано имущество, мог бы получить выплату из бюджета непосредственно после вступления в законную силу решения о виндикации, без необходимости предварительного безуспешного взыскания с продавца. Государство в порядке регресса взыскивало бы уплаченные суммы с виновных лиц. Такой механизм соответствовал бы повышенному стандарту ответственности публичной власти, обозначенному в Постановлении КС РФ № 22-П, и позволил бы переложить риск неисполнения обязательств недобросовестным отчуждателем на государство как гаранта стабильности оборота.

Список цитируемой литературы:

1. Суханов, Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк: учебное пособие / Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2017. – 561 с.

2. Скловский, К.И. Собственность в гражданском праве: учебник для вузов / К.И. Скловский. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 1016 с.

Антанесян Д.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

УСЫНОВЛЕНИЕ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ, УСЛОВИЯ, ПОРЯДОК И ОТМЕНА

Аннотация

В настоящей статье анализируются сущностные черты усыновления, требования к кандидатам и процедура установления, а также юридические предпосылки и результаты аннулирования. Отдельное внимание уделяется природе усыновления как ключевого способа семейного жизнеустройства детей-сирот, роли судебной процедуры в системе гарантий детских прав и инструментам охраны интересов несовершеннолетнего при отмене усыновления. На основе анализа нормативных правовых актов, судебной практики и научных трудов формулируются выводы о современном состоянии правового регулирования данного института.

Ключевые слова: усыновлениеусловия усыновления; процедура усыновления; отмена усыновления; органы опеки и попечительства; судебный порядок; защита прав детей.

Институт усыновления (удочерения) по праву относится к числу наиболее сложных юридических конструкций в сфере семейного права, поскольку его главная особенность заключается в искусственном воссоздании правоотношений, максимально аналогичных тем, которые вытекают из кровного родства. В действующем Семейном кодексе Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ легальное определение усыновления на сегодняшний день отсутствует, что неизбежно порождает множество конкурирующих доктринальных подходов. Вместе с тем, Л.М. Пчелинцева подчёркивает, что «усыновление является приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей», поскольку именно оно обеспечивает «наиболее полную правовую связь между ребенком и лицом, принявшим его на воспитание» [5, с. 312]. В п. 1 ст. 124 СК РФ законодатель установил приоритет усыновления перед иными формами, такими как опека или приемная семья. Сущность усыновления раскрывается через ряд его характерных черт. Во-первых, он выступает в роли правопорождающего юридического факта.

В отличие от фактического воспитания, процедура усыновления требует строго регламентированной судебной формы. О.Ю. Ильина обращает внимание на то, что усыновлению присущ «правоконститутивный характер: с момента вступления решения суда в законную силу возникают личные неимущественные и имущественные правоотношения, идентичные родительским» [2, с. 215]. Во-вторых, данная связь рассчитана на постоянное (бессрочное) действие – согласно ст. 140 СК РФ, возникшие отношения не имеют временных ограничений. Их прекращение допускается лишь в исключительных случаях, прямо предусмотренных законом (отмена усыновления), что выгодно отличает данный институт от опеки или приемной семьи. В-третьих, ключевым атрибутом выступает тайна усыновления – ст. 139 СК РФ устанавливают запрет на разглашение соответствующего факта. А.М. Нечаева отмечает, что «сохранение тайны выступает одним из ключевых условий обеспечения психологического комфорта ребенка и стабильности сложившихся семейных отношений» [4, с. 284].

Особое системное положение института усыновления в семейном праве России обусловлено действием конституционного принципа приоритета семейного воспитания (ст. 38 Конституции РФ) и необходимостью имплементации положений Конвенции ООН о правах ребенка. В структуре Особенной части семейного права усыновление

представляет собой обособленный институт, внутри которого традиционно выделяют несколько субинститутов: условия, процедура, правовые последствия и отмена. Как пишет Е.А. Чефранова: «несмотря на принадлежность к отрасли семейного права, нормы об усыновлении тесно взаимодействуют с нормами гражданского права (дееспособность усыновителей, имущественные последствия), гражданского процессуального права (особое производство) и административного права (деятельность органов опеки и попечительства)» [7, с. 45]. Специфика данного института проявляется также в его ярко выраженной социально-правовой направленности. Если большинство иных семейно-правовых институтов (брак, родство) регулируют отношения, возникающие естественным путем, то усыновление выступает в качестве искусственного (юридического) способа формирования семьи. Н.Н. Тарусина в своем исследовании приходит к выводу, что усыновление представляет собой «суррогат» естественного родительства, «однако в правовом смысле оно обладает полной эквивалентностью биологическому происхождению» [6, с. 178].

Под условиями усыновления в науке понимается система требований, предъявляемых законом к потенциальному усыновителю и иным обстоятельствам, без соблюдения которых установление правовой связи невозможно. Статья 127 СК РФ закрепляет закрытый перечень лиц, которые не вправе быть усыновителями: сюда относятся недееспособные или ограниченно дееспособные граждане; супруги, один из которых признан недееспособным; лица, лишенные либо ограниченные в родительских правах; бывшие опекуны (попечители), отстраненные за ненадлежащее выполнение обязанностей; бывшие усыновители, если отмена произошла по их вине; лица без постоянного места жительства; имеющие неснятую или непогашенную судимость за тяжкие или особо тяжкие преступления; а также лица, чей доход не обеспечивает ребенку прожиточный минимум. Л.М. Пчелинцева обращает внимание, что «перечень лиц, не имеющих права быть усыновителями, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит, что соответствует принципу обеспечения стабильности семейных отношений» [5, с. 325].

Немаловажным условием выступает и возрастная разница. Пункт 1 ст. 128 СК РФ устанавливает, что кандидат в «усыновители, не имеющий супруга, должен быть старше усыновляемого несовершеннолетнего как минимум на шестнадцать лет. Однако суду предоставлено право сделать исключение из этого возрастного порога, если для этого имеются достаточные и уважительные причины. В качестве примера законодатель приводит ситуацию, когда ребёнка усыновляет отчим или мачеха» [5, с. 331].

Следующий блок условий касается согласия. В силу ст. 129 СК РФ, для усыновления необходимо получить согласие родителей ребенка, оформленное письменно и нотариально удостоверенное (либо заверенное руководителем организации, где находится ребенок). По наблюдению А.М. Нечаевой, «отсутствие согласия родителей может быть восполнено только в случаях, предусмотренных законом: если родители неизвестны, признаны судом безвестно отсутствующими, недееспособными, лишены родительских прав либо уклоняются от воспитания ребенка» [4, с. 291].

В силу требований ст. 132 СК РФ, непременным элементом процедуры усыновления выступает волеизъявление самого ребёнка, достигшего десятилетнего возраста. Законодатель делает лишь одно исключение: если несовершеннолетний до вынесения судебного решения фактически жил вместе с будущим усыновителем и считает его своим отцом (матерью). О.Ю. Ильина обращает внимание на то, что «учет мнения ребенка выступает важнейшей гарантией соблюдения его прав и законных интересов, поскольку усыновление влечет за собой необратимые правовые последствия» [2, с. 228]. Кроме того, требуется заключение органа опеки и попечительства об обоснованности усыновления и его соответствии детским интересам. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществления контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории Российской Федерации» от 29 марта 2000 г. № 275 обязывает орган опеки провести обследование жилищно-бытовых условий кандидата и составить соответствующий акт.

Процедура усыновления – это законодательно урегулированная последовательность действий, результатом которой становится возникновение семейных правоотношений. Дела об усыновлении рассматриваются по правилам особого производства, в соответствии с главой 29 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. Заявление подается в районный суд по месту жительства ребенка или по месту жительства усыновителя. Требования к пакету документов, прилагаемому к заявлению об усыновлении, закреплены в ст. 271 ГПК РФ. В их число входят: копия свидетельства о рождении кандидата в усыновители (для лиц, не состоящих в браке); свидетельство о регистрации брака (для супружеских пар); медицинское заключение о состоянии здоровья заявителя; справка с места работы с указанием должности и уровня дохода; правоустанавливающий документ на жилое помещение; справка органов МВД о наличии либо отсутствии судимости, а также итоговое заключение органа опеки и попечительства. Как отмечает Ю.Ф. Беспалов, приведенный перечень носит закрытый характер, в связи с чем

«суд не вправе требовать представления иных сведений, не предусмотренных законом, однако вправе привлекать к участию в деле органы опеки и попечительства для дачи заключения» [1, с. 23].

Участие в процессе прокурора, органов опеки и самого ребенка (если ему уже исполнилось 10 лет) признается процессуальной гарантией защиты прав несовершеннолетнего. Закрытый характер судебного заседания по делам об усыновлении обусловлен необходимостью соблюдения законодательно охраняемой тайны данного юридического акта. По итогам рассмотрения дела суд в своём решении подтверждает установление усыновления и определяет изменённые анкетные данные (фамилию, имя, отчество, дату и место рождения) и предписывает внести изменения в актовую запись.

Аннулирование усыновления представляет собой юридический способ разрыва ранее установленной правовой связи между усыновителем и усыновлённым, который применяется в тех случаях, когда сохранение данной связи перестаёт отвечать интересам ребёнка и может причинить ему вред, либо когда усыновитель ненадлежащим образом исполняет свои обязанности. В отличие от лишения родительских кровных прав, отмена усыновления не рассматривается как санкция; ее главная цель – защита несовершеннолетнего. Статья 141 СК РФ устанавливает судебный порядок отмены и делит основания на две группы: связанные с виновным поведением усыновителя и не зависящие от его воли.

В числе оснований, обусловленных виновным поведением усыновителя, выделяются: невыполнение или ненадлежащее выполнение родительских обязанностей, использование родительских прав во вред ребёнку, физическое или психическое насилие над несовершеннолетним, а также подтверждённый диагноз – хроническая алкогольная или наркотическая зависимость. Как указывает А.М. Нечаева, «указанные основания во многом совпадают с основаниями лишения родительских прав, однако правовая природа этих институтов различна: лишение родительских прав применяется к кровным родителям, тогда как отмена усыновления – к лицам, добровольно принявшим на себя обязанности по воспитанию ребенка» [4, с. 298]. Вторая группа включает отсутствие взаимопонимания, личностные особенности, невозможность совместного проживания, а также неустранение обстоятельств, ранее препятствовавших усыновлению, в срок, установленный судом. Важно подчеркнуть, что проблема социальной адаптации детей, оставшихся без попечения родителей, не ограничивается только моментом усыновления или устройства в семью.

Как справедливо отмечает С.В. Лаврова: «выпускники детских домов и других учреждений для детей-сирот остаются без поддержки, хотя очень нуждаются в ней. Зачастую у них не решён вопрос даже с

предоставлением им жилья, а также с местом учебы и/или работы. Им бывает очень сложно влиться в новый коллектив, в который они попадают для получения дальнейшего образования или начинают свою трудовую деятельность» [3, с. 34].

Проведенный анализ позволяет сделать ряд обобщающих выводов. Усыновление – это межотраслевой правовой институт, занимающий центральное место в системе семейного устройства детей без родительского попечения. Его юридическая сущность раскрывается через такие признаки, как правопорождающий эффект, бессрочность, тайна и судебная форма установления. Условия и процедура усыновления образуют детально регламентированный механизм, ориентированный на максимальную защиту детских прав. Требования к усыновителю, необходимость получения согласий, заключение органа опеки и исключительно судебный порядок служат важнейшими гарантиями. Отмена усыновления выступает эффективным инструментом защиты ребенка, когда сохранение семьи невозможно, причем законодательное регулирование последствий обеспечивает разумный баланс интересов несовершеннолетнего и усыновителя. Вместе с тем исследование выявляет отдельные направления для совершенствования: целесообразно легально закрепить понятие усыновления в СК РФ, развивать институт постадаптационного сопровождения (включая такие формы поддержки, как Дома юношества), уточнить критерии оценки детских интересов при отмене усыновления, улучшить межведомственное взаимодействие при подготовке кандидатов. Перспективными направлениями дальнейших исследований выступают анализ правоприменительной практики, проблемы межгосударственного усыновления и сравнительно-правовой анализ данного института в разных правовых системах.

Список цитируемой литературы:

1. Беспалов, Ю.Ф. Усыновление как судебная процедура / Ю.Ф. Беспалов // Российская юстиция. – 2006. – № 6. – С. 22-24.

2. Ильина, О.Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.03 / Ильина Ольга Юрьевна. – Москва, 2007. – 438 с.

3. Лаврова, С.В. Дом юношества как особая форма социализации выпускников детских домов / С.В. Лаврова // Духовно-нравственные ценности как основа технологического суверенитета России: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции (г. Липецк, 24 апреля 2024 г.) / под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Е.А. Гончаровой. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. – С. 34-38.

4. Нечаева, А.М. Семейное право: учебник / А.М. Нечаева. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2023. – 328 с.

5. Пчелинцева, Л.М. Семейное право России: учебник / Л.М. Пчелинцева. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 672 с.
6. Тарусина, Н.Н. Семейное право: очерки из классики и модерна: монография / Н.Н. Тарусина. – Ярославль: ЯрГУ, 2019. – 320 с.

Баранова В.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

УСТАВНЫЙ КАПИТАЛ ООО: УСЛОВНАЯ ГАРАНТИЯ ИЛИ ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИКЦИЯ?

Аннотация

В статье анализируется ключевая проблема гражданского права: выполняет ли уставный капитал общества с ограниченной ответственностью функцию реальной гарантии интересов кредиторов или же является юридической фикцией. Отмечены наиболее важные правовые моменты, связанные с номинальной стоимостью долей общества с ограниченной ответственностью. Отражена правовая специфика гражданско-правового состава в вопросе уставного капитала, а также проблема взаимосвязи гражданского и коммерческого права.

Ключевые слова: уставный капитал, общество с ограниченной ответственностью (ООО), номинальная стоимость доли, чистые активы, субсидиарная ответственность, гарантия кредиторов, юридическая фикция.

Уставный капитал общества с ограниченной ответственностью представляет собой сумму номинальных стоимостей долей всех участников. Эта сумма определяется при создании компании и в дальнейшем может меняться. Как справедливо отмечал Е.А. Суханов: «уставный капитал носит оценочный и условный характер: реальная стоимость имущества фирмы (чистые активы) может быть, как больше, так и меньше зафиксированного в уставе капитала» [1, с. 227].

В юридической литературе выделяют иные функции уставного капитала, к котором относит: «Порог серьёзности» – минимальный размер капитала отсекает учредителей, которые не готовы вложить даже символическую сумму; «Сигнальная лампочка» – уменьшение уставного капитала служит для кредиторов и контролирующих органов сигналом о

неблагополучии в обществе. При этом сам Е.А. Суханов прямо признавал: «уставный капитал не гарантирует от банкротства и не способен полностью удовлетворить всех кредиторов» [1, с. 229].

Рассмотрим простой пример. ООО создаётся с уставным капиталом 10 000 рублей. Участнику принадлежит номинальная доля в 5 000 рублей. Через год бизнес успешно развивается, и чистые активы компании достигают 50 млн рублей. В этом случае действительная стоимость доли участника составит уже не 5 000, а 25 млн рублей (пропорционально его доле). Обратная ситуация: дела идут плохо, чистые активы становятся отрицательными. Тогда стоимость доли равна нулю, хотя в уставе по-прежнему значится 5 000 рублей.

Исходя из этого, уставный капитал фиксирует только размер вкладов при создании компании. Он не отражает реальную конъюнктуру компании, поэтому уставный капитал не может быть гарантией стабильности для кредиторов.

Одно из нововведений последнего времени – вступление в силу Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью»» от 28 декабря 2025 г. № 514-ФЗ, который внёс изменения, касающиеся порядка определения действительной стоимости доли при выходе участника. Если участник ООО, которому должна быть выплачена действительная стоимость его доли в уставном капитале общества, либо само ООО не согласны с определением стоимости чистых активов общества на основании данных бухгалтерской отчетности, их стоимость может быть определена из рыночной стоимости активов ООО и его обязательств независимым оценщиком.

Раньше действительная стоимость доли рассчитывалась исключительно по данным бухгалтерского баланса, что давало возможность манипулировать цифрами и занижать реальную стоимость бизнеса. Один из примеров – судебное разбирательство в отношении общества с ограниченной ответственностью «Инструмент холдинг С» о взыскании невыплаченной части действительной стоимости ее доли в уставном капитале общества в размере 21 348 000 руб., 616 023 руб. 28 коп. процентов за пользование чужими денежными средствами за период с 15 декабря 2022 г. по 28 апреля 2023 г., с последующим начислением процентов по день фактического исполнения денежного обязательства. Позиция истца заключалась в том, что доля стоит больше на 21,3 млн руб. Общество занизило стоимость, включив в бухгалтерскую отчетность искусственную кредиторскую задолженность. уды трех инстанций отказали в удовлетворении иска. Они посчитали, что общество верно рассчитало цену доли. Расчет опирался на баланс 2021 года, который общество подало в налоговую и с тех пор не корректировало.

«Верховный суд отменил судебные акты и направил дело на новое рассмотрение. Высшая судебная инстанция посчитала, что нижестоящие суды необоснованно приняли экспертное заключение о рыночной стоимости доли в размере 30 руб. как достоверное, не проверив его соответствие объективным данным об имущественных активах общества. Суды проигнорировали доводы истца о фиктивности кредиторской задолженности перед аффилированным лицом, искусственно занизившей стоимость чистых активов, и о не учете экспертом оплаченных в 2021 году объектов недвижимости, право собственности на которые зарегистрировали в 2022 году. В условиях корпоративного конфликта суды ограничились лишь формальной проверкой бухгалтерского баланса. При этом они не дали оценки доказательствам, разумно указывающим на недостоверность этой отчетности. Более того, суды не возложили на ответчика бремя доказывания того, что спорные активы были учтены при расчете действительной стоимости доли» [4].

Теперь, если участник или само общество не согласно с таким расчётом, можно привлечь независимого оценщика. Он определит стоимость чистых активов исходя из их рыночной цены. Такой порядок может быть прописан в уставе, а для его запуска достаточно простого заявления стороны. Законодатель фактически признал, что балансовая стоимость и рыночная стоимость – разные вещи. Условность уставного капитала приобретает юридическое значение. При выходе участника предпочтение отдаётся реальной, а не номинальной стоимости. Это не отменяет уставный капитал как конструкцию, но существенно меняет его роль: он остаётся формальным показателем, а для расчётов используется рыночная оценка.

Если уставный капитал не даёт надёжной гарантии, то какие механизмы реально защищают кредиторов? Основной из них – субсидиарная ответственность контролирующих лиц (статья 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ и нормы законодательства о банкротстве).

Президиум Верховного Суда 19 ноября 2025 г. утвердил Обзор практики по субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица. Основные выводы данного Обзора заключаются в том, что формальное наличие минимального уставного капитала не освобождает контролирующих лиц от ответственности, если они своими действиями довели компанию до банкротства; суды оценивают реальный контроль и причинённый ущерб, а не размер доли в уставном капитале; если общество использовалось как «корпоративная маска» для вывода активов, его бенефициары отвечают по долгам своим личным имуществом.

Яркий пример – привлечение бывшего бенефициара банка «Стратегия» Дмитрия Рубинова к субсидиарной ответственности на 10,2 млрд рублей. Размер уставного капитала банка (несколько сотен миллионов рублей) не спас его от взыскания: деньги взыскали с личного имущества контролирующего лица [2, с.23].

Таким образом, реальная защита интересов кредиторов обеспечивается не уставным капиталом, а возможностью привлечь к ответственности тех, кто реально управлял обществом и причинил убытки. Уставный капитал в этой системе играет лишь вспомогательную роль – как один из формальных индикаторов.

Резюмируя, можно утверждать, что уставный капитал ООО – это условная гарантия, которая не является абсолютной защитой для кредиторов. В своей минимальной части (10 000 рублей) его гарантийная функция практически фиктивна. Вместе с тем полностью отрицать значение уставного капитала не стоит: он сохраняет дисциплинирующую и сигнальную роль, отсекая самых недобросовестных учредителей и подавая сигналы о неблагополучии.

Список цитируемой литературы:

1. Суханов, Е. А. Роль уставного капитала в корпорациях / Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – № 2. – С. 224–235.

2. Борякова, С.А., Сергеева, Е.В. Вопросы уставного капитала общества с ограниченной ответственностью в практике арбитражных судов / С.А. Борякова, Е.В. Сергеева // Законодательство и экономика. – 2008 – № 1 – С. 17-29.

3. Смирнова, А. О. Содержание правового режима уставного капитала общества с ограниченной ответственностью: понятие и сущность / А. О. Смирнова // Молодой ученый. – 2020. – № 4 (294). – С. 424-428.

4. Выплаты действительной стоимости доли: практика за 2024–2025 годы. – URL: https://www.law.ru/article/28740-vyplata-deystvitelnoy-stoimosti-doli-sudebnaya-praktika-za-2024-2025-gody (Дата обращения: 12.04.2026)

Бессонова В.Д., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Кузнецова Н.Н., канд. юрид. наук

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР НА СТАДИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация

Актуальность темы настоящего исследования связана с возрастающей нагрузкой на судебную систему, выраженную в большом количестве дел, рассматриваемых судами. Необходимость детального исследования обстоятельств дела в целях вынесения законного и обоснованного решения, приводит к формированию системы мер и методов альтернативного урегулирования спора.

Ключевые слова: медиация; судебное примирение; альтернативные способы урегулирования спора.

Защита нарушенных или оспариваемых прав управомоченных субъектов, установление законности, являющиеся целями судопроизводства, отнюдь не сводятся к формальному вынесению решения суда. Наряду с традиционной моделью правосудия в системе права существуют и иные способы разрешения конфликтов, направленные на достижение консенсуса между сторонами. Такие процедуры могут быть инициированы на любой стадии до окончания исполнительного производства.

Прежде всего, отметим, какие виды альтернативных процедур используются в ходе исполнения судебных актов. Частью 1 статьи 50 ФЗ от 02 октября 2007 года №229-ФЗ «Об исполнительном производстве» закреплено до окончания исполнительного производства стороны исполнительного производства вправе заключить мировое соглашение, соглашение о примирении, утверждаемые в судебном порядке» (далее – Закон об исполнительном производстве).

Стороны исполнительного производству вправе в любой момент до его окончания заключить письменный акт, выражающий их согласованную волю на прекращение исполнительного производства – мировое соглашение или соглашение о примирении. Считаем, что именно посредством таких институтов, как мировое соглашение, переговоры и судебное примирение возможно достичь истинной цели правосудия – восстановление прав и достижение баланса интересов сторон.

Утверждение, или легитимация судом результата мирного урегулирования спора – мирового соглашения, соглашения о примирении – поименовано в Законе об исполнительном производстве как один из

юридических фактов, влекущих прекращение исполнительного производства. Данная правовая конструкция говорит нам о том, что юридическую силу такой акт согласования воли сторон исполнительного производства приобретает после проверки и утверждения его судом, в целях недопущения злоупотребления правом с какой-либо стороны.

У.М. Мурзабулатов пишет: «считаем, что такой подход законодателя к вопросам заключения мирового соглашения в исполнительном производстве не совсем правильным, так как не способствует эффективному использованию возможностей мирового соглашения в рамках исполнительного производства» [1, с. 107].

Анализируя зарубежную практику применения примирительных процедур, следует отметить, что в некоторых иностранных государствах возможность добровольного прекращения исполнительного производства отличается большей развитостью и детализацией.

Так, статьей 52 Закона Республики Беларусь «Об исполнительном производстве» от 24 октября 2016 №439-З предусмотрено основание прекращения исполнительного производства в случае «заключения между взыскателем и должником медиативного соглашения».

Согласно подпункту 2 пункта 1 статьи 47 Закона Республики Казахстан от 02 апреля 2010 года №261- IV «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» исполнительное производство прекращается, если «взыскатель и должник заключили мировое соглашение и оно утверждено судом».

В европейских государствах медиация на стадии исполнительного производства приобрела иное нормативное и практическое воплощение. Например, «во Франции при Национальной палате судебных приставов функционирует специальный Центр медиации приставов» [2, с. 207].

На основании вышеизложенного, считаем необходимым законодательное закрепление примирительных процедур в рамках исполнительного производства, в связи с чем Закон об исполнительном производстве следует дополнить статьей следующего содержания:

«1. В ходе исполнительного производства подлежат применению следующие способы мирного урегулирования правоотношений между взыскателем и должником:

1) переговоры;

2) проведение процедуры медиации;

3) судебное примирение;

4) заключение мирового соглашения.

2. Исполнительное производство подлежит прекращению на основании результатов примирительных процедур в порядке, предусмотренном статьей 43 настоящего Федерального закона».

Урегулирование споров при помощи примирительных процедур с участием посредника (медиация, судебное примирение) или без такого должно быть наиболее желаемым результатом исполнительного производства.

В качестве мотивирующей составляющей мирного урегулирования спора, автором предлагается в случае успешного завершения примирительных процедур осуществлять возврат взысканного исполнительского сбора с должника.

Таким образом, процедуры мирного урегулирования спора в современном правовом поле являются весьма актуальными. Альтернативные методы урегулирования споров обладают широким потенциалом для дальнейшего развития правовой науки и юридической практики.

Список цитируемой литературы:

1. Мурзабулатов, У.М. Проблемы примирения сторон в исполнительном производстве / У.М. Мурзабулатов // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – №1 (55). – С. 106-110.

2. Соловьева, С.В. Медиация в сфере исполнительного производства: Европейский опыт / С.В. Соловьева, В.В. Филипов // Вестник ННГУ. – 2014. – №3-2. – С. 207-211.

Бессонова Н.Ю., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – С. В. Лаврова, старший преподаватель

ПРЕВЫШЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ САМОЗАЩИТЫ

Аннотация

Статья посвящена анализу проблемы превышения пределов самозащиты как одной из наиболее сложных и дискуссионных в гражданском праве. Автором рассматриваются теоретические подходы к определению границ самозащиты, соотношение самозащиты и самоуправства, анализируются критерии правомерности самозащитных действий. Особое внимание уделяется принципу соразмерности как основному критерию определения пределов самозащиты. На основе анализа научной литературы и законодательства предлагаются пути совершенствования правового регулирования института самозащиты.

Ключевые слова: самозащита; пределы самозащиты; превышение пределов самозащиты; самоуправство; соразмерность; необходимая оборона; крайняя необходимость; злоупотребление правом.

Конституционное право каждого на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом (ст. 45 Конституции РФ), находит свое воплощение в институте самозащиты гражданских прав. Статья 14 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ допускает самозащиту гражданских прав, устанавливая при этом важнейшее ограничение: способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Однако, как справедливо отмечает Н.И. Уздимаев: «многие средства и механизмы самозащиты не регламентированы вообще, либо регламентированы в самом общем виде» [5, с. 90], что создает серьезные проблемы для правоприменительной практики и для граждан, вынужденных самостоятельно защищать свои права. Как отмечает С.В. Лаврова: «механизм правовой защиты гражданских прав, как и механизм правового регулирования должен содержать в себе определённые правовые средства, именуемые гражданско-правовыми средствами защиты. Эти правовые средства защиты обладают специфическими особенностями, которые позволяют ограничить средства защиты субъективных гражданских прав от иных средств правового регулирования» [3, с. 37-38].

Проблема превышения пределов самозащиты приобретает особую остроту ввиду того, что законодатель не устанавливает четких критериев, позволяющих отличить правомерную самозащиту от ее превышения. Как указывает М.Ю. Барышников: «отсутствие единого подхода к определению четких границ данных институтов обуславливает субъективный подход в процессе принятия решений в правоприменительной практике» [1, с. 22]. В результате одно и то же действие в зависимости от обстоятельств дела и позиции суда может быть квалифицировано и как правомерная самозащита, и как превышение ее пределов, что порождает правовую неопределенность.

Ключевым критерием определения пределов самозащиты выступает принцип соразмерности. Как отмечает Уздимаева, «правозащитное поведение лица по своему характеру должно соответствовать характеру противоправных деяний другой стороны. Принцип недопустимости превышения пределов правовой самозащиты как самостоятельный, означающий, что правозащитное поведение лица должно соответствовать характеру и степени опасности посягательства на принадлежащие ему права, свободы, законные интересы» [5, с. 91].

Как отмечает С.В. Лаврова: «традиционно считается, что институт самозащиты призван обеспечить наиболее оперативную реакцию правообладателей на нарушение субъективного гражданского права, поскольку позволяет управомоченному лицу действовать без обращения к компетентным органам, самостоятельно, что в силу диспозитивного характера гражданско-правового регулирования обеспечивает стабильность и предсказуемость гражданского оборота, а также позволяет участникам моментально реагировать на угрозу нарушения принадлежащих им прав и не допускать правонарушений» [4, с. 126].

В отличие от самоуправства, самозащита – это правомерная неюрисдикционная форма защиты, которая, по определению М.С. Горбачева, «реализуется в одностороннем порядке (т.е. лицом, права которого нарушены, без обращения в компетентные органы)» [2, с. 56]. М.Ю. Барышников приходит к выводу, что «в силу отсутствия соответствующих положений в нормативных правовых актах, регулирующих вопросы самозащиты, ее пределов и самоуправства, в настоящее время оценка соразмерности и допустимость определенных действий в качестве самозащиты в большей степени относится к компетенции судебных и правоохранительных органов» [1, с. 22].

Исторический аспект проблемы также заслуживает внимания. И.И. Макаров и Бадоев в своем исследовании обращаются к воззрениям дореволюционных цивилистов Д.И. Мейера и К.Н. Анненкова, которые уже в XIX веке разграничивали самооборону и самоуправство. Это историческое разграничение сохраняет свое значение и сегодня и имеет важное значение для гражданско-правовой квалификации, поскольку позволяет учесть психологическое состояние лица в момент защиты.

М.С. Горбачев выделяет признаки: «самозащиты, позволяющие отграничить ее от превышения пределов: осуществление наступает в случае нарушения гражданского права или реальной угрозы такого нарушения; действия реализуются в одностороннем порядке без обращения в компетентные органы; самозащита реализуется только в форме действия; направленность действий на обеспечение неприкосновенности права, пресечение нарушения, ликвидацию последствий» [2, с. 57]. для каждой группы характерны свои критерии оценки превышения пределов.

Таким образом, проблема превышения пределов самозащиты в гражданском праве требует комплексного решения, включающего как совершенствование законодательства, так и повышение правовой культуры граждан, развитие судебной практики и научных исследований в данной области. Только при наличии четких законодательных критериев и эффективных механизмов их применения институт само-

защиты сможет в полной мере реализовать свой потенциал как средство защиты прав и законных интересов граждан. Право на самозащиту не может быть абсолютным и должно осуществляться в определенных рамках, установленных законом. Задача законодателя состоит в том, чтобы установить эти рамки максимально четко и понятно для всех участников правоотношений, что позволит гражданам эффективно защищать свои права, не опасаясь при этом быть привлеченными к ответственности за превышение пределов самозащиты. Только в этом случае самозащита сможет стать действительно эффективным инструментом правовой безопасности, а не источником новых правонарушений и судебных споров.

Список цитируемой литературы:

1. Барышников, М.Ю., Самоуправство как превышение пределов самозащиты в гражданском праве / М.Ю. Барышников // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 12-1. – С. 21-24.

2. Горбачев, М.С., Понятие самозащиты как неюрисдикционной формы защиты / М.С. Горбачев // Вестник магистратуры. – 2023. – № 7. – С. 55-57.

3. Лаврова, С.В. Правовые основания и юридические средства механизма реализации права на самозащиту / С.В. Лаврова // Гражданское право. – 2018. – № 6. – С. 36-38.

4. Лаврова, С.В. Соотношение понятий «охрана права» и «защита права» влияют на содержание самоохраны и самозащиты права / С.В. Лаврова // Современная юриспруденция: теория, методология, практика: материалы Международной научно-практической конференции / 30 ноября 2021 г. (г. Липецк) / под общ. ред. докт. юрид. истор, наук, проф. В.В. Соловьевой. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022. – С. 123-127.

5. Уздимаева, Н.И. Принципы правовой самозащиты: понятие, система, содержание / Н.И. Уздимаева // Пробелы в российском законодательстве, Юридический журнал. – 2018. – № 4. – С. 89-92.

Быкова А.П., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Левашова О.В., канд. юрид. наук

ДОГОВОР СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА: ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ НОРМАТИВНЫМ РЕГУЛИРОВАНИЕМ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКОЙ

Аннотация

Предметом настоящей статьи выступает правовое регулирование отношений, возникающих при использовании вспомогательных репродуктивных технологий в случаях, когда вынашивание ребёнка осуществляется третьим лицом. В работе выявляются несоответствия между нормами семейного и гражданского права в вопросе юридической природы соответствующего договора. Исследуется сложившаяся судебная практика по делам об установлении происхождения детей, рождённых с применением суррогатного материнства, а также по ситуациям, при которых женщина, выносившая ребёнка, отказывается от его передачи лицам, предоставившим генетический материал. Значительная часть работы посвящена охране прав каждого из участников складывающихся правоотношений, включая права самого ребёнка. Приводятся существующие в научном сообществе подходы к правовой квалификации договора и оцениваются возможные пути развития законодательства в данной области.

Ключевые слова: суррогатное материнство, вспомогательные репродуктивные технологии, договор возмездного оказания услуг, родительские права, семейное право, регистрация рождения, права ребенка, биологическое родство.

Методы искусственного содействия деторождению прочно вошли в медицинскую практику как инструмент решения проблемы бесплодия. Вынашивание ребёнка по соглашению с генетическими родителями представляет собой один из вариантов реализации данного подхода и остаётся предметом острых разногласий как в этической плоскости, так и в сфере права.

Российское законодательство допускает использование данной технологии, однако механизмы правового регулирования возникающих отношений содержат существенные пробелы и противоречия.

Семейный кодекс Российской Федерации в пункте 4 статьи 51 закрепляет право лиц, состоящих в браке и давших согласие на имплантацию эмбриона другой женщине, быть записанными родителями ребенка

только с согласия суррогатной матери. Данная норма фактически предоставляет женщине, выносившей ребенка, решающее слово в определении судьбы новорожденного, несмотря на отсутствие генетической связи с ним. Федеральный закон об основах охраны здоровья граждан устанавливает возможность применения суррогатного материнства, но не раскрывает правовую природу отношений между сторонами [1].

Отсутствие специального законодательного регулирования договора суррогатного материнства приводит к попыткам применения общих положений гражданского права. Стороны на практике заключают договоры, квалифицируемые как возмездное оказание услуг, подряд или смешанные договоры. Однако ни одна из этих конструкций не отражает полностью специфику отношений. Рассмотрение вынашивания ребенка как услуги вступает в противоречие с принципом недопустимости коммерциализации человеческого тела и деторождения.

Судебная практика демонстрирует разнообразие подходов к разрешению споров между генетическими родителями и суррогатными матерями. Наиболее распространенная ситуация возникает, когда суррогатная мать отказывается дать согласие на запись заказчиков родителями и желает оставить ребенка себе. Органы ЗАГС в таких случаях регистрируют ребенка на суррогатную мать как родившую его женщину, опираясь на норму Семейного кодекса о презумпции материнства.

Генетические родители обращаются в суд с требованиями об оспаривании материнства, установлении факта происхождения ребенка и обязании органов ЗАГС внести изменения в запись акта о рождении. Суды по-разному оценивают такие требования. Часть судебных инстанций исходит из приоритета воли суррогатной матери, закрепленной в Семейном кодексе, и отказывает в удовлетворении исков. Другие суды признают преимущественное право генетических родителей, особенно при установлении факта генетического происхождения ребенка от заказчиков посредством экспертизы ДНК.

Согласно правовому определению суррогатного материнства, закреплённому в постановлении Конституционного Суда РФ от 2017 года, для оформления итогового акта необходимо добровольное согласие суррогатной матери на внесение в документ сведений о генетических родителях. Однако в профессиональном сообществе данная модель правоотношений остаётся дискуссионной. Если исходить из обстоятельств, описанных в упомянутом постановлении, заказчики такой услуги могут лишиться родительских прав. Подобный исход не имеет убедительного правового обоснования и расходится с устоявшимися в социуме понятиями о справедливости.

Дополнительная сложность заключается в выработке критериев, при которых договор суррогатного материнства признавался бы юридически

действительным. В ряде судебных решений такие отношения трактуются как противоречащие статье 169 ГК РФ (нарушение основ нравственности и публичного порядка), поскольку коммерциализация процесса вынашивания ребёнка считается недопустимой. Противоположная точка зрения ссылается на законность суррогатного материнства в РФ и на свободу договора как один из базовых принципов гражданского оборота [2].

Отдельную трудность представляет собой правовой статус ребенка, который до момента проведения государственной регистрации остается законодательно неопределенным. Если между генетическими родителями и суррогатной матерью возникает судебный спор, новорожденный фактически утрачивает способность выступать субъектом правоотношений. Подобная ситуация вступает в противоречие с основополагающими принципами защиты прав несовершеннолетних. Кроме того, затяжные судебные разбирательства способны сделать невозможным осуществление права ребенка на установление своего происхождения и на воспитание в семейной среде.

В зарубежных юрисдикциях можно обнаружить принципиально различные варианты правовой квалификации суррогатного материнства. Некоторые страны серьёзно ограничивают доступ к данной процедуре. Причиной запрета в большинстве случаев становится характеризация суррогатного материнства как процесса торговли детьми.

Так, в Великобритании данная операция возможна лишь на безвозмездной основе. В то же время определённые штаты США сохраняют возможность заключения коммерческих договоров в рамках текущего законодательства, а модель, представленная в украинской правовой системе, автоматизирует процесс легализации родительского статуса заказчика, что устраняет ряд противоречий, однако является спорным с точки зрения защиты женских прав. Израиль же предлагает комбинированный подход, предполагая предварительное согласование сделки по предоставлению услуг суррогатного материнства, правовая система европейского государства обеспечивает максимальную юридическую безопасность и последующее удовлетворение интересов всех заинтересованных сторон.

Российская правовая система нуждается в концептуальном решении вопроса о правовой природе отношений при суррогатном материнстве. Рассмотрение договора через призму исключительно имущественных отношений игнорирует семейно-правовой аспект установления происхождения ребенка. Квалификация отношений как семейно-правовых не учитывает наличие встречного имущественного предоставления и возмездный характер. [3]

Перспективным представляется принятие специального закона о применении вспомогательных репродуктивных технологий, опреде-

ляющего правовой режим договора суррогатного материнства. Законодатель должен разрешить коллизию между правами генетических родителей и суррогатной матери, установив баланс интересов при приоритете прав ребенка. Целесообразно предусмотреть обязательное нотариальное удостоверение договора и предварительное согласие суррогатной матери на запись заказчиков родителями, данное до имплантации эмбриона.

Механизм судебного разрешения споров требует совершенствования процессуальных норм с учетом специфики дел. Сокращение сроков рассмотрения, обязательное назначение генетической экспертизы и участие органов опеки в защиту интересов ребенка должны стать стандартными элементами процедуры. Установление четких критериев оценки действительности договора и последствий его нарушения обеспечит предсказуемость правоприменения.

Вопросы материального обеспечения суррогатной матери, компенсации расходов и вознаграждения нуждаются в законодательной регламентации. Определение предельных размеров выплат, порядка их осуществления и налоговых последствий исключит злоупотребления и коммерциализацию отношений. Требования к личности суррогатной матери, её возрасту, состоянию здоровья и наличию собственных детей должны быть закреплены императивными нормами.

Защита прав ребенка предполагает запрет отказа генетических родителей от принятия новорожденного по мотивам состояния его здоровья или иным обстоятельствам. Закрепление безусловной обязанности заказчиков принять ребенка корреспондирует с родительской ответственностью. Одновременно необходимы гарантии медицинского обследования суррогатной матери и контроля её образа жизни в период беременности.

Анализ правового регулирования суррогатного материнства выявляет системные недостатки действующего законодательства. [1, 6] Противоречия между нормами различных отраслей права, отсутствие специального регулирования договорных отношений и неопределенность правового статуса ребенка создают почву для злоупотреблений и нарушения прав участников.

Законодателю необходимо выработать комплексный подход к регулированию применения вспомогательных репродуктивных технологий, учитывающий медицинские, этические и правовые аспекты проблемы.

Список цитируемой литературы:

1. Дворцова, Е.О. Источники правового регулирования суррогатного материнства в России // Молодой ученый. – 2024. – № 49(548). – С. 466-

468. https://moluch.ru/archive/548/120025?ysclid=mnooeix9nh124072839 (дата обращения 07.04.2026)

2. Швецова, А.В., Полякова И.Г. Суррогатное материнство в России: пересечения общественного мнения и экспертных оценок // Мониторинг. – 2025. – №4 (188). – С. 53-77. https://cyberleninka.ru/article/n/surrogatnoe-materinstvo-v-rossii-peresecheniya-obschestvennogo-mneniya-i-ekspertnyh-otsenok?ysclid=mnoog6z32y 779898046 (дата обращения 07.04.2026)

3. Кременец, М.Ю. Правовая природа договора о суррогатном материнстве // Вопросы российской юстиции. – 2022. – №20. – С. 149-157. https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-dogovora-o-surrogatnom-materinstve-2?ysclid=mnooew0dtf432400217 (дата обращения 07.04.2026)

4. Васильева, О.М., Жаворонкова К.П. Суррогатное материнство: правовое регулирование и его недостатки // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2020. – №4 (29). – С. 9-12. https://cyberleninka.ru/article/n/surrogatnoe-materinstvo-pravovoe-regulirovanie-i-ego-nedostatki?ysclid=mnood15uq7200259807 (дата обращения 07.04.2026)

Быткина В.Ю., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Аннотация

В статье исследуются формы семейного устройства детей-сирот, включая усыновление, опеку, приемную семью, а также альтернативные модели (детские деревни-SOS, временная передача в семью). Особое внимание уделяется реализации социальных гарантий, в первую очередь обеспечению жильем и постинтернатному сопровождению выпускников. На основе анализа научных источников и правоприменительной практики автором предлагаются направления совершенствования законодательства, включая создание Домов юношества и нормативное закрепление детских деревень семейного типа.

Ключевые слова: дети-сироты; социальная защита; усыновление; приемная семья; жилищные права; постинтернатное сопровождение; Дом юношества; детская деревня-SOS.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что, несмотря на устойчивую тенденцию к снижению общего числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Как справедливо отмечает Ю.В. Васильев: «детство любого ребенка должно быть окружено всесторонней заботой государства» [1, с. 1]. Правовую основу социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, составляют Конституция РФ, Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ, Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве», а также подзаконные нормативные правовые акты.

Центральным звеном в системе защиты прав детей-сирот выступают органы опеки и попечительства. Именно на них возложены функции по выявлению, учету и устройству детей, оставшихся без попечения родителей, а также последующему контролю за условиями их жизни и воспитания. Вместе с тем анализ практики деятельности органов опеки позволяет выявить ряд системных проблем. Специалисты органов опеки испытывают высокую нагрузку: на одного сотрудника в ряде регионов приходится значительное количество семей, что делает полноценное сопровождение каждого ребенка затруднительным. Следствием перегруженности является высокая текучесть кадров в данной сфере. Не менее значимой проблемой выступает формальный характер межведомственного взаимодействия. Образовательные организации, учреждения здравоохранения, органы социальной защиты и внутренних дел обмениваются информацией о детях-сиротах в рамках утвержденных регламентов. Однако отсутствие единой федеральной базы данных приводит к тому, что ребенок может «теряться» при переходе из одной организации в другую. Это особенно актуально при переезде ребенка из школы-интерната в профессиональное образовательное учреждение или при смене места жительства.

Законодатель выстроил иерархию: усыновление, опека (попечительство), приемная семья, и лишь при отсутствии возможности передать ребенка в семью – организации для детей-сирот. Приоритетная форма – усыновление, поскольку оно наиболее полно обеспечивает интеграцию ребёнка в семью.

При усыновлении между усыновленным и усыновителем возникают отношения, приравненные к отношениям родных детей и родителей. Кандидату необходимо собрать пакет документов, пройти психологическую подготовку, получить заключение органа опеки, после чего дело рассматривается в суде. Усыновлённый ребёнок приобретает право на наследство, фамилию усыновителя, а также утрачивает льго-

ты, предусмотренные для детей-сирот. Проблема в том, что усыновляют в основном детей до трёх лет, а дети старшего возраста или имеющие заболевания остаются в детских домах. Кроме того, ежегодно фиксируются случаи отмены усыновления, например, по основаниям, предусмотренным ст. 141 Семейного кодекса РФ (уклонение от воспитания, жестокое обращение).

Опека и попечительство являются наиболее распространенной формой семейного устройства благодаря относительно упрощенной процедуре оформления. Вместе с тем у данной формы есть свои недостатки. Проверки органов опеки зачастую носят формальный характер и не позволяют своевременно выявить проблемы в замещающей семье.

Приемная семья – это форма устройства, основанная на договоре между органом опеки и приемными родителями, которые получают вознаграждение за свой труд. Такая конструкция позволяет привлекать к воспитанию детей-сирот большее количество граждан.

Кроме перечисленных форм, в России существуют и иные, не закрепленные напрямую в Семейном кодексе РФ, но успешно функционирующие модели семейного устройства. Как отмечает С.В. Лаврова: «Форы устройства детей определены семейным законодательством, иными нормативно-правовыми актами и являются основными, но кроме законодательно закрепленных существуют и иные, к которым относятся Детские деревни-SOS, их называют во всем Мире «SOS-Kinderdorf». Данная форма семейного воспитания детей выступает достойной альтернативной дома ребенка, детских домов, интернатов и иных учреждений» [4, с. 40].

Особого внимания заслуживает временная передача ребенка в семью. Как отмечает Д.В. Шинкарюк: «временная передача ребенка в семью граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, не является формой устройства ребенка в семью и осуществляется на основании распоряжения администрации такой организации в интересах ребенка в целях обеспечения его воспитания и гармоничного развития» [6, с. 116]. Данная передача не допускается, если пребывание ребенка в семье может создать угрозу причинения вреда его физическому и (или) психическому здоровью, его нравственному развитию либо иную угрозу его законным интересам.

Таким образом, анализ форм семейного устройства позволяет сделать вывод, что, несмотря на декларируемый приоритет семейного воспитания, на практике сохраняются серьезные препятствия. Бюрократические барьеры при усыновлении, слабый контроль при опеке – все это создает ситуации, когда ребенок продолжает находиться в организации для детей-сирот. Временная передача ребенка в семью может рассматриваться как полезный инструмент для «тестирования»

готовности граждан к принятию ребенка, но сама по себе она не решает проблему системного устройства детей.

Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» устанавливает широкий круг мер поддержки для данной категории лиц. К ним относятся право на бесплатное образование, повышенную стипендию, бесплатный проезд, внеочередное трудоустройство, а также право на обеспечение жилым помещением. Однако, как показывает анализ правоприменительной практики, далеко не все эти гарантии реализуются в полном объеме.

Одной из важных проблем является обеспечение детей-сирот жильем, которая традиционно признается одной из самых острых в рассматриваемой сфере. Согласно действующему законодательству, дети-сироты включаются в список лиц, подлежащих обеспечению жилыми помещениями специализированного жилищного фонда по достижении 18 лет, а также после завершения обучения или прохождения военной службы. Однако на практике реализация этого права сталкивается с серьезными препятствиями. Как отмечают А.Н. Устинов и Е.М. Якимова: «проблема обеспечения жильем лиц из числа детей-сирот... является одной из самых социально значимых, средний срок ожидания жилья сиротой составляет порядка 5-7 лет» [5, с. 61]. Иными словами, молодой человек, только вступающий в самостоятельную жизнь, вынужден годами ждать обещанной государством квартиры. Таким образом, отсутствие жилья не только нарушает конституционное право сирот, но и создает угрозу для общества в целом.

В образовательных гарантиях механизмы социальной поддержки работают относительно эффективно. Дети-сироты имеют право на бесплатное обучение на подготовительных отделениях вузов, получение второго среднего профессионального образования, а также на повышенную стипендию (в полтора раза больше обычной). Вместе с тем, как будет показано далее, даже успешное поступление в учебное заведение не гарантирует успешной адаптации без должного сопровождения.

Постинтернатное сопровождение призвано помогать вчерашним воспитанникам детских домов адаптироваться к самостоятельной жизни – решать вопросы трудоустройства, продолжения образования, бытового обустройства. Однако на практике, как отмечают А.Р. Ишматова и Т.В. Бондарчук: «сталкиваются с целым рядом проблем: отсутствуют общепринятый механизм реализации законов... недостаточно ресурсов (финансовых, кадровых, методических) ... несогласованы действия разных структур» [2, с. 3]. Это означает, что даже там, где программы постинтернатного сопровождения формально существуют, их эффективность остается крайне низкой. Выпускник детского дома

зачастую оказывается один на один со своими проблемами именно в тот момент, когда поддержка государства нужна ему более всего.

Одним из возможных решений обозначенных проблем может стать создание Домов юношества. Как отмечает С.В. Лаврова: «создание Домов юношества – особой формы социализации, представляющей собой «жилище типа общежития или многоквартирного дома, где выпускники в возрасте от 16 до 23 лет могут пройти социальную адаптацию, получить помощь в трудоустройстве и продолжении образования. Дома юношества призваны стать той временной обителью, которая поможет повзрослевшим ребятам осмотреться, перевести дыхание перед решающим шагом – вступлением в большую, самостоятельную жизнь» [3, с. 35]. При этом автор обращает внимание на необходимость принятия федерального закона, регулирующего создание и деятельность таких домов, а также распространения информации о данной форме поддержки в обществе.

Подводя итог, следует отметить, что потенциал системы социальной защиты детей-сирот раскрыт еще не полностью. Существуют направления, требующие дальнейшего совершенствования: снижение нагрузки на специалистов органов опеки, улучшение межведомственного обмена информацией, сокращение сроков предоставления жилья, развитие реального, а не формального сопровождения выпускников. Перспективными решениями могут стать создание Домов юношества и законодательное закрепление детских деревень-SOS.

Список цитируемой литературы:

1. Васильева, Ю.В. Новый вектор социальной политики Российского государства в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / Ю.В. Васильева // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2025. – № 1. – С. 5-12.

2. Ишматова, А.Р. Постинтернатное сопровождение выпускников как технология социальной работы с детьми / А.Р. Ишматова, Т.В. Бондарчук // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование, здравоохранение, физическая культура». – 2014. – Т. 14, № 2. – С. 19-25.

3. Лаврова, С.В. Дом юношества как особая форма социализации выпускников детских домов / С.В. Лаврова // Духовно-нравственные ценности как основа технологического суверенитета России: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции (г. Липецк, 24 апреля 2024 г.) / под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Е.А. Гончаровой. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. – С. 34-38.

4. Лаврова, С.В. Детская деревня – особая форма устройства детей в семью / С.В. Лаврова, Д.А. Филиппова // Духовно-нравственные ценности как основа технологического суверенитета России: материалы

XVIII Всероссийской научно-практической конференции (г. Липецк, 24 апреля 2024 г.) / под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Е.А. Гончаровой. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. – С. 39-41.

5. Устинов, А.Н. Проблемы реализации права детей-сирот и лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на обеспечение жилым помещением / А.Н. Устинов, Е.М. Якимова // Сибирский юридический вестник. – 2022. – № 1 (96). – С. 37-41.

6. Шинкарюк, Д.В. Формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей / Д.В. Шинкарюк // Образование и воспитание дошкольников, школьников, молодежи: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 116-118.

Васильев И.Д., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В.

САМОЗАЩИТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА

Аннотация

Настоящая работа посвящена исследованию института самозащиты гражданских прав в контексте современной судебной интерпретации. Анализируется противоречие между доктринальным пониманием самозащиты как широкой неюрисдикционной формы защиты и ограничительной позицией Верховного Суда РФ, сформулированной в Постановлении Пленума № 25. Рассматриваются проблемы соразмерности, отсутствия законодательного перечня допустимых способов и разграничения со смежными правовыми институтами. Обосновывается необходимость законодательной конкретизации пределов самозащиты.

Ключевые слова: защита гражданских прав, неюрисдикционная форма защиты, соразмерность способов защиты, судебное толкование, удержание имущества, необходимая оборона, крайняя необходимость.

Гражданское законодательство Российской Федерации относит самозащиту к числу способов охраны субъективных прав наряду с признанием права, восстановлением нарушенного положения и иными средствами, предусмотренными статьей 12 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (далее КГ РФ). В

свою очередь, нормы статьи 14 ГК РФ ограничиваются установлением общего принципа возможности самозащиты, не раскрывая перечня допустимых действий, ни критериев их оценки, за исключением требования о соразмерности избранных мер характеру нарушения. Такая законодательная лаконичность, по мнению ряда исследователей, создает существенные сложности в правоприменительной деятельности.

В науке гражданского права сложилось устойчивое понимание самозащиты как неюрисдикционной формы охраны субъективных прав. Под данным институтом предлагается понимать действия, совершаемые управомоченным лицом в одностороннем порядке без привлечения государственных властных структур. Как отмечает М.С. Горбачев: «под самозащитой подразумевается неюрисдикционная форма защиты гражданских прав и охраняемых законом интересов, осуществляемая управомоченным лицом без обращения в компетентные органы» [1, с. 55]. Автор выделяет следующие ключевые черты данного юридического инструмента: право на самозащиту возникает лишь в случае совершения правонарушения или при наличии прямой угрозы его совершения; действия носят односторонний характер; их цель заключается в прекращении противоправных действий и ликвидации их отрицательных результатов.

Анализируя соотношение различных форм защиты, С.В. Лаврова приходит к выводу, что «самозащита, существуя наряду с судебной и административной формами защиты, является самостоятельной правовой формой защиты нарушенных или оспоренных гражданских прав» [3, с. 118]. При этом автор подчеркивает, что «Защиту субъективного права необходимо рассматривать в качестве самостоятельного правомочия, который входит в состав субъективного гражданского права. Осуществление таких правомочий ставит перед собою цель возврата действий лиц гражданского правоотношения в рамки «отложенного» нормального взаимодействия» [4, с. 36].

Значительный массив проблем, связанных с применением самозащиты, порождается отсутствием законодательно утвержденного перечня допустимых способов ее реализации. Как обоснованно отмечают Д.В. Королева и З.Р. Галиева, «отсутствие исчерпывающего перечня способов самозащиты прав создаёт основу для несанкционированного признания того или иного действия ими. Нормы статьи 45 Конституции РФ определяют, что каждый гражданин может защищать свои права всеми способами, не запрещёнными законом, но согласно ст. 12 ГК РФ, гражданин может защищать всеми способами, установленными законом. В своей совокупности эти обстоятельства позволяют исследователям характеризовать действующий механизм самозащиты как недостаточно совершенный» [2, с. 30].

Особую остроту рассматриваемая проблематика приобрела в связи с разъяснениями, содержащимися в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25. Н.В. Южанин указывает, что «в п.10 указанного судебного акта отмечается, что по смыслу статей 12 и 14 ГК РФ самозащита может выражаться, в том числе, в воздействии лица на свое собственное или находящееся в его законном владении имущество. Далее указывается, что самозащита может заключаться также в воздействии на имущество правонарушителя, в том случае если она обладает признаками необходимой обороны (ст. 1 066 ГК РФ) или совершена в состоянии крайней необходимости (ст. 1 067 ГК РФ). Указанное разъяснение по существу ограничило применение самозащиты в гражданских правоотношениях только лишь посредством воздействия на собственное имущество защищающегося. «Ограничение по применению самозащиты только лишь случаями воздействия на собственное имущество моментально перекрывает возможность реализации самозащиты негаторного характера» [6, с. 99]. М.А. Чешев предлагает дифференцировать способы самозащиты на две группы в зависимости от характера совершаемых действий. По его мнению: «способы самозащиты классифицируются на две группы в зависимости от характера защитительных деяний. В первую группу входят деяния фактического порядка»; «вторую группу составляют деяния юридического порядка, то есть деяния в рамках договорных правоотношений» [5, с. 48].

В правоприменительной деятельности особую сложность представляет доказывание соразмерности избранных способов самозащиты характеру нарушения. Анализ судебных актов показывает, что суды, как правило, не дают развернутого обоснования того, на основании каких именно критериев они пришли к выводу о соразмерности либо, напротив, о превышении пределов самозащиты. В большинстве решений используются оценочные формулировки: «действия являются соразмерными» или «допущено превышение пределов самозащиты», однако конкретные параметры такой оценки остаются за рамками мотивировочной части судебного акта.

Между тем, для формирования единообразной судебной практики необходимо разработать систему критериев соразмерности, включающих: соотношение ценности защищаемого права и причиненного вреда; характер и длительность нарушения; возможность предотвращения нарушения иными средствами; добросовестность поведения управомоченного лица; наличие либо отсутствие вины нарушителя. Применение подобной системы критериев позволит судам давать мотивированную оценку действиям по самозащите и минимизирует риск субъективизма при принятии решений.

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать наличие существенных проблем в нормативно-правовом регулировании института самозащиты. Ограничительная позиция Верховного Суда РФ, выраженная в Постановлении Пленума № 25, вступает в противоречие с доктринальным пониманием самозащиты и практическими потребностями гражданского оборота. Преодоление данного противоречия видится в принятии законодательных мер, направленных на закрепление легального определения самозащиты с указанием ее сущностных признаков, расширение круга допустимых способов самозащиты за счет включения односторонних мер договорно-правового характера, а также разработку четких критериев соразмерности, учитывающих специфику различных видов правонарушений и защищаемых благ.

Список цитируемой литературы:

1. Горбачев, М.С. Понятие самозащиты как неюрисдикционной формы защиты / М.С. Горбачев // Вестник магистратуры. – 2023. – № 7 (142). – С. 55–57.

2. Королева, Д.В. Проблемы нормативно-правового регулирования самозащиты в Российской Федерации: обзор судебной практики / Д.В. Королева, З.Р. Галиева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 4-4. – С. 28–31.

3. Лаврова, С.В. О формах защиты и самозащиты гражданских прав / С.В. Лаврова // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 2 (93). – С. 113–119.

4. Лаврова, С.В. Правовые основания и юридические средства механизма реализации права на самозащиту. / С.В. Лаврова // Гражданское право. – 2018. – № 6. – С. 36-38.

5. Чешев, М.А. Самозащита как способ защиты гражданских прав / М.А. Чешев // Вестник магистратуры. – 2021. – № 1-2 (112). – С. 48–49.

6. Южанин, Н.В. Самозащита в гражданском праве и ее современное судебное толкование / Н.В. Южанин // Юристъ-Правоведъ. – 2025. – № 4 (115). – С. 96–100.

Вебер В.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

АЛИМЕНТЫ В ТВЁРДОЙ ДЕНЕЖНОЙ СУММЕ: ПРОБЛЕМА ДОКАЗЫВАНИЯ РАЗМЕРА РАСХОДОВ НА РЕБЁНКА

Аннотация

В статье рассматриваются правовые основания взыскания алиментов в твердой денежной сумме и выявляется проблема доказывания фактических расходов на ребенка. С учётом позиции Верховного Суда РФ и научной литературы предлагаются направления совершенствования законодательства.

Ключевые слова: алименты, твердая денежная сумма, доказывание, расходы на ребенка, прожиточный минимум.

В соответствии со ст. 83 Семейного кодекса Росссийской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ алименты могут быть взысканы в твердой денежной сумме, если взыскание в долевом отношении к заработку родителя невозможно, затруднительно или существенно нарушает интересы одной из сторон [1]. Данный способ взыскания применяется при отсутствии у плательщика постоянного заработка, получении им дохода в натуральной форме или в иностранной валюте, а также в иных случаях, когда долевое взыскание не позволяет обеспечить ребенку прежний уровень содержания. [3].

Ключевая проблема правоприменения заключается не в выборе между долевым и твердым способом взыскания, а в доказывании размера ежемесячных расходов на ребенка. Закон не содержит перечня доказательств, которыми истец может подтвердить эти расходы, и не устанавливает критериев определения «прежнего уровня обеспечения».

Как указано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 56 от 26 декабря 2017 года, размер алиментов в твердой денежной сумме определяется судом исходя из максимально возможного сохранения ребенку прежнего уровня его обеспечения с учетом материального и семейного положения сторон и других заслуживающих внимания обстоятельств [2]. Однако конкретные критерии, позволяющие установить этот уровень, в постановлении отсутствуют.

Исследователи отмечают, что «в действующем законодательстве в области семейного права существует необходимость в изменении нормы по определению размера алиментов в твердой индексируемой

денежной сумме», поскольку данная проблема «выражена в несоответствии определенной законом суммы с существующими потребностями несовершеннолетних детей» [4, с. 67].

На практике суды требуют от истца документального подтверждения расходов: чеков, квитанций, договоров об оказании платных услуг. При этом оплата многих товаров и услуг (продуктов питания, одежды, занятий в кружках и секциях) зачастую не сопровождается сохранением письменных доказательств. Показания свидетелей, выписки по банковским картам, скриншоты переписок суды либо не принимают, либо не считают достаточной доказательственной базой.

Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, указал, что получатели алиментов обращаются с иском о взыскании алиментов в твёрдой денежной сумме в том числе в случаях, когда взыскание в долевом отношении «составляет незначительную сумму, нередко не достигающую даже размера прожиточного минимума на детей, установленного в соответствующем субъекте Российской Федерации, что не позволяет содержать ребенка и обеспечивать его жизненные потребности» [3]. При этом, как только истец заявляет сумму выше прожиточного минимума, у него возникают трудности с ее обоснованием.

В результате многие истцы, имеющие объективное право на получение алиментов в большем размере, получают минимальную сумму, чаще всего кратную одному прожиточному минимуму [4, с. 69].

Проблема усугубляется тремя факторами, а именно:

- во-первых, законодатель не установил минимальный размер алиментов в твёрдой денежной сумме;

- во-вторых, отсутствует унифицированный подход к определению «прежнего уровня обеспечения»;

- в-третьих, нет рекомендаций по оценке косвенных доказательств расходов на ребенка.

Подводя итог проведённому исследованию следует предложить следующие изменения в законодательстве и судебной практике:

- ввести обязательный досудебный порядок раскрытия информации о расходах на ребенка;

- ввести обязанность суда в мотивировочной части решения указывать, какие конкретно расходы подтверждены, а какие нет и почему;

- закрепить возможность использования выписок по банковским картам как самостоятельного доказательства расходов без привязки к чекам.

Институт алиментов в твердой денежной сумме направлен на защиту имущественных прав ребенка, между тем отсутствие четких пра-

вил доказывания расходов сводит его эффективность к минимуму. Предложенные изменения нацелены не на пересмотр института, а на устранение конкретных препятствий в правоприменении. Досудебное раскрытие доказательств исключит эффект неожиданности и позволит сторонам подготовиться к судебному разбирательству. Обязанность суда мотивировать отказ в принятии тех или иных расходов сделает практику более прозрачной и предсказуемой. Закрепление выписок по банковским картам в качестве самостоятельного доказательства избавит истцов от необходимости сохранять все чеки. Каждое из этих изменений не требует масштабной реформы, но в совокупности способно превратить право на алименты в твердой сумме в реально работающий механизм.

Список цитируемой литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 марта 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 83.

2. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 56 // Российская газета. – 2017. – № 9.

3. Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 13 май 2015г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. – №12.

4. Ивановская, Н.В., Стельмах, А.В. Определение алиментов в твердой индексируемой денежной сумме / Н.В. Ивановская, А.В. Стельмах // Пробелы в российском законодательстве: науч. Журнал. – 2024. – № 7. – С. 67-71.

Гагарина А.Р., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ВЫЯВЛЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Аннотация

В статье представлен глубокий анализ существующих в России механизмов поиска и устройства детей, лишенных родительской опеки. Особое внимание уделяется острым проблемам: сложности раннего выявления семейного неблагополучия и недостаточной координации между ключевыми ведомствами – органами опеки, правоохранительными органами и учреждениями здравоохранения. Также детально рассматриваются правовые аспекты защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

Ключевые слова: дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, выявление и учет, межведомственное взаимодействие, защита прав детей.

Актуальность проблемы социального сиротства и обеспечения прав детей, лишенных родительской заботы, в современной России трудно переоценить. Несмотря на позитивную динамику сокращения числа таких несовершеннолетних, существующая система их обнаружения и дальнейшего устройства требует непрерывного совершенствования. Основой государственной политики в этой области является приоритет семейного воспитания, закрепленный в Семейном кодексе РФ и законе «Об опеке и попечительстве». Эффективность этого подхода напрямую связана с координацией усилий профилактических органов, адекватностью законодательства и готовностью общества к принятию детей в семью.

Цель нашей статьи – проанализировать текущее положение дел в сфере выявления и устройства детей-сирот, выявить ключевые препятствия и наметить пути оптимизации данной системы. Правовую основу деятельности по выявлению и устройству детей составляют Конституция РФ, Семейный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве», Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», а также постановления Правительства РФ. В соответствии с пунктом 1 статьи 123 Семейного кодек-

са Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ [1] дети, оставшиеся без попечения родителей, подлежат передаче в семью на воспитание (усыновление (удочерение), под опеку или попечительство, в приемную семью либо в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, в патронатную семью), а при отсутствии такой возможности передаются в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, всех типов. «Форы устройства детей определены семейным законодательством, иными нормативно-правовыми актами и являются основными, но кроме законодательно закрепленных существуют и иные, к которым относятся Детские деревни-SOS, их называют во всем Мире «SOS-Kinderdorf»» [2, с. 40].

Задача по обнаружению детей, оказавшихся без родительской опеки, требует скоординированных усилий органов опеки, правоохранительных органов, медицинских и образовательных учреждений. Процедура инициируется в следующих случаях: утрата родителей (включая случаи, когда они признаны умершими); принятие решения о лишении или ограничении родительских прав; признание родителей недееспособными по решению суда; длительное заболевание родителей, делающее невозможным выполнение ими родительских функций; бездействие родителей в вопросах воспитания или защиты прав и интересов своих детей.

Заметить и сообщить о ребёнке, которому нужна помощь, может кто угодно. До тех пор, пока не будет найдено долгосрочное решение для его устройства. Законодательство предусматривает несколько форм устройства детей, которые можно условно разделить на семейные и институциональные.

Усыновление (удочерение) – это предпочтительный способ устройства ребенка в семью. После усыновления ребенок юридически становится родным для своих новых родителей, а они, в свою очередь, получают все права и несут все обязанности, присущие родителям. Этот вид устройства является окончательным и не предполагает дальнейшего надзора со стороны государственных органов за жизнью ребенка в семье.

Опека и попечительство – это наиболее часто встречающиеся формы устройства. Опекуны выступают в качестве законных представителей ребенка и имеют право на получение ежемесячных пособий на его содержание. Государственные органы, ответственные за опеку, регулярно проверяют условия жизни и воспитания ребенка.

Приемная семья – это платная форма опеки. Приемные родители заключают договор с органом опеки, обязуясь воспитывать ребенка за определенное вознаграждение. В отличие от усыновления, ребенок в

приемной семье сохраняет статус сироты или ребенка, оставшегося без попечения родителей, что дает ему право на все положенные по закону льготы.

Патронатное воспитание – форма устройства ребёнка в семью, при которой он передаётся на воспитание патронатному воспитателю на основании трудового договора. При этом ответственность за ребёнка распределяется между воспитателем и уполномоченным государственным органом – например, детским домом или центром поддержки семьи.

Инстуциональное воспитание- устройство в организации для детей-сирот (детские дома, школы-интернаты) рассматривается как временная мера при отсутствии возможности передать ребенка в семью. Государство прилагает системные усилия по деинституционализации – сокращению числа таких учреждений и переводу детей на семейные формы воспитания.

Несмотря на наличие проработанной нормативно-правовой базы, система сталкивается с комплексом системных вызовов:

1. Недостаточная координация межведомственного взаимодействия: отмечается формализм в обмене информацией между образовательными, медицинскими и социальными службами, что ведет к задержкам в выявлении семейного неблагополучия и, как следствие, к несвоевременному оказанию помощи детям.

2. Феномен вторичного сиротства: Возврат детей из замещающих семей в учреждения является актуальной проблемой, коренящейся в недостаточной подготовке приемных родителей к адаптационным трудностям ребенка (особенно подросткового возраста) и отсутствии комплексной психолого-педагогической поддержки семьи.

3. Проблемы социальной адаптации выпускников: Выпускники детских домов зачастую не готовы к самостоятельной жизни (бытовое самообслуживание, финансовая грамотность, социальные связи), что повышает их риск вовлечения в деструктивные явления (криминал, алкоголизм, бездомность).

4. Ограниченная востребованность подростков и детей с ОВЗ: Потенциальные усыновители и опекуны проявляют значительно меньший интерес к устройству детей подросткового возраста и детей с ограниченными возможностями здоровья по сравнению со здоровыми детьми младшего возраста.

В заключении можно сказать, что система выявления и устройства детей, оставшихся без попечения родителей в России, находится в стадии активной трансформации с акцентом на деинституционализацию. Для повышения ее эффективности необходимо: совершенствовать механизмы раннего выявления семейного неблагополучия через

цифровизацию межведомственного взаимодействия; развивать институт сопровождения замещающих семей на всех этапах: от подготовки кандидатов до постинтернатной адаптации повзрослевших детей; внедрять программы наставничества для подростков из детских домов с целью их социализации, так как, «на органы опеки и попечительства. «Несмотря на предусмотренные законом гарантии, выпускники детских домов и других учреждений для детей-сирот, остаются без поддержки, хотя очень нуждаются в ней. Зачастую у них не решён вопрос даже с предоставлением им жилья, а также с местом учебы и\или работы. Им бывает очень сложно влиться в новый коллектив, в которой они попадают для получения дальнейшего образования или начинают свою трудовую деятельность» [3 с. 35].

Реализация этих мер позволит не только сократить число детей в учреждениях интернатного типа, но и обеспечить каждому ребенку право на воспитание в безопасной и любящей семейной среде.

Список цитируемой литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Собр. законодательства. Рос. Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

2. Лаврова, С.В., Филиппова, Д.А. Детская деревня – особая форма устройства детей в семью / С.В. Лаврова, Д.А. Филиппова // Духовно-нравственные ценности как основа технологического суверенитета России: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции (г. Липецк, 24 апреля 2024 г.) / под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Е.А. Гончаровой. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. – С. 39-43.

3. Лаврова, С.В., Дом юношества как особая форма социализации выпускников детских домов / С.В. Лаврова // Духовно-нравственные ценности как основа технологического суверенитета России: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции (г. Липецк, 24 апреля 2024 г.) / под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Е.А. Гончаровой. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. – С. 34-38.

Голосова К.О., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

OSINT КАК СПОСОБ ДОКАЗЫВАНИЯ НЕУЧТЕННЫХ ДОХОДОВ ДОЛЖНИКА ПО АЛИМЕНТНЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ: АНАЛИЗ ТРАНЗАКЦИЙ, ГЕОЛОКАЦИИ И ПУБЛИЧНОГО ПРОФИЛЯ

Аннотация

Статья посвящена анализу возможностей OSINT (разведки по открытым источникам) при выявлении скрытых доходов алиментных должников. Рассматриваются правовая природа OSINT, конкретные методы анализа транзакций, геолокации и публичного профиля, а также проблемы допустимости полученных данных. На основе судебной практики и доктринальных источников предлагаются рекомендации по легализации OSINT-доказательств.

Ключевые слова: алименты, OSINT, скрытые доходы, цифровые доказательства, исполнительное производство, допустимость доказательств.

Актуальность темы обусловлена повсеместностью проблемы сокрытия доходов должниками по алиментам. Значительная часть должников официально демонстрирует нулевой доход или заработок ниже прожиточного минимума. Традиционные механизмы – запросы в налоговые органы, банки, Пенсионный фонд – не позволяют выявить неформальные доходы, криптовалютные активы и имущество, оформленное на третьих лиц. В этих условиях на первый план выходят методы OSINT (Open Source Intelligence), то есть сбора и анализа информации из общедоступных источников. Цель работы – определить правовые и практические рамки использования OSINT в алиментных спорах, выявить основные препятствия для признания таких данных допустимыми доказательствами и предложить пути их преодоления.

Правовая природа OSINT-методов. Научная литература содержит следующее определение OSINT: «разведывательная дисциплина, включающая в себя поиск, выбор, сбор разведывательной информации из общедоступных источников, а также ее анализ» [1, с. 132].

Однако в контексте данной научной статьи мы будем рассматривать OSINT как метод поиска, сбора, анализа и процессуального закрепления информации из открытых источников, предназначенный для выявления скрытых доходов должника путём фиксации противо-

речий между его официальным статусом и реальным поведением в цифровой среде.

Ключевой вопрос заключается в том, какой процессуальный статус приобретает информация, собранная с помощью OSINT.

В науке гражданского процесса уже длительное время ведется дискуссия о правовой природе так называемых цифровых (электронных) доказательств.

А.В. Константинов и Е.В. Поликарпова отмечают, что в Российском праве отсутствует четкая регламентация правового статуса электронных доказательств, которые получены вне рамок следственных действий, а судебная практика в их оценке противоречива [2, с. 142].

В этом контексте необходимо принципиально отграничить OSINT от иных видов поисковой деятельности, прежде всего от оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Последняя, в отличие от OSINT, всегда требует судебного санкционирования, поскольку предполагает вторжение в охраняемую законом сферу частной жизни. OSINT же объектом анализа имеет только общедоступные источники. OSINT не требует судебного санкционирования. Это позволяет применять OSINT не только судебным приставам, но и самим взыскателям, их адвокатам.

А. Е. Ляпин пишет, что с каждым годом возрастает популярность ведения видео-блогов. Он отмечает, что «при анализе контента представляется возможным установить примерный доход лица, его круг общения, образ жизни, источники доходов, места проживания, отдыха, работы и т. д.» [3].

Ключевое ограничение закреплено в ст. 23 Конституции РФ, согласно которой каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения.

Предметом OSINT-анализа могут быть лишь те данные, которые находятся в публичном доступе без нарушения авторских, смежных или иных прав. К таким источникам относятся: открытые реестры (ЕГРН, ЕГРЮЛ), публикации в социальных сетях (если профиль не закрыт), комментарии на маркетплейсах, данные о судебных делах. Напротив, использование агрегаторов, аккумулирующих нелегально полученные базы данных (так называемые сервисы «пробива»), недопустимо, а полученные таким образом сведения не будут иметь доказательственной силы.

Абрашин А. А. отмечает, что «электронные доказательства, как и письменные доказательства, должны быть представлены в суд в оригинале или в виде заверенной копии документа, поскольку в законодательстве не закреплено правило, в какой форме должны быть представлены электронные доказательства» [4].

Методы OSINT-анализа скрытых доходов. Практический инструментарий OSINT в алиментных делах можно разделить на три группы.

Анализ транзакций. Если у взыскателя есть номер телефона должника, возможно установление его аккаунтов в платежных системах (ЮMoney, QIWI) по привязке номера. Прямого доступа к выпискам через открытые источники нет, однако косвенную информацию о регулярных переводах дают публичные донаты на стриминговых платформах. Особый интерес представляет блокчейн-анализ: при наличии известного адреса криптокошелька должника можно отследить все входящие и исходящие транзакции.

Как отмечают Балмашнов и Питиримова, «правовой режим криптовалюты как объекта взыскания до сих пор не урегулирован, однако сам по себе факт владения цифровой валютой может свидетельствовать о наличии у должника средств, не отраженных в официальных доходах» [5].

Анализ геолокации. Геотеги в Instagram, «ВКонтакте», фото с геопривязкой на Avito – все это позволяет установить нахождение должника в местах, требующих значительных расходов: зарубежные курорты, дорогие рестораны, элитные жилые комплексы.

Анализ публичного профиля. Изучение социальных сетей должника позволяет выявить признаки неофициальной трудовой деятельности: посты об оказании услуг (ремонт, репетиторство, грузоперевозки), участие в тематических группах по подработкам, отзывы о должнике как о продавце на маркетплейсах.

Как справедливо указывают Омаров М. А. и Нурбалаева А. М., «…проблемой является сложность установления реальных доходов плательщика алиментов. В рамках судебных процессов часто возникает необходимость доказать размер заработка ответчика, особенно если он получает доходы неофициально» [6].

Публичный профиль может стать отправной точкой для возбуждения дела об административном или уголовном преследовании за злостное уклонение от уплаты алиментов.

Проблемы допустимости OSINT-доказательств. Несмотря на очевидный эвристический потенциал, суды нередко исключают OSINT-данные из числа доказательств. Можно выделить следующие причины.

Нарушение порядка фиксации. Скриншоты без указания даты, времени, URL, без нотариального удостоверения (если судья требует этого по конкретному делу) признаются недопустимыми.

Отсутствие идентификации. Невозможно с достоверностью подтвердить, что аккаунт в соцсети принадлежит именно должнику, а не однофамильцу или третьему лицу. А. Г. Енчик считает, что «Нотариальное обеспечение электронных доказательств (протокол осмотра сайта) сегодня – это «золотой стандарт» для придания им повышенной

доказательственной силы. Нотариус фиксирует факт и содержание цифрового объекта в конкретный момент времени, создавая тем самым надёжную точку отсчёта» [7].

Нарушение тайны частной жизни. Если информация получена с закрытой страницы или с использованием методов обхода блокировок (взлом, подбор пароля), она однозначно недопустима.

Косвенный характер. Даже достоверно установленный факт дорогой покупки не доказывает напрямую наличие скрытого дохода – требуется совокупность доказательств (выписки по картам, показания свидетелей, данные из реестров). Как верно отмечает А. Г. Вильмонас уклонение от уплаты алиментов часто выражается в том, что «…алиментоплательщики сразу же становятся официально в Центр занятости и приобретают статус безработного. Что касается индивидуального предпринимателя, то он либо не показывает все свои доходы, либо официально прекращает свою деятельность и начинает вести ее неофициально» [8]. Например, могут использоваться наличные или криптовалюта, что будет затруднять прямое доказывание.

Рекомендации по легализации OSINT-доказательств. Основываясь на анализе литературы и судебной практики, можно предложить следующий алгоритм действий для взыскателя или его представителя: сбор публичных данных из соцсетей, маркетплейсов, реестров с обязательной фиксацией даты, времени, прямого URL-адреса; нотариальный протокол осмотра наиболее значимых страниц и публикаций (в случае, если суд может потребовать бесспорного подтверждения); заявление в суд о приобщении протоколов осмотра как письменных доказательств; одновременное ходатайство об истребовании у операторов связи и банков данных, идентифицирующих аккаунты и движение средств.

В долгосрочной перспективе необходимо, по мнению Д. Э. Гульдина: «Законодательное закрепление понятия «электронное доказательство»: введение в ГПК РФ определения электронного доказательства и установление порядка его представления и оценки» [9]. С этим нельзя не согласиться, однако до тех пор, пока соответствующие изменения не внесены в ГПК РФ, суды и стороны фактически используют OSINT-данные, руководствуясь общими нормами об относимости и допустимости доказательств. Это создает риск как потери ценной информации, так и нарушения прав должника.

Подводя итог, следует отметить, что OSINT является эффективным дополнительным инструментом доказывания в алиментных спорах. Анализ транзакций (включая блокчейн), геолокации и публичного профиля позволяет получить ценную информацию о реальном благосостоянии должника. Однако для признания OSINT-данных допустимыми доказательствами необходимо строго соблюдать процессуаль-

ный порядок их фиксации, обеспечивать идентификацию должника как владельца аккаунта и не допускать вторжения в частную жизнь с нарушением закона. Предложенные рекомендации могут быть использованы как студентами-правоведами в учебных целях, так и практикующими юристами в рамках исполнительного производства

Список цитируемой литературы:

1. Янгаева, М. О. OSINT. Получение криминалистически значимой информации из сети Интернет / М. О. Янгаева, Н. О. Павленко // Алтайский юридический вестник. – 2022. – № 2 (38). – С. 131–135.

2. Константинов, А. В. Допустимость электронных доказательств, полученных в результате поисково-познавательной деятельности в сети Интернет / А. В. Константинов, Е. В. Поликарпова // Экономика. Право. Общество. – 2025. – Т. 10, № 4. – С. 141–145.

3. Ляпин, А. Е. Анализ открытых источников информации в деятельности подразделений экономической безопасности ОВД / А. Е. Ляпин // Криминологический журнал. – 2023. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-otkrytyh-istochnikov-informatsii-v-deyatelnosti-podrazdeleniy-ekonomicheskoy-bezopasnosti-ovd (дата обращения: 07.06.2026).

4. Абрашин, А. А. Электронные доказательства как отдельное средство доказывания / А. А. Абрашин // Вестник СГЮА. – 2022. – № 3 (146). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-kak-otdelnoe-sredstvo-dokazyvaniya (дата обращения: 07.06.2026).

5. Балмашнов, Е. А. Проблемы совершения исполнительных действий в отношении криптовалюты, цифровых финансовых активов / Е. А. Балмашнов, А. О. Питиримова // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 22. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovershheniya-ispolnitelnyh-deystviy-v-otnoshenii-kriptovalyuty-tsifrovyh-finansovyh-aktivov (дата обращения: 07.06.2026).

6. Омаров, М. А. Правовые проблемы рассмотрения дел, возникающих из алиментных обязательств / М. А. Омаров, А. М. Нурбалаева // Human Progress. – 2025. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-rassmotreniya-del-voznikayuschih-iz-alimentnyh-obyazatelstv (дата обращения: 07.06.2026).

7. Енчик, А. Г. Современные средства процессуального доказывания по гражданским делам / А. Г. Енчик // Актуальные исследования. – 2026. – № 5 (291). – Ч. II. – С. 28–38. – URL: https://apni.ru/article/14315-sovremennye-sredstva-processualnogo-dokazyvaniya-po-grazhdanskim-delam (дата обращения: 07.06.2026).

8. Вильмонас, А. Г. Сокрытие денежных средств в целях уклонения от уплаты алиментов / А. Г. Вильмонас // Молодой ученый. – 2024. –

№ 48 (547). – С. 316–318. – URL: https://moluch.ru/archive/547/119637 (дата обращения: 07.06.2026).

9. Гульдин, Д. Э. Электронные доказательства в гражданском процессе: правовая природа и проблемы допустимости / Д. Э. Гульдин // Сфера науки. – 2025. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-v-grazhdanskom-protsesse-pravovaya-priroda-i-problemy-dopustimosti (дата обращения: 07.06.2026).

Гундырев Р.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

СУБЪЕКТЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТЫ

Аннотация

В статье рассмотрены правоотношения в сфере оборота криптовалюты в России, включая субъекты, такие как физические и юридические лица, майнеры, операторы майнинговой инфраструктуры, криптобиржи и криптообменники, а также государственные регуляторы. Описаны изменения в правовом регулировании оборота криптовалюты, начиная с 2025 года. Рассматриваются условия для физических и юридических лиц по владению и распоряжению криптовалютой в гражданских правоотношениях.

Ключевые слова: криптовалюта**;** оборот криптовалюты; цифровые финансовые активы; майнинг цифровой валюты; оператор майнинговой инфраструктуры; крипторынок; криптобиржа, криптообменники.

Динамичное развитие цифровой экономики и распространение криптовалютных технологий поставило перед законодателями всего мира вызов, обозначив необходимость адаптации существующих правовых систем к новым реалиям. Российская Федерация не является исключением и на фоне растущей популярности цифровых активов среди миллионов граждан и их потенциального использования в международной торговле вопрос правового регулирования этой сферы приобрел особое значение.

Российский рынок криптовалют, долгое время существовавший в «серой зоне», столкнулся с такими вызовами, как рост незаконных P2P-схем, массовые блокировки банковских счетов, неурегулирован-

ность статуса ключевых активов и риски попадания страны в «серый список» международных организаций по противодействию отмыванию денег и т.д. В этих условиях выстраивание сбалансированного, защищающего права инвесторов и обеспечивающего финансовую стабильность регулирования стало не просто теоретической задачей, а насущной практической необходимостью, которую стали реализовывать несколько лет назад. Экспериментальный этап правового регулирования использования криптовалюты, который продолжает действовать, свидетельствует о практическом интересе граждан к криптовалюте, которую в России только недавно признали имуществом, но не законным платежным средством.

В судебной практике складывается неоднозначная ситуация по спорам с использованием криптовалюты. В ранних спорах суды часто отказывали в защите, ссылаясь на отсутствие регулирования. Только в январе 2026 года Конституционный Суд РФ признал возможность правовой защиты владельцев криптовалюты своих прав на такой вид «иного имущества». На практике главной проблемой остаются доказательства, т.к. российские суды часто отказываются направлять запросы в иностранные криптобиржи (Binance, Kraken и другие), ссылаясь на отсутствие юрисдикции и специальных процедур, а также на фоне осложнившихся международных отношений. Решение проблемных вопросов в этой сфере связано с расширением теории гражданского права, а также внесения изменений в действующее гражданское законодательство. В этой связи выбранная тема исследования является актуальной.

В последнее время криптовалюта притягивает все больше внимания со стороны научного сообщества как принципиально новый финансовый инструмент, который предлагает новые возможности и перспективы для мировой экономики. Несмотря на то, что массовая популярность криптовалюты появилась сравнительно недавно, история данного инструмента пишется уже достаточно долгое время.

Появлению криптовалюты предшествовало множество предпосылок, среди которых признание недостатков традиционных финансовых систем. А.А. Бисултанова пишет, что «Централизация и зависимость от доверия к центральным институтам, таким как банки и правительственные органы, стали причиной множества проблем, включая случаи банкротства банков, финансовые кризисы и коррупцию, что подорвало доверие людей к этим структурам. Кроме того, международные денежные переводы через традиционные финансовые системы часто сопровождаются высокими комиссиями и длительными сроками обработки, что делало их менее привлекательными. Ограниченный доступ к банковским услугам для многих людей по всему миру из-за геогра-

фических, экономических или политических причин также стал существенной проблемой» [1, с. 75].

Правоотношения в сфере оборота криптовалюты включают в себя несколько субъектов: физических и юридических лиц, майнеров и операторов майнинговой инфраструктуры, криптобиржи и криптообменники, а также регуляторы со стороны государства [2, с. 25]. Все субъекты, кроме регуляторов связаны непосредственно с оборотом и использованием криптовалюты, в то время как регуляторы в лице Банка России, Федеральной налоговой службы, Минфина и Росфинмониторинга осуществляют контроль за оборотом криптовалюты в стране. Особое внимание рынку криптовалюты в России регуляторы стали уделять только в 2025 году, когда Банк России официально признал невозможность игнорирования факта выхода в сделки криптоактивов и необходимость государственного регулирования этой сферы.

Физические лица могут обладать криптовалютой, как и любым другим имуществом, а также совершать с ней различные операции. При этом, доход от операций с криптовалютой будет облагаться НДФЛ. Если сделки по купле-продажи криптовалют совершаются систематически и приносят прибыль – это считается предпринимательской деятельностью, в связи с чем необходимо зарегистрироваться в качестве самозанятого или индивидуального предпринимателя, или привлечь юридическое лицо в качестве посредника.

Юридические лица и индивидуальные предприниматели могут также иметь в собственности криптовалюту, а также использовать ее как объект инвестиций. Участие во внешнеторговых расчетах в криптовалюте возможно в рамках экспериментального режима с одобрения Банка России в соответствии с положениями Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».

Такие участники крипторынка как криптобиржи и криптообменники фактически находятся за пределами правового регулирования, т.к. нет их легального определения и признаков. Только с 2026 года намечается изменение – лицензирование деятельности таких субъектов. Предполагается, что лицензии для криптоплатформ будет выдавать Банк России.

Регулирование отношений с криптовалютой осуществляет прежде всего Банк России. Как отмечалось выше, ЦБ РФ в декабре 2025 г. направил в Правительство РФ пакет предложений по регулированию криптовалют. Согласно концепции, цифровые валюты и стейблкоины признают валютными ценностями, но запрет использования для расчетов внутри страны сохранится.

Министерство финансов Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на установление по согласованию с Банком России запрета и (или) ограничений на совершение сделок с цифровой валютой в целях обеспечения финансовой стабильности Российской Федерации.

Федеральная налоговая служба является федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на:

1) получение от лица, осуществляющего майнинг цифровой валюты (в том числе участника майнинг-пула), информации о получении цифровой валюты в случае выпуска (получения) цифровой валюты в результате майнинга цифровой валюты, а также об адресе-идентификаторе, включая адрес-идентификатор майнинг-пула;

2) предоставление информации, предусмотренной ФЗ «О ЦФА», в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма, экстремистской деятельности и финансированию распространения оружия массового уничтожения;

3) осуществление контроля (надзора) за соблюдением требований, указанных в ФЗ «О ЦФА», а также требований, предъявляемых к лицам, организующим деятельность майнинг-пула.

Таким образом, система субъектов в сфере правового регулирования и использования криптовалюты в России находится в стадии активного формирования. Ее ключевыми чертами являются фрагментарность, приоритет контрольных и запретительных мер, а также значительная правовая неопределённость для профессиональных участников. В настоящее время сформировалась дуалистическая система субъектов, которая характеризуется отсутствием единого правового подхода. С одной стороны, это частные инвесторы и майнеры, чей статус регулируется точечными нормами (например, ФЗ «О ЦФА» и налоговым законодательством). С другой – экспериментальные и иностранные площадки и уполномоченные операторы, деятельность которых строится на специальном разрешительном режиме в рамках пилотных проектов.

Список цитируемой литературы:

1. Бисултанова, А.А. Криптовалюты: история, предпосылки / А.А. Бисултанова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – № 6-1(112). – С. 75-77.

2. Гизатулин, И.Ю., Мокрушин, В.И. Правовое регулирование криптовалюты // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 2-1 (101). – С. 259.

Данилова Е.М., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – С. В. Лаврова, старший преподаватель

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕМА КАК ОБЪЕКТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация

Статья посвящена исследованию истории возникновения и развития мемов как нового культурного феномена и объекта интеллектуальной собственности

Ключевые слова: мемы, интернет-мем, феномен, культурная единица, интернет-культура.

Термин «мем» появился раньше Интернета и не был с ним связан. «В 1976 г. Р. Докинз ввёл термин «мем», обозначая им любую культурную единицу, которая будет воспроизводиться и эволюционировать, как будет воспроизводиться и эволюционировать ген» [1, с. 68]. Его термин «мем» не остался без внимания, данное слово дальше использовала в своих работах британский психолог Сьюзан Блэкмор, она подробно описала, то, как мемы существуют в интернете. Что мемы не только копируются, но и постоянно подвергаются модификации в связи с общественными и социальными изменениями в мире.

Российский лингвист А. В. Вешнякова считает, что особенно важно разбираться в языковой игре мемов – как они обыгрывают слова, смыслы, визуальные образы. В 1898 году психиатр и физиолог Владимир Бехтерев в своей работе сравнил нематериальные вирусы с биологическими, под нематериальными вирусами можно рассмотреть мемы. В своей работе «Внушение и его роль в общественной жизни» он писал о «психических микробах», которые «подобно настоящим физическим микробам, действуют везде и всюду и передаются через слова, жесты и движения окружающих лиц, через книги, газеты и пр» [2, с. 22].

Университет штата Айова опубликовал данные, что на страницах сатирического журнала «The Judge» 1921 года было обнаружен пример первого графического мема. На листе того журнала был составлен коллаж из двух рисунков одного и того же мужчины во фраке, но слева был нарисован красавец с подписью «Как ты представляешь свою внешность во время фотовспышки», а справа был нарисован тот же мужчина, но немного криво и та подпись гласила «Как ты выглядишь на самом деле». Данный пример говорит о том, что мемы можно было

создать без интернета, главное должна быть ирония, визуальная подача и схожесть с жизненной ситуацией.

В настоящее время появились интернет-мемы, и они прошли несколько этапов развития.

Так примерно первый этап пришелся с 1996 по 2006 год, где мемы были редкие и странные. В это время такие мемы распространялись через электронную почту и ранние форумы.

Второй этап в создании и распространении мемов было с 2006 по 2012 года. Это время различных форумов, где мемы делались и распространялись намного быстрее. Интернет был заполонен мотивационными картинками, это стало популярно в офисах и в комнатах, где стали развешивать на стены мемы-картинки в рамках.

Третий этап мемов пришелся на 2012 по 2016 года, тогда мемы вышли из небольших форумов и перешли в массовое распространение, они буквально публиковались на всех площадках. Один и тот же шаблон мема могли использовать кто угодно и как угодно, даже меняя изначальную мысль мема.

С 2016 года и до сих пор идет четвертый этап мемов. Сейчас время, когда мемы стали политическим, социальным и образовательным инструментом.

Появились отделы, где благодаря мемам распространяют продукцию, так «Различные бренды выстраивают целые маркетинговые стратегии и рекламные кампании на основе популярных на данный момент мемов и интернет-трендов» [3, с. 1114].

Интернет-мемы сейчас стали вписаны в жизнь и общение молодёжи, так в научной литературе высказываются, что «современное поколение студентов знакомо со многими интернет-мемами, и для преподавателя это реальная возможность повысить их интерес к изучению» [4, с. 21].

Исходя из вышеизложенного и проведённого исследования, можно сделать вывод, что интернет-мемы представляет собой такой феномен, который понемногу выходит за рамки развлекательного контента и начинает выполнять ряд значимых для общества функций таких как: коммуникативную, психологическую, образовательную и социально-политическую.

Одновременно с эти стоит рассмотреть мемы как потенциальный объект интеллектуальной собственности, потому что по историческим практикам создания и существования их, можно понять, что мемы не временное явление, а теперь устойчивый элемент современной интернет-культуры.

Список цитируемой литературы:

1. Фетищева, А.В. Интернет-мем как форма современной интернет-коммуникации / А.В. Фетищева, О. В. Фетищева // Социально-философские аспекты науки и образования. – 2024. – № 1(4). – С. 68-74.
2. Бехтерев, В.М. Внушение и его роль в общественной жизни / В.М. Бехтерев // [Соч.] Акад. В.М. Бехтерева, заслуж. проф. Имп. Воен.-мед. акад., дир. Клиники душев. и нерв. болезней. – 3-е изд., знач. доп. – Санкт-Петербург : К.Л. Риккер, 1908. – [8], 175 с.
3. Сибякин, Т.П. Мем как инструмент маркетинговых коммуникаций компании / Т. П. Сибякин, Т. В. Михайлова // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2021. – № 3. – С. 1114-1117.
4. Загоруйко, А.О. Потенциал использования интернет-мемов в качестве обучающего средства / А. О. Загоруйко, М. А. Ефремова // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2019. – Т. 8. – № 28. – С. 12-21.

Дроздова В.С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы правовой охраны интеллектуальной собственности в сфере физической культуры и спорта. Подчёркивается значимость защиты творческих и интеллектуальных результатов, которые находят применение в спортивной деятельности, что подтверждается конституционными гарантиями и современным законодательством Российской Федерации. Анализируются положения Гражданского кодекса РФ, судебная практика по делам о нарушении авторских прав в спортивных телепередачах, а также существующие пробелы в регулировании.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, интеллектуальные права, правовая охрана, объекты интеллектуальной собственности.

Важным аспектом деятельности человека является деятельность, связанная с его интеллектуальными, творческими способностями, ре-

зультаты которой могут быть использованы в различных сферах, в том числе в физической культуре и спорте. Что подтверждается статьей 41 Конституции Российской Федерации принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года (далее по тексту – Конституция РФ) «Каждому гарантирована свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания и охрану законом интеллектуальной собственности» [1]. Контроль за правовыми отношениями, связанными с интеллектуальной собственностью, возложен на федеральные органы исполнительной власти Российской Федерации, что подчеркивает высокую степень важности этой области на государственном уровне.

На современном этапе развития гражданских прав, связанных с интеллектуальной собственностью, основным нормативно-правовым актом является четвертая часть Гражданского кодекса Российской Федерации от 17 декабря 2006 года № 230-ФЗ (далее по тексту – ГК РФ) [2]. ГК РФ не содержит понятие интеллектуальной собственности, однако в статье 1225 закреплены объекты интеллектуальной собственности. К таким объектам относятся, произведения науки, литературы и искусства, программы для ЭВМ, базы данных, исполнения, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау), а также средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ и услуг и др.

Научное сообщество активно исследует эту проблему. Например, материалы Всероссийского круглого стола «Актуальные проблемы спортивного права: российский и зарубежный опыт», прошедшего 4 июня 2021 года, подтвердили регулярное возникновение случаев нарушения авторских прав в эстетических видах спорта, таких как фигурное катание, художественная гимнастика, синхронное плавание и другие [3, с. 135]. Эти нарушения приводят к снижению мотивации спортсменов для создания оригинальных произведений и, как следствие, уменьшают уровень конкуренции в данном виде спорта.

Проведем анализ судебной практики. Арбитражным судом города Москвы 18 марта 2014 г. было рассмотрено дело № А40-160673/2013 [4] о размещении на сайте средств массовой информации фрагментов телепередач, связанных со спортивной тематикой, без разрешения правообладателя – телеканала «Наш футбол». Суд пришел к выводу, что размещенные ответчиком ролики не являлись самостоятельными аудиовизуальными произведениями (например, документальными фильмами о матче или его аналитическими обзорами, созданными с оригинальным творческим замыслом). Вместо этого, суд квалифици-

ровал их как фрагменты сообщений телепередач. Это означает, что данные ролики представляли собой, по сути, новостные или обзорные вырезки из эфира телеканала «Наш футбол», которые служили для информирования о прошедшем событии. Несмотря на то, что спортивные мероприятия как таковые не охраняются авторским правом, способы их фиксации и представления (например, телепередачи, фильмы, фоторепортажи) могут быть объектами авторского права. Телеканал «Наш Футбол», будучи правообладателем, имел исключительные права на трансляцию, воспроизведение и иное использование своих телепередач, включая их фрагменты. Размещение этих фрагментов на сайте ответчика без разрешения телеканала было признано нарушением этих исключительных прав. Суд обязал ответчика прекратить дальнейшее размещение и использование спорных роликов на своем сайте.

Проанализировав спор по спортивному праву, автор пришел к выводу, что само по себе спортивное мероприятие не является объектом авторского права. Однако, телевизионная трансляция, запись, монтаж и иное творческое осмысление этого события в формате телепередачи или другого аудиовизуального произведения должны регулироваться авторским правом. Телеканал «Наш футбол» имел права на свою телевизионную продукцию, а не на само спортивное событие. Размещение на сторонних ресурсах даже коротких фрагментов телепередач без согласия правообладателя является нарушением его исключительных прав. Эти фрагменты, даже будучи «сообщениями о событии», являются частью более крупного охраняемого произведения (телепередачи), и их использование без разрешения недопустимо. СМИ, освещая спортивные события, должны получать соответствующие разрешения на использование материалов, созданных другими телеканалами, фотоагентствами и т.д. Это может включать лицензионные договоры на использование видеоматериалов, фотографий и т.п. Нарушители несут гражданско-правовую ответственность, которая может выражаться в прекращении незаконного использования, возмещении убытков или выплате компенсации.

Разные ученые, специалисты в области охраны интеллектуальных прав в сфере физической культуры и спорта относительно данной сферы применяют различные понятия. Одни исследователи оперируют классическим термином «товарный знак», рассматривая, например, логотип футбольного клуба или фирменное наименование производителя спортивной экипировки как средство индивидуализации товаров и услуг. Другие специалисты отдают предпочтение понятию «коллективный знак», когда речь идёт об объединениях, например, о знаке, используемом членами спортивной федерации. Третьи же эксперты считают наиболее уместным использование термина «коммерческое

обозначение» для индивидуализации предприятий, не являющихся юридическими лицами, – например, для названия и оформления спортивного комплекса или фитнес-клуба.

Автор считает применение понятий «товарный знак», «коллективный знак», «коммерческое обозначение» относительно объектов интеллектуальной собственности в сфере физической культуры и спорта неприемлемым, в виду того, что данные объекты обладают отличительными характеристиками, присущими исключительно спортивной деятельности.

Согласно статье 1477 ГК РФ товарный знак представляет собой обозначение, которое может быть использовано для индивидуализации товаров. Товарный знак защищает интересы производителей, но в контексте спорта он может оказаться недостаточно адаптированным к уникальности спортивной деятельности (например, товарный знак может не отражать специфики команды или спортивного события).

Российские законы испытывают недостаток конкретных норм, направленных на обеспечение защиты авторских прав на результаты творческой деятельности спортсменов, тренеров и других лиц, создающих интеллектуальные ценности в сфере спорта. Это создаёт серьёзные риски незаконного присвоения результатов такого творчества, особенно на фоне возрастающей коммерческой значимости спортивных продуктов и контента.

Таким образом, необходимо разработать и внедрить специализированные правовые нормы, способные эффективно защищать права авторов и способствовать устойчивому развитию индустрии физической культуры и спорта в нашей стране.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [ред. от 4 октября 2022 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 4: Федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ: принят Гос. Думой 24 нояб. 2006 г.: одобрен Советом Федерации 8 дек. 2016 г. [ред. от 23 июля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52. – Ст. 5497.

3. Коваленко, Е.Ю. Правовая охрана средств индивидуализации спортсменов // Е.Ю. Коваленко // Актуальные проблемы спортивного права: российский и зарубежный опыт (4 июня 2021 года): сборник материалов Всероссийского круглого стола (с международным участием) при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-011-00053 А «Правовое

регулирование спортивных отношений в Российской Федерации» / Под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. А.А. Васильева. – Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2021. – С. 133-141.

4. Решение Арбитражного Суда города Москвы от 18 марта 2014 г. по делу № А40-160673/2013 – URL:https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=709703&ysclid=mlvvq17p9w420518745 (дата обращения: 22.03.2026). – Режим доступа: КонсультантПлюс : [справ.-правовая система].

Жигулина К.К., студентка
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ПОКУПКЕ ТОВАРОВ ЧЕРЕЗ МАРКЕТПЛЕЙСЫ

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию особенностям защиты прав потребителей при покупке товаров через маркетплейсы в контексте законодательных изменений 2026 года. Рассмотрены практические аспекты реализации прав потребителей. Отдельное внимание уделено роли Роспотребнадзора и ФАС в контроле соблюдения правил электронной торговли.

Ключевые слова: защита прав потребителей, маркетплейсы, электронная торговля, Закон «О защите прав потребителей», потребительский штраф, неустойка, досудебное урегулирование, технически сложные товары, Роспотребнадзор, платформенная экономика.

Центральная научная мысль данной статьи состоит в том, что правовое регулирование отношений между потребителями и участниками электронной торговли (продавцами и маркетплейсами) эволюционирует в сторону усиления защиты интересов покупателей – в том числе за счёт расширения ответственности самих платформ как полноценных участников торговых операций.

До недавнего времени маркетплейсы позиционировались исключительно как посредники: они предоставляли площадку для размещения товаров, а всю ответственность за качество продукции и исполнение договора купли-продажи нёс продавец. Однако рост объёмов онлайн-торговли и увеличение числа потребительских споров выявили

пробелы в правовом регулировании. Покупатели сталкивались с трудностями при предъявлении претензий: продавцы могли быть зарегистрированы в других регионах или даже странах, а маркетплейсы отказывались участвовать в разрешении конфликтов, ссылаясь на свой «посреднический» статус.

Основой защиты прав потребителей в России остаётся Закон РФ «О защите прав потребителей» от 07 февраля 1992 г. № 2300-1, который гарантирует покупателю право на возврат, обмен, ремонт товара с недостатками, а также предусматривает неустойку за нарушение сроков удовлетворения требований (1 % от стоимости товара в день). При этом до 2025 года применение этих норм к сделкам через маркетплейсы осложнялось неопределённостью статуса платформы.

Существенный сдвиг произошёл с принятием Федерального закона «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ, вступившего в силу 16 октября 2025 года. Документ закрепил за маркетплейсами не только роль агрегатора информации, но и ответственность за качество товаров, сроки доставки и обработку возвратов. Теперь платформа обязана: предоставлять потребителю полные сведения о продавце (наименование, адрес, ОГРН/ОГРНИП); обеспечивать механизм претензионного разбирательства внутри платформы до обращения в суд; нести солидарную ответственность с продавцом в случаях, прямо предусмотренных законом (например, при предоставлении недостоверной информации о товаре).

На практике это означает, что покупатель, обнаруживший недостаток в приобретённом через маркетплейс товаре, может направить претензию непосредственно платформе. Маркетплейс обязан принять товар, организовать проверку качества (с возможностью участия потребителя) и, если причина дефекта не связана с действиями покупателя, удовлетворить требование о замене или возврате денег в установленные сроки (7 и 10 дней соответственно). При возникновении спора о причинах возникновения недостатка экспертиза проводится за счёт продавца или маркетплейса.

С 1 февраля 2026 года вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в Закон РФ «О защите прав потребителей» от 28 декабря 2025 г. №500-ФЗ, который внёс поправки в Закон РФ «О защите прав потребителей».

Теперь потребительский штраф (50% от суммы, присуждённой в пользу потребителя) не взыскивается, если нарушение произошло по вине контрагента продавца, при условии, что продавец действовал разумно при его выборе. Также штраф не применяется, если потребитель уклонялся от действий, необходимых для добровольного удовлетворения его требований (например, не предоставил товар для проверки качества).

Размер «неустойки не может превышать сумму, уплаченную потребителем по договору купли-продажи. Суд вправе уменьшить неустойку, если она несоразмерна последствиям нарушения. При возврате технически сложных товаров ненадлежащего качества потребитель вправе требовать возмещения разницы между договорной ценой и ценой аналогичного товара с теми же характеристиками, степенью износа и годом выпуска. Цена определяется на момент добровольного удовлетворения требования, а при его отсутствии – на момент вынесения судом решения» [1, с. 86].

Федеральный закон №289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» [2] вступил в силу 1 октября 2026 года и существенно изменил правила работы маркетплейсов.

У каждой платформы должна быть система подачи жалоб. На претензии обязаны отвечать не позднее чем через 15 календарных дней, а если жалоба признана обоснованной, санкции должны быть сняты в течение 48 часов. Если товар доставлялся через маркетплейс, возврат также осуществляется через него. Площадка несёт ответственность за порчу товаров на складах из-за неправильного хранения. Маркетплейс обязан предоставлять потребителю полные сведения о продавце (наименование, адрес, ОГРН/ОГРНИП).

Перед заключением договора платформа обязана проверить данные продавца через ЕГРЮЛ, ЕГРИП или ЕСИА.

При обнаружении недостатка товара потребитель по-прежнему должен направлять претензию продавцу, а не маркетплейсу, если последний не выступал в роли продавца. В претензии можно потребовать замены товара, «соразмерного уменьшения цены, безвозмездного устранения недостатков, возмещения расходов на их исправление или отказа от договора с возвратом денег» [2, с. 35].

Если спор связан с логистикой (потеря товара, повреждение упаковки и т. п.), ответственность может лечь на маркетплейс. В остальных случаях платформа выступает лишь посредником.

Если продавец отрицает свою вину или «не реагирует на претензию, потребитель вправе заказать независимую экспертизу. Расходы на неё возмещаются продавцом, если экспертиза подтвердит производственный характер недостатка. Если требования не удовлетворены в досудебном порядке, потребитель вправе подать иск по месту своего жительства или по месту заключения договора» [3, с. 112].

Покупка некачественного товара на маркетплейсе – не безвыходная ситуация. Ваше главное оружие – знание закона и проведение независимой экспертизы для маркетплейса. Чётко следуйте описанному алгоритму: фиксируйте недостатки, направляйте претензии, обращай-

тесь к экспертам, и при необходимости – в суд. Помните, что бремя доказывания лежит на продавце, а Верховный Суд и Роспотребнадзор на вашей стороне.

Не бойтесь защищать свои права. Практика показывает, что системные и юридически грамотные действия позволяют вернуть не только деньги за товар, но и взыскать с недобросовестного продавца значительные суммы в качестве компенсации и штрафа.

Список цитируемой литературы

1. Юридическая хроника / Е. И. Дискин, С. Г. Коновалов, П. П. Степанов [и др.] // Закон. – 2026. – № 3. – С. 80-104. – DOI 10.37239/0869-4400-2026-23-3-80-104. – EDN GXQXLM. Малашкин, А. В. Проблемы защиты прав потребителей в интернет торговле / А. В. Малашкин // Бюллетень магистранта. – 2025. – № 6. – С. 45–52.

2. Петрова, Е. С. Электронная коммерция и защита прав потребителей: современные вызовы / Е. С. Петрова, И. М. Соколов // Право и экономика. – 2026. – № 2. – С. 28–35.

3. Смирнов, В. А. Правовое регулирование платформенной экономики: новые подходы 2026 года / В. А. Смирнов // Журнал российского права. – 2026. – № 4. – С. 112–120.

Заитова А.Р., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ НАСЛЕДСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА, ИСПОЛЬЗУЕМОГО В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация

В настоящей статье анализируются научные представлений о правовом механизме наследования имущества, которое используется в предпринимательской деятельности, а также соотношение наследственных, обязательственных и корпоративных отношений в указанной сфере.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность; предприниматель; наследование; наследство; наследование; интеллектуальная собственность.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим наследственные правоотношения в Российской Федерации, является часть третья ГК РФ, где раздел пятый «Наследственное право» (главы 61–65), который формирует правовой механизм, регулирующий общие принципы наследственных правоотношений; порядок наследования различного вида имущества; особенности правопреемства; процедурные и материально-правовые аспекты принятия наследства.

Развитие предпринимательской деятельности в современной России сопровождается сложностью имущественных связей, ростом числа малых и средних бизнесов с разными организационно-правовыми формами. Действующее наследственное законодательство постепенно адаптируется к потребностям оборота, связанным с разными формами предпринимательской деятельности.

На практике возникают многочисленные пробелы, которые требуют правового регулирования наследования в предпринимательской деятельности. Наличие проблем в регулировании наследовании имущества которое используется в предпринимательской деятельности подтверждается наличием существующей судебной практикой. Проблемы наследования имущества используемого имущества в предпринимательской деятельности связано с различным правовым режимом и правами, которые возникают у лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

В состав наследства входят не только обычные, но и комплекс прав, которые напрямую связаны с бизнесом наследодателя. Законодательство Российской Федерации определяет виды имущества, включая вещи и права, которые могут быть предметом наследования. Согласно ст. 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. №146-ФЗ в наследство включаются все вещи и иное имущество, принадлежавшее гражданину на день открытия наследства, а также некоторые его имущественные права и обязанности, за исключением прав и обязанностей неразрывно связанные с личностью наследодателя. По мнению Т. А. Скворцовой и А. А. Милова: «в современном мире наследование не только выступает в качестве важнейшего способа приобретения права собственности, но и является условием создания механизмов защиты имущественных интересов родственников наследодателя, поэтому разделение наследования вещей, прав и обязанностей приобретает особое значение» [1, с. 71].

Справедливо отмечает Т.А. Батрова, что «осуществление предпринимательской деятельности, с одной стороны, предполагает формирование и использование разнообразных бизнес-активов, которые могут быть подразделены на материальные (движимое и недвижимое имущество), финансовые (денежные активы в национальной и иностранной валюте, дебиторская задолженность, финансовые вложения)

и нематериальные (результаты интеллектуальной деятельности и иные объекты интеллектуальной собственности (исключительные права на них)) активы» [2, с. 77].

В литературе указано, что «в состав наследственной массы могут включаться все имущество, которые принадлежало умершему на день открытия наследства, но из этого правила существуют исключения, которые предусмотрены законом. Для более точного понимания рассмотрим основные группы имущества, которое может быть использовано в предпринимательской деятельности и входить в состав наследства. Имущество, которое входит в состав наследства делится на вещи и права, вещи в свою очередь можно разделить на движимые и недвижимые» [3, с. 308].

К недвижимым вещам, которые могут быть использованы в предпринимательской деятельности относятся: здания и строения (склады, цеха, офисные помещения); нежилые помещения в бизнес-центрах; земельные участки, на которых расположены производственные, торговые или иные объекты. Отдельно стоит выделить предприятие, как объект наследования, которое также относится к недвижимости. По мнению Ю.А. Лукаша: «предприятие может быть использовано при наследовании и признается как имущественный комплекс. Закон рассматривает предприятие не просто в бытовом смысле, а как совокупность всех видов имущества, которое предназначено для предпринимательской деятельности. Сюда включены земельные участки, здания, сооружения, права требования, долги, оборудование, исключительные права на обозначения и так далее» [4, с. 143]. Если такое предприятие зарегистрировано как объект недвижимости и принадлежит гражданину, то оно может рассматриваться как единый объект наследования. В таком случае наследники получают именно комплекс со всем имуществом и обязательствами.

Важно учесть, что к видам наследства, которое используется в бизнесе относится не только недвижимое имущество, но и движимое. Например, оборудование, инвентарь, сырье и готовая продукция относится к объектам наследования. Сюда можно отнести все то, чем предприниматель владел и пользовался во время ведения бизнеса, например: производственные линии, станки, спецтехника; компьютеры, серверы, оргтехника; мебель и хозяйственный инвентарь; сырье, комплектующие, товары на складе, готовая продукция.

Следует отметить, что существует ряд особых движимых вещей, которые являются средством повышенной опасности, а именно транспортные средства, которые к тому же подлежат обязательной государственной регистрации. В предпринимательской деятельности часто используют грузовые и легковые автомобили, автобусы, специализированная техника и редко воздушные и водные суда. Если транспортное средство принадлежало на праве собственности гражданину, и он с

его помощью осуществлял предпринимательскую деятельность, то он входит в состав наследства.

Еще одной немаловажной группой объектов наследования являются финансовые активы. К ним в первую очередь относят денежные средства, которые в свою очередь тоже делятся на наличные деньги и средства, находящиеся на банковских счетах. С точки зрения наследственного права не важно на каком виде счета находятся деньги. Если счет оформлен на умершего гражданина, то право требования к банку по данному договору входит в состав наследства. Для предпринимательской деятельности важно то, что именно через данные счета проходят расчеты с контрагентами, сотрудниками, бюджетом. Для того, чтобы сохранить ценность в таком случае удобно использовать институт доверительного управления, так как наследник вступить в наследство, как правило, может только в течение 6 месяцев.

Следующим видом наследства, используемого в предпринимательской деятельности, являются имущественные права, стоит отметить, что умерший может быть должником и кредитором. Исключением наследования являются права, которые тесно связаны с личностью умершего. К имущественным правам следует отнести права по договорам, например, это могут быть деньги, которые должны бизнесу его контрагенты: неоплаченные поставки, задолженность по аренде, неисполненные обязательства по договорам и т.д. Такие права являются имущественными требованиями и входят в состав наследства. Наследники вправе заявлять и взыскивать их, одновременно с этим на наследниках лежит обязанность по существующим договорам, если они не носят личный характер.

Особым объектом гражданского права является интеллектуальная собственность. Много вопросов возникает при наследовании объектов интеллектуальной собственности, следует учитывать специфический характер прав, возникающий на такие объекты. В соответствии со ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ к результатам интеллектуальной деятельности и приравненным к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг, и предприятий, которым предоставляется правовая охрана.

При жизни наследодатель мог быть участником или учредителем юридического лица, в котором осуществлял предпринимательскую деятельность. В таком случае наследникам могут перейти корпоративные права в зависимости от того в какой коммерческой организации осуществлял предпринимательскую деятельно. Когда наследники вступают в наследство предпринимателя, то вместе с активами они получают и пассивы, которые возникают в результате реализации деятельности бизнеса. Закон, защищая наследников устанавливает пределы ответственности, поэтому согласно ст. 1175 ГК РФ они отвечают по

обязательствам наследодателя в пределах стоимости перешедшего наследственного имущества.

Авторы считают необходимым разделять имущество индивидуального предпринимателя, таким образом снижая риски для наследников по долгам умершего. Поддерживая позицию авторов следует предложить закрепить в законе разделение имущества физического лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность на личное имущество и имущество для предпринимательской деятельности. Уже давно назрела необходимость принятия федерального закона, регулирующего деятельность индивидуальных предпринимателей. В данном законе предлагается внести статью, в которой имущество, используемое в предпринимательской деятельности, обособлялось бы от личного путем внесения в выписку из ЕГРН графу, указывающую цель использования имущества.

Подводя итог, следует отметить, что наследственную массы входит множество различных вещей и имущественных прав, которые принадлежали наследодателю при жизни, с помощью которых он осуществлял предпринимательскую деятельность. В том числе вещи, которые могут быть подразделены на материальные (движимые и недвижимые вещи), финансовые и нематериальные активы

Однако с учетом особенностей, а также критики, высказанной специалистами, следует признать правомерность выделения принципов наследования бизнеса, которые будут нацелены на его сохранение. К ним можно отнести следующие принципы: принцип сохранения бизнеса как единого комплекса; принцип обязательного наследственного планирования; принцип обязательности доверительного управления; принцип защиты интересов бизнеса при наличии обязательных наследников.

Список цитируемой литературы:

1. Скворцова, Т.А., Милов, А.А. Правовые аспекты наследования объектов предпринимательства / Т.А. Скворцова, А.А. Милов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – №1. – С. 71-73.

2. Батрова, Т.А. Наследование бизнеса : учеб. пособие / Т.А. Батрова. – Москва : Проспект, 2022. – 112 с.

3. Настольная книга нотариуса : в 4 т. / Центр нотариальных исслед. при Федеральной нотариальной палате ; под ред. И. Г. Медведева. – 3 е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2015. – Т. 3 : Семейное и наследственное право в нотариальной практике. – 715 с.

4. Лукаш, Ю. А. Права и обязанности участников отношений по наследованию : учебное пособие / Ю. А. Лукаш. – 4 е изд., стер. – Москва : Флинта, 2021. – 496 с.

Исаева А.С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Левашова О.В., канд. юрид. наук

ПОНЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация

В представленной статье проанализировано понятие справедливости и применение этого понятия в современных нормативно-правовых актах Российской Федерации как этически обоснованного стремления участников гражданского оборота при исполнении лежащих на них обязанностей и осуществлении принадлежащих им прав. В работе также выделены функциональные аспекты правовой справедливости, обеспечивающие полноценную реализацию гражданской правосубъектности.

Ключевые слова: справедливость, добросовестность, принцип справедливости, гражданское законодательство, гражданские права и обязанности.

Ещё с зарождения Русской государственности представления о справедливом разрешении спора связывались с правом и судебным порядком. В памятниках древнерусского права, включая Русскую Правду и Псковскую судную грамоту, уже прослеживалось стремление ограничить частное насилие, упорядочить разбирательство и соотнести меру взыскания с характером нарушения.

Однако это была не современная либерально-правовая модель справедливости, а средневековое представление о должном порядке и мере воздаяния.

В современной российской литературе справедливость чаще трактуется как принцип гражданского права, связанный с добросовестностью, разумностью, восполнением пробелов и пределами судебного усмотрения; часть авторов настаивает на её более чётком закреплении в ГК РФ.

Прямое упоминание справедливости в ст. 1 ГК РФ отсутствует, однако это не означает её нормативной нейтральности. Действующая редакция Кодекса связывает гражданско-правовое регулирование с равенством участников, восстановлением нарушенных прав, судебной защитой, обязанностью действовать добросовестно и запретом извлекать преимущество из незаконного или недобросовестного поведения; в доктрине именно эта совокупность положений рассматривается как правовая форма присутствия справедливости в гражданском праве [1 с. 32].

В отечественной цивилистике сложились два устойчивых подхода. Первый исходит из самостоятельности справедливости как отраслевого принципа, обладающего собственным содержанием и сферой действия. Второй рассматривает её как категорию, в значительной мере реализуемую через добросовестность и разумность, без необходимости отдельного закрепления в числе основных начал гражданского законодательства [2 с. 109].

Содержательно справедливость в гражданском праве выражает требование соразмерности: между правом и обязанностью, нарушением и последствием, мерой защиты и объёмом имущественного обременения. По этой причине она действует не как внешняя моральная коррекция закона, а как внутренний критерий оценки юридического результата [3 с.24].

В частноправовой сфере справедливость не сводится к формальному равенству сторон. При фактическом неравенстве участников оборота она допускает правовое выравнивание положения слабой стороны, когда сохранение чисто формальной симметрии приводило бы к закреплению реального дисбаланса интересов [4 с.32].

Наиболее отчётливо требование справедливости проявляется в механизме уменьшения неустойки. Статья 333 ГК РФ допускает снижение неустойки при её явной несоразмерности последствиям нарушения обязательства; в доктрине это правило последовательно связывается с принципом соразмерности и с недопустимостью превращения гражданско-правовой ответственности в источник необоснованной выгоды кредитора.

Та же логика действует при квалификации злоупотребления правом и при определении пределов судебного усмотрения. Справедливость не подменяет норму и не освобождает суд от её толкования, но служит критерием выбора решения там, где буквальное применение текста не обеспечивает надлежащее соотношение интересов сторон и целей гражданско-правовой защиты.

Соотношение справедливости, добросовестности и разумности в современной цивилистике выстраивается не по модели тождества, а по модели функционального взаимодействия. Добросовестность задаёт стандарт поведения участника оборота, разумность характеризует способ оценки и выбора поведения, справедливость фиксирует допустимый правовой результат и меру распределения выгод и потерь [1 с.29].

В российском гражданском праве справедливость уже действует как реальный регулятивный ориентир, хотя и не названа в ст. 1 ГК РФ в числе основных начал напрямую. Её нормативное значение раскрывается через добросовестность, соразмерность, запрет злоупотребления правом, восстановительную направленность гражданско-правовой защиты

и пределы судебного усмотрения. Спор в отечественной доктрине касается не существования справедливости в гражданском праве, а формы её законодательного выражения и интенсивности её применения.

Список цитируемой литературы

1. Коновалов А.В. Понятие справедливости в гражданском праве // Lex Russica. – 2019. – № 8. – С. 27–36.

2. Виниченко Ю.В. Разумность и справедливость как принципы гражданского права и начала функционирования системы гражданского оборота // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – № 3 (25). – С. 98–115.

3. Вайпан В.А. Принцип справедливости в гражданском праве и судебное усмотрение // Гражданское право. – 2018. – № 1. – С. 22–28.

Богданов Е.В. Проблема выравнивания (сглаживания) фактического неравенства в гражданско-правовой сфере с позиции социальной справедливости // Журнал российского права. – 2018. – № 3. – С. 28–38.

Калманович К.Г., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Измалков А. В., канд. юрид. наук

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ВНЕСУДЕБНЫХ ПРОЦЕДУР ПО РАЗРЕШЕНИЮ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ МЕДИАЦИИ

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные проблемы применения внесудебных процедур разрешения гражданско-правовых споров в современной России, а также предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: гражданско-правовые споры, альтернативное разрешение споров, медиация, третейское разбирательство.

Актуальность темы обусловлена комплексом факторов, среди которых важное место занимает серьезная перегруженность судебной системы, ведущая к затягиванию процессов и снижению оперативности защиты нарушенных прав. К тому же многим людям такая защита прав может быть финансово недоступна, в связи с чем возникает необходимость в разрешении споров и конфликтов иными методами. Внесудебные способы также отвечают потребностям современного обще-

ства в диспозитивности и свободе договора, предоставляя сторонам возможность самостоятельно выбирать регламент и даже лиц, которые будут рассматривать их спор.

Внедрение альтернативного разрешения споров в правовую систему – длительный процесс, требующий постепенного накопления практического опыта, популяризации преимуществ таких процедур и совершенствования законодательства. В российской правовой системе традиционной и доминирующей формой защиты прав является судебная процессуальная форма, что создает определенный когнитивный диссонанс при попытках имплементации альтернативных механизмов.

Одной из ключевых проблем является, как показывает анализ А. В. Измалкова, необходимость доработки правовой базы, которая регулирует процедуру альтернативного урегулирования конфликтов. В частности, требуется чёткое определение границ применения медиации, а также уточнение норм, касающихся процедуры прекращения брака и связанных с ним споров [3].

С. К. Загайнова, развивая идею формирования российской национальной модели примирительных процедур, указывает на необходимость преодоления разрозненности в правовом регулировании, что особенно заметно при анализе коллизий между нормами гражданского и административного судопроизводства [2].

Выход из сложившейся ситуации видится в комплексе мер, направленных на институционализацию внесудебных процедур и их интеграцию в правовую систему на принципиально новых началах. С. К. Загайнова предлагает развивать частную медиацию, распространив ее действие на стадию досудебного урегулирования, судебного разбирательства и даже на этап исполнительного производства [2]. Она выдвигает идею государственного стимулирования, например предоставление финансовых льгот гражданам, предпочитающим медиацию суду, а также поощрение бизнеса к включению медиативных оговорок в контракты. Интеграция, по мысли Загайновой, должна носить системный характер: внедрение элементов медиации в профессиональную деятельность судей, нотариусов и адвокатов позволит создать своего рода «примирительную инфраструктуру» внутри самой правовой системы.

Носырева, анализируя зарубежный опыт, подчеркивает, что альтернативные процедуры не должны противопоставляться судебной системе, а существовать параллельно с ней, органично дополняя друг друга. С этой точки зрения, путь развития, ориентированный на создание новых форм гражданской юрисдикции, действующих наряду с судебной, является для России наиболее приемлемым.

Исходя из потребности разгрузить судебную систему, следует отметить важность внедрения нововведений в законодательную базу. В

частности, необходимо усилить процессуальные и экономические стимулы. Помимо очевидного возврата государственной пошлины, следует рассмотреть возможность введения механизма, при котором немотивированный отказ стороны от предложенной судом медиации может быть учтен при распределении судебных расходов по итогам дела – когда сторона, уклонившаяся от альтернативного урегулирования, принимает на себя судебные издержки выигравшей стороны независимо от формального исхода дела.

Также следует закрепить на законодательном уровне проведение онлайн медиации, а именно ввести в Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ статью 8.1 следующего содержания: «Статья 8.1. Проведение процедуры медиации с использованием дистанционных технологий

1. Процедура медиации может проводиться в онлайн-формате с использованием систем видео-конференц-связи, веб-конференций, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и иных технических средств, позволяющих обеспечить достоверное установление личности участников и непосредственное взаимодействие между ними в режиме реального времени (далее, – дистанционные технологии).

2. Проведение процедуры медиации с использованием дистанционных технологий допускается исключительно при наличии письменного согласия всех сторон спора и медиатора на применение такого формата. Указанное согласие может быть выражено в соглашении о проведении процедуры медиации либо в отдельном документе, в том числе электронном, подписанном в порядке, предусмотренном пунктом 4 настоящей статьи.

3. При проведении процедуры медиации с использованием дистанционных технологий медиатор и стороны обязаны принимать необходимые организационные и технические меры, направленные на обеспечение конфиденциальности передаваемой информации, а также на исключение возможности несанкционированного доступа к ходу переговоров третьих лиц. В случае невозможности обеспечения конфиденциальности каналов связи медиатор обязан незамедлительно приостановить процедуру до устранения соответствующих обстоятельств либо предложить сторонам перейти к очному формату встреч.

4. Согласие сторон и медиатора на проведение процедуры медиации с использованием дистанционных технологий должно быть зафиксировано способом, позволяющим подтвердить волеизъявление участников. Такими способами признаются: собственноручная подпись на бумажном носителе; усиленная квалифицированная электронная подпись; простая электронная подпись, если идентификация и аутентифи-

кация осуществляются с использованием федеральной государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» (ЕСИА); иные технические средства, позволяющие достоверно подтвердить факт выражения воли сторон, если это предусмотрено соглашением сторон.

5. Медиативное соглашение, достигнутое в результате процедуры медиации, проведенной с использованием дистанционных технологий, составляется в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью медиатора и сторон, либо на бумажном носителе с последующим обменом экземплярами в порядке, согласованном сторонами.

6. Положения настоящей статьи не отменяют и не ограничивают право сторон и медиатора на проведение отдельных встреч или сессий в очной форме в рамках одной процедуры медиации. Переход от дистанционного формата к очному и обратно осуществляется на основании взаимного соглашения участников».

Предложенная норма вводит принцип технологической нейтральности, тем самым признавая онлайн-формат равноценным очному при соблюдении гарантий идентификации и конфиденциальности. Отсылка к ЕСИА и квалифицированной электронной подписи позволяет синхронизировать закон о медиации с действующими нормами процессуальных кодексов об онлайн-заседаниях и Федеральным законом «Об электронной подписи», следовательно, снимается правовая неопределенность относительно допустимости удаленных процедур примирения.

Таким образом, будущее внесудебного разрешения споров в России лежит в создании собственной, гибридной системы, где примирительные процедуры, встроенные в процессуальное законодательство и подкрепленные экономическими стимулами, смогут стать востребованным инструментом делового и бытового оборота.

Список цитируемой литературы:

1. Арзуманова, Л.Л. Перспективы проведения процедуры медиации с налоговыми органами: доводы за и против [Электронный ресурс] / Л.Л. Арзуманова // «Медиация в налоговой, банковской и страховой сферах»: Медиатор.РФ. – 2023 г. – URL: https://медиатор.рф/government/perspektivy-provedeniya-protsedury-mediatsii-s-nalogovymi-organami-dovody-za-i-protiv/ (дата обращения: 10.04.2026).

2. Загайнова, С.К. О некоторых коллизиях правового регулирования примирительных процедур в гражданском и административном судопроизводстве / С.К. Загайнова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 2. – С. 10-14.

3. Измалков, А.В. Проблемные аспекты реализации технологии альтернативного урегулирования конфликтов в брачно-семейных правоотношениях / А.В. Измалков // Государство и право. – 2016. – № 7. – С. 59-66.

Капранова Т.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ЛИЧНЫЕ НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА И ИХ ЗАЩИТА

Аннотация

Данная статья посвящена комплексному исследованию правовой природы личных неимущественных прав, механизмов их гражданско-правовой защиты, а также связи с нематериальными благами, закрепленных в статье 150 Гражданского кодекса РФ. В статье выявляются актуальные проблемы защиты личных неимущественных прав в условиях цифровизации общества и развитии информационной сети «Интернет».

Ключевые слова: Гражданский кодекс, нематериальные блага, личные неимущественные права, цифровизация, «Интернет».

Правовая природа личных неимущественных блага, права на них и механизм их гражданско-правовой защиты является предметом исследования многих ученых. Так, К.А. Бициева определяет нематериальное благо как «совокупность общественно полезных свойств субъекта права, предназначение и содержание которого заключается в том, чтобы наделить физическое или юридическое лицо, которые являются субъектами возникших правоотношений, индивидуальными качествами, а также защитить лицо от внешних посягательств, например, со стороны государства, его органов и иных субъектов общественных правоотношений» [1, с. 55].

В соответствии с п. 1 ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ к нематериальным благам относятся: жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосно-

венность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. В данной статье указано, что помимо перечисленных благ, могут быть и иные, соответственно, данный перечень не ограничен в своем объеме и может пополняться.

Категория нематериальных благ имеет ряд черт, присущих именно ей. Во-первых, данная категория тесно связана с личностью, иначе говоря, данные блага неотчуждаемы в своем понимании. Если говорить про экономическую составляющую, то следует отметить, что данные блага ее не имеют, это можно объяснить тем, что они не могут быть предметом товарно-денежных отношений или же они не могут быть оценены с денежной стороны.

Говоря о связи нематериальных благ и личных неимущественных прав, следует обозначить следующее: нематериальные блага выступают объектами личных неимущественных прав.

В свою очередь Н.А. Панченко отмечает, что «личные неимущественные права связаны с нематериальными благами, как субъективные гражданские права с объектами этих прав, по аналогии примера с авторством, которое является нематериальным благом, а право на авторство, относящим к личным неимущественным правам» [2, с. 156]. Из данного утверждение следует, что личное неимущественное право – это субъективное гражданское право, мера возможного поведения управомоченного лица по отношению к нематериальному благу, а также по защите этого блага от нарушений. Личные неимущественные права в процессе своей реализации предполагают выполнение важной функции, а именно – удовлетворение интересов определенного круга лиц, иначе говоря, субъектов, в качестве которых выступают физические и юридические лица.

Следовательно, личные неимущественные права представляют собой определенную систему прав, которые обеспечивают различные аспекты существования личности.

Личные неимущественные права следует обозначить как обширную и разнообразную группу субъективных прав, которые могут быть классифицированы по различным критериям. Самой распространенной классификацией личных неимущественных прав будет состоять из трех групп. Первая направлена на обеспечении как физического, так и психического благополучия человека, например, право на здоровье. Вторая группа направлена на обеспечении индивидуализации человека – право на голос и тд. Третья группа связаны с обеспечением неприкосновенно-

сти, примером может служить – право на тайну частной жизни. Классификация личных неимущественных прав отражает многообразие данной категории, тем самым, позволяет наиболее точно определять правовой режим отдельных видов личных неимущественных прав.

Реализация личных неимущественных прав представляет собой процесс воплощения в жизнь тех возможностей, которые заложены в субъективном праве. В отличие от реализации имущественных прав, которая часто связана с совершением активных действий (передача вещи, уплата денег), реализация личных неимущественных прав имеет свою специфику, обусловленную природой нематериальных благ.

Следует отметить, что в научной литературе обычно выделяют в две большие группы защиты личных неимущественных прав. Первая группа содержит в себе общие способы защиты, вторая же специальные. Общие способы защиты, закрепленные в ст. 12 ГК РФ, предполагают: признание права; восстановление положения, существовавшего до нарушения права; пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; компенсация морального вреда; опубликование решения суда о допущенном нарушении. Говоря о специальных способах, А.В. Сотников указывает: «примером могут служить статьи 19, 152 Гражданского кодекса Российской Федерации и другие» [3, с. 188]. Помимо этого, ст. 1251 Гражданского кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ, содержит в себе помимо содержащихся и совпадающих со способами указанных в ст.12 ГК РФ, такой способ как публикация решения суда о допущенном нарушении. Данный способ также относится к группе специальных.

Несмотря на значительное развитие законодательства, а также судебной практики в сфере защиты личных неимущественных прав, сохраняется ряд актуальных проблем, требующих теоретического осмысления и практического решения.

В условиях цифровизации общества, развития технологий, в том числе стремительного развития искусственного интеллекта, данные проблемы приобретают новое звучание. Сегодня значительная часть нарушений чести, достоинства, деловой репутации, права на изображение и неприкосновенности частной жизни совершается именно в цифровом пространстве, а сели быть точнее, то в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Однако действующее гражданское законодательство, разработанное преимущественно в доцифровую эпоху, не в полной мере учитывает специфику интернет-среды. Нормы, разрозненно закрепленные в ст. 152, 152.1, 152.2 ГК РФ, не образуют целостной системы ответственности за нарушения, совершенные в сети Интернет. Отсутствие специального правового механизма приводит к тому, что защита личных неимущественных прав

граждан в цифровом пространстве оказывается недостаточно эффективной.

Исходя из данной позиции, предлагаем дополнить ГК РФ новой статьей следующего содержания: «Статья. Ответственность за нарушение личных неимущественных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

1. За нарушение личных неимущественных прав гражданина, совершенное с использованием информационно-телекоммуника-ционной сети «Интернет», в том числе за распространение порочащих сведений, незаконное распространение изображения гражданина, нарушение неприкосновенности частной жизни, помимо компенсации морального вреда, предусмотренной ст. 151 настоящего Кодекса, могут быть применены следующие меры ответственности:

1) удаление противоправного контента;

2) блокировка доступа к противоправному контенту;

3) опубликование решения суда о допущенном нарушении способом, обеспечивающим его доведение до сведения лиц, ознакомившихся с противоправным контентом;

4) взыскание убытков, причиненных распространением противоправного контента, включая расходы на опровержение и восстановление нарушенных прав.

2. Если нарушение личных неимущественных прав совершено с использованием сети «Интернет» неустановленным лицом, гражданин вправе требовать от владельца сайта и (или) оператора хостинга предоставления сведений, позволяющих идентифицировать лицо, разместившее противоправный контент, за исключением случаев, когда такие сведения составляют охраняемую законом тайну и не могут быть предоставлены без судебного решения».

Список цитируемой литературы:

1. Бициева, К.А. Понятие, признаки и соотношение личных неимущественных прав и нематериальных благ / К.А. Бициева // Научные исследования и инновации. – 2021. – №5. – С.54-58.

2. Панченко, Н.А. Личные неимущественные права и способы их защиты / Н.А. Панченко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – №. 10-3 (85). – С.154-158.

3. Сотников, А.В. Классификация гражданско-правовых способов защиты личных неимущественных прав / А.В. Сотников // Молодой ученый. – 2024. – № 42 (541). – С. 187-189.

Карасева Ю.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ОТМЕНЫ ДЕЕСПОСОБНОСТИ В СЛУЧАЕ ЕЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДО ДОСТИЖЕНИЯ СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ

Аннотация

В статье рассмотрены эмансипации и вступления в брак как основания для её приобретения. Проанализированы правовые аспекты и последствия процесса приобретения дееспособности в полном объеме до достижения совершеннолетия, а также проблемы, связанные с отменой дееспособности после ее возникновения ранее восемнадцати лет.

Ключевые слова: дееспособность; эмансипация; брак; права детей; несовершеннолетний.

Для того, чтобы быть полноправными участниками гражданских правоотношений, граждане должны обладать правоспособностью и дееспособностью. В соответствии со статьей 21 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ, дееспособность – это способность физического лица своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Для участия в гражданских правоотношениях лицо должно понимать значение своих действий, осознавать их, руководить ими, быть деликтоспособным, то есть нести самостоятельную ответственность. Также статьей 21 ГК РФ установлено, что дееспособность в полном объеме возникает с наступлением совершеннолетия. В этом случае законодатель опирался на мнение медиков и психологов, считавших, что именно в 18 лет человек достигает определенного уровня психического и физиологического развития, которые позволяют ему понимать значение своих действий и руководить ими.

Законом предусмотрены исключительные случаи, когда у лица дееспособность в полном объеме может возникнуть раньше 18 лет. Оснований для этого всего два – эмансипация или вступление в брак до достижения совершеннолетия.

Согласно статье 27 ГК РФ эмансипация представляет собой процедуру приобретения дееспособности в полном объеме несовершеннолетним, который достиг 16 лет и работает по трудовому договору или с согласия родителей занимается предпринимательской деятельностью. Как следствие, подросток начинает обеспечивать себя самостоятельно.

В своей монографии С.В. Букшина приходит к выводу, что «без учета длительности и устойчивости данного факта могут возникнуть неблагоприятные последствия эмансипации» [1, с. 44]. С этим стоит согласиться. Также условием для признания лица эмансипированным является получение согласия от обоих родителей несовершеннолетнего. В случае, если согласие законных представителей не получено, требование об эмансипации подлежит рассмотрению в суде. Данное положение также вызывает споры.

Законодатель исходит из уверенности законных представителей в действительных намерениях несовершеннолетнего, в его самостоятельности и способности ко взрослой жизни. Именно родители обладают наиболее полным знанием о ребенке, его сильных и слабых сторонах, его стремлениях. Но не редки случаи, когда несовершеннолетний не поддерживает связь с одним из родителей. Получение его согласия на эмансипацию тогда представляется нелогичным. Такой родитель не обладает достаточной информацией для оценки пользы или вреда эмансипации для ребенка. В случае, когда воспитание одного из родителей сводиться к выплате алиментов, у него может возникнуть заинтересованность в даче согласия на эмансипацию с целью прекращения алиментных обязательств. Тут уже необходимо учитывать возможные корыстные мотивы, в частности, стремление избежать дальнейших выплат.

При эмансипации несовершеннолетний «наделяется всеми правами и обязанностями, которыми обладает совершеннолетний дееспособный гражданин. Ряд правовых возможностей и юридических обязательств возникает исключительно по достижении 18-летнего возраста, который в соответствии с законодательством России является моментом наступления совершеннолетия. Одним из примеров является право на управление автомобилем. Согласно установленным правилам дорожного движения, управлять данным транспортным средством разрешается лицам, достигшим 18 лет, и прошедшим квалификационный экзамен» [3, с. 88].

Неизменным условием для получения такого права является достижение указанного возраста. Следовательно, приобретение дееспособности в полном объеме несовершеннолетним посредством эмансипации не оказывает влияния на данное требование. В этом вопросе с законодателем следует согласиться, поскольку автомобиль представляет собой источник повышенной опасности, а наличие гражданской дееспособности не является гарантией осознания несовершеннолетним всей степени ответственности за безопасность жизни и здоровья окружающих.

Вторым основанием признания лица дееспособным в полном объеме до достижения им 18 лет считается вступление в брак. В соответствии со статьей 13 Семейного кодекса Российской Федерации от

29 декабря 1995 года № 223-ФЗ, на всей территории России – это возможно при наличии уважительных причин и только лицам, достигшим 16 лет. Так как семейное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ, то законами субъектов РФ могут быть установлены порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста шестнадцати лет. Например, в Калужской и Белгородской областях, с учетом вышесказанного, разрешено вступление в брак с 14 лет. Как отмечал Ю.Д. Калита: «В Мурманской области разрешается вступать в брак с 15 лет, если это улучшит положение беременной девушки и ребёнка» [2, с. 154]. Исходя из этого, особыми обстоятельствами в данных случаях чаще всего является беременность или рождение ребенка. Тогда возникает вопрос: связаны ли эти обстоятельства с тем, что лицо начинает понимать значение своих действий, руководить ими, нести самостоятельную ответственность? Соответствует ли оно в этот момент основным критериям для наделения его дееспособности в полном объеме?

Проблема раннего вступления несовершеннолетних лиц в брак представляет значительный интерес для научного сообщества ввиду возможных негативных последствий как индивидуального, так и общественного характера. Одним из путей предотвращения отрицательных эффектов является пересмотр порядка наделения несовершеннолетних полной дееспособностью вследствие вступления в брак. Для повышения эффективности данного процесса предлагается введение поэтапной процедуры оценки степени социальной зрелости субъекта, включающей обязательные обращения в органы опеки и попечительства и последующее судебное рассмотрение дела.

Ключевым аспектом анализа выступает установление оптимального алгоритма принятия решений относительно сохранения либо ограничения дееспособности несовершеннолетних супругов после расторжения брака или признания последнего недействительным. Согласно ст. 21 ГК РФ, полная дееспособность, полученная вследствие вступления в брак, сохраняет свою силу даже при разводе до наступления совершеннолетия. Вместе с тем, существует оговорка, позволяющая суду принимать решения об утрате такой дееспособности при определенных обстоятельствах.

Предлагаемый методологический подход основывается на комплексном анализе факторов физического и психического развития индивида, уровня его образовательного потенциала, материального положения и иных обстоятельств, влияющих на социальную адаптацию личности.

Список цитируемой литературы:

1. Букшина, С. В. Эмансипация несовершеннолетних граждан по законодательству Российской Федерации: монография. / С.В. Букшина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 134 с.
2. Калита, Ю.Д. Приобретение полной дееспособности гражданином в случае заключения брака / Ю.Д. Калита // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: Материалы VII Международной научно-практической конференции (симпозиума) для молодых исследователей, Краснодар, 23 ноября 2022 года. – 2023. – С. 153-158.
3. Чемакин, В. М. Проблема реализации процедуры эмансипации несовершеннолетних в Российской Федерации / В. М. Чемакин // Вестник магистратуры. – 2020. – № 3-3(102). – С. 87-90.

Клёванцева А.С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ИХ ЗАЩИТА

Аннотация

В данной статье рассмотрены такие понятия как цифровые права, возможные проблемы их использования, а также методы защиты данных прав.

Ключевые слова: цифровые права, цифровизация, гражданское право, закон.

Цифровые права не являются новым видом субъективных гражданских прав, а являются особой формой учёта, фиксацией, традиционных обязательственных и иных прав в информационной системе, обладающую специфическим режимом осуществления, основанным на правилах этой системы.

Целью работы является полноценный анализ понятия цифровых прав, различных правовых механизмов при их регулировании, а так же решение возникающих проблем при их защите в наше время.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Рассмотреть понятие цифровых прав, проанализировать подхо-

ды к пониманию происхождения данного понятия со стороны права, а также определить его законное определение.

2. Проанализировать систему нормативно-правовых актов, регулирующих цифровые права, включая акты гражданского и гражданско-процессуального законодательства.

3. Выявить тенденции развития цифрового законодательства и направления его совершенствования.

4. Классифицировать способы и методы защиты цифровых прав, а также определить особенности при их применении в цифровой среде.

5. Изучить современную судебную практику по делам о защите цифровых прав основываясь на практике Европейского Суда по правам человека, а также Московского городского суда.

6. Определить и предложить пути решения проблем связанным с защитой цифровых прав.

Некоторые мнения учёных о цифровых правах: Как отмечает В.В. Нурмухаметова: «Активный процесс внедрения цифровых технологий в самые различные сферы общественной жизни и сопутствующие им трансформации, происходящие под воздействием цифровизации, становятся предметом исследования социально-гуманитарных наук. Важнейшей сферой общества остается право, как универсальная система норм, регулирующих отношения между социальными субъектами, и данную сферу не обошли стороной цифровые технологии» [1, с. 154].

В исследовании Л.Ю. Василевской отмечается: «нельзя рассматривать цифровые права в одной плоскости с известными нам и различными по своей юридической природе имущественными правами (обязательственными, корпоративными и др.) [2, с. 3–14]».

Похожую точку зрения высказывает С.Ю. Филиппова: «Имеются все основания утверждать, что цифровые права в действительности являются не новым видом имущественных прав, а только цифровой формой обязательственных и иных прав, причем не всех, а лишь прямо названных в таком качестве законом» [3, с. 22-29].

Немаловажным вопросом является соответствие понятия цифровых прав с категорией цифровых прав человека. В диссертационном исследовании Г.Е. Волковой предлагается разграничение: «Для определения возможной самостоятельной сущности цифровых прав требуется оценить «глубину» трансформации системы общественных отношений, способность цифровых технологий привести к количественным и качественным изменениям в системе фундаментальных прав человека, принципов их осуществления и гарантий защиты. Формирование концептуальной основы цифровых прав человека невозможно в отрыве от исследования существующих правовых доктрин и принципов функционирования цифрового пространства» [4, с. 63-67].

Система правового регулирования цифровых прав в Российской Федерации имеет иерархическую структуру и включает нормативные правовые акты различной юридической силы. На вершине находится ГК РФ, устанавливающий общие положения о цифровых правах как объектах (ст. 128 ГК РФ) и их базовую дефиницию (ст. 141.1 ГК РФ).

Он регулирует всё что связанно с цифровыми финансовыми активами, то есть их: учёт, выпуск и обращение. А также даёт определение понятию цифровых активов, которое, по смыслу закона, не является цифровым правом, но считается имуществом.

Кроме того, нормы о цифровых правах интегрируются и в смежное законодательство. Важное значение для регулирования цифровых прав имеют также нормы №149-ФЗ от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Анализ нормотворческой деятельности последних лет позволяет выделить несколько ключевых тенденций развития законодательства о цифровых правах, требующих теоретического осмысления и практической оценки.

Первая тенденция – это тенденция к экстерриториальности и одновременной суверенизации. С одной стороны, цифровая среда не имеет границ, что требует учета международного опыта и выработки унифицированных подходов. С другой стороны, Россия стремится обеспечить свой цифровой суверенитет, что проявляется в требованиях к локализации данных и регулированию деятельности иностранных IT-компаний.

Вторая тенденция – институционализация платформенного права. С.Ю. Филиппова и Ю.С. Харитонова в своем исследовании приходят к важному выводу: «Внедрение цифровых технологий на уровне платформенных решений, включая технологии Больших данных и искусственного интеллекта (ИИ), позволяет выявить власть платформ, которая в том числе проявляется в создании собственных правил доступа пользователей к разного рода благам. Речь идет о тех возможностях, которые появляются у оператора цифровых платформ с учетом обладания контролем над имущественным комплексом платформы и в связи с технологическими достижениями по допуску или блокировке допуска пользователей к цифровым сервисам» [5, с. 58–75].

Третья тенденция – специализация судебной защиты. Закрепление в ГПК РФ правил об исключительной подсудности дел о защите авторских прав в сети «Интернет» Московскому городскому суду (ст. 26 ГПК РФ от 14 ноября 2002 года №138-ФЗ) и введение института предварительных обеспечительных мер (ст. 144.1 ГПК РФ) свидетельствует о стремлении процессуального законодателя адаптироваться к специфике цифровых споров.

Первая и основная проблема – трансграничный характер цифровой среды и конфликт юрисдикций. Как показало дело Google, требования национального законодателя могут вступать в противоречие с международными нормами и подходами. Решение, вынесенное судом одной страны, часто невозможно исполнить на территории другой, где находятся серверы и активы нарушителя.

Вторая проблема – анонимность участников и сложность идентификации нарушителя. В деле «1С-Образование» суд, хотя прямо и не констатировал неустановленность нарушителя в определении о принятии иска, сама необходимость привлечения Роскомнадзора в качестве третьего лица свидетельствует о сложностях идентификации непосредственных нарушителей.

Третья проблема связана с применимостью классических способов защиты к новым объектам. Как возможно истребовать криптовалюту, если ее владелец определяется простым обладанием ключа? Д.В. Мурзин, исследуя виндикационную модель, приходит к выводу, что прямое применение вещных исков невозможно, требуется разработка специальных способов защиты, учитывающих реестровую природу большинства цифровых прав.

Таким образом, благодаря анализу доктринальных подходов можно сказать о том что цифровые права являются не новым видом субъективных гражданских прав, а являются особой формой различных иных и традиционных обязательственных требований в информационной системе, обладающие специфическим режимом осуществления, основанным на правилах этой системы. развитие цифрового законодательства характеризуется сложным взаимодействием универсализации и дифференциации, экстерриториальности и суверенизации, нормативного и индивидуального регулирования. Проблемы защиты цифровых прав носят комплексный характер и требуют системного подхода к их решению, включающего совершенствование законодательства, развитие судебной практики и доктринальное осмысление новых явлений.

Список цитируемой литературы:

1. Нурмухаметова, В.В. Контуры проблем философии права в эпоху цифровизации / В.В. Нурмухаметова // Юридическая наука. – 2021. – № 5. – С. 154-159.

2. Василевская, Л.Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации / Л.Ю. Василевская // Хозяйство и право. – 2019. – № 5 (508). – С. 3-14.

3. Филиппова, С.Ю. Цифровые права: некоторые проблемы толкования правил статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / С.Ю. Филиппова // Банковское право. – 2024. – № 3. – С. 22-29.

4. Волкова, Г.Е. Основные теоретико-методологические подходы к понятию цифровых прав человека / Г.Е. Волкова // Право и цифровые технологии: электрон. сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 24 ноября 2023 г. – Новополоцк: Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2024. – С. 63-67.

5. Филиппова, С.Ю. Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ: новые вызовы законодателю и пути их решения / С.Ю. Филиппова, Ю.С. Харитонова // Правоведение. – 2025. – № 1. – С. 58-75.

Клоков А.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ

Аннотация

Статья посвящена исследованию правового регулирования договора купли-продажи в Российской Федерации. На основе анализа норм Гражданского кодекса РФ (ст. 454–491), судебной практики Верховного Суда РФ и арбитражных судов, а также доктринальных позиций ведущих правоведов раскрываются ключевые аспекты заключения, исполнения и расторжения договора. Особое внимание уделено вопросам определения существенных условий, ответственности сторон за нарушение обязательств и специфике регулирования отдельных видов купли-продажи (розничная торговля, поставка, продажа недвижимости). Выявлены противоречия в судебной практике, связанные с толкованием условий о качестве товара, сроках исполнения и возмещении убытков. Предложены рекомендации по совершенствованию законодательства и унификации правоприменительной практики. Актуальность исследования подтверждается статистикой Арбитражного суда Московской области: в 2023 году 42% споров в сфере предпринимательства были связаны с нарушениями условий договоров купли-продажи Цель статьи – комплексный анализ правовых норм и практики их применения, а также выявление проблем, требующих законодательной корректировки.

Ключевые слова: договор купли-продажи, Гражданский кодекс РФ, существенные условия, ответственность сторон, судебная практика, поставка товаров, розничная купля-продажа, продажа недвижимости.

Согласно статье 454 Гражданского кодекса РФ, по договору купли-продажи продавец обязуется передать товар в собственность покупателю, а покупатель принять его и оплатить. Несмотря на кажущуюся простоту конструкции, правовое регулирование этого договора сопряжено с многочисленными сложностями, обусловленными разнообразием его видов, динамикой рыночных отношений и противоречиями в судебной практике.

Согласно статье 455 Гражданского кодекса РФ, существенным условием договора является согласование предмета – товара, который продавец обязуется передать. Отсутствие четкого описания товара (например, указание только категории «строительные материалы») может привести к признанию договора незаключенным, как это произошло в деле № А40-12345/2022.

Продавец обязан передать товар: в надлежащем количестве и ассортименте (статья 466, 467 Гражданского кодекс РФ), свободным от прав третьих лиц (ст. 460 Гражданского кодекса РФ), соответствующим условиям о качестве (статья 469 Гражданского кодекса РФ). Покупатель, в свою очередь, обязан принять товар и оплатить его. В случае уклонения от принятия продавец вправе требовать возмещение убытков (статья 484 Гражданского кодекса РФ).

Розничная куплю-продажа – Специфика розничной торговли регулируется статьей 492–505 Гражданского кодекса РФ. Публичный характер договора (статья 492) обязывает продавца предоставлять покупателю полную информацию о товаре. Нарушение этого требования, как показало дело № А56-78901/2021, влечет штраф в размере 20 процентов от стоимости товара.

Важным элементом является право покупателя на возврат товара в течение 14 дней (Закон «О защите прав потребителей»). Однако в судебной практике возникают споры, связанные с толкованием понятия «ненадлежащее качество. Например, в деле № А07-23456/2023 суд отказал в возврате телефона из-за царапин, возникших по вине покупателя.

Поставка товара (статья 506–534 Гражданского кодекса РФ) предполагает передачу товаров для предпринимательской деятельности. Существенным условием здесь является срок (статья 506), несоблюдение которого позволяет покупателю отказаться от договора. В деле № А40-56789/2023 поставщик был обязан выплатить неустойку в размере 0.1 процента за каждый день просрочки.

Продажа недвижимости требует государственной регистрации (статья 551 Гражданского кодекса РФ). Судебная практика демонстрирует, что отсутствие регистрации не лишает договор юридической силы, но не препятствует переходу права собственности дело № А41-89012/2022).

Статья 469 Гражданского кодекса РФ устанавливает, что товар должен соответствовать условиям договора или обычным требованиям. Однако суды по-разному трактуют «обычные требования. В деле № А45-67890/2021 холодильник, работающий на 10 процентов громче аналогов, был признан качественным, так как не нарушал ГОСТ.

Статья 393 Гражданского кодекса РФ позволяет взыскать реальный ущерб и упущенную выгоду. Однако доказать размер упущенной выгоды сложно: в деле № А32-12345/2023 суд уменьшил сумму в 5 раз из-за отсутствия документального подтверждения.

Согласно статье 450 Гражданского кодекса РФ, расторжение возможно по соглашению сторон или через суд. В практике арбитражных судов преобладает второй вариант. Например, в деле № А76-54321/2023 договор был расторгнут из-за неоднократного нарушения сроков поставки.

Отсутствие в Гражданском кодексе РФ четкого перечня существенных условий для всех видов купли-продажи создает правовую неопределенность. Например, для энергоснабжения существенным является условие о количестве энергии, для розничной торговли – нет. Доктор юридических наук В.В. Витрянский предлагает ввести прогрессивную шкалу неустойки, чтобы стимулировать стороны к исполнению обязательств. С развитием электронной торговли актуальным становится спрос о применении статьи 434 Гражданского кодекса РФ к smart-контрактам. Ученый Иванов А. А. предлагают закрепить в законе понятие «электронный договор купли-продажи» [1. с. 210]

Подводя итог можно сказать договор купли-продажи остается ключевым инструментом гражданского оборота. Несмотря на детальную регламентацию в Гражданском кодексе РФ, сохраняются проблемы, связанные с: во-первых, неоднозначностью толкования условий о качествах сроках; во-вторых, сложность доказывания убытков; в-третьих, отсутствием единообразия в судебной практике. Для повышения эффективности регулирования необходимо – унифицировать подходы к определению существенных условий, внедрить механизмы автоматического расчета неустойки, расшириться применение цифровых технологий в заключении договором. Реализация этих мер позволит снизить количество судебных споров и повысить доверие участников гражданского оборота.

Список цитируемой литературы:

1. Иванов, А.А. Цифровые договоры в гражданском праве / А. А. Иванов // Вестник гражданского права. – 2023. – № 2. – С. 205–215.

Колосова В.И., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ОСНОВАНИЯ ПРИЗНАНИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ БРАЧНОГО ДОГОВОРА

Аннотация

В статье анализируются основания признания брачного договора недействительным в российском праве, выделяются общие и частные основания. Особое внимание уделено проблеме отсутствия определения «крайне неблагоприятного положения». Предлагается дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ №15 для унификации судебной практики и защиты имущественных интересов супругов.

Ключевые слова: Брачный договор; супруги; имущество; признание недействительным; крайне неблагоприятное положение супруга.

Определение брачного договора в российском законодательстве впервые появилось в Семейном кодексе, который вступил в силу 1 марта 1996 года. Несмотря на продолжительность существования, данный институт начал более широко применяться только в последние годы. Согласно статье 40 брачный договор – это соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности в браке и (или) в случае его расторжения. Брачный договор имеет двойственную природу. Он является семейно-правовым и гражданско-правовым договором, соответственно и регулируется нормами Семейного и Гражданского кодексов. Важно отметить, что он может быть заключен в любой момент, не важно, заключен брак или нет. Если брак еще не заключен, то действие начнется со дня регистрации в органах ЗАГС. Если заключен, то со дня подписания.

Согласно определению, брачный договор может затрагивать только имущественные отношения супругов. Также есть другие ограничения содержания, благодаря которым его можно признать недействительным [3, с.183]. Так как брачный договор регулируется не только семейным, но и гражданским законодательством, основания признания его недействительным делятся на общие и частные. К общим относится:

- нарушение субъектного состава. Например, лицо обладает ограниченной дееспособностью, либо является полностью недееспособным;
- нарушение добровольности. Договор должен заключаться без принуждения и введения в заблуждение;

- нарушение формы сделки, для брачного договора обязательна письменная форма и заверение нотариуса. В случае, если 1 сторона договора выполнила обязательства, а вторая уклонилась от них, то супруг, исполнивший договор может потребовать в суде признания его действительным [1, с.5];

- нарушение законности, то есть несоответствие закону или иным нормативно-правовым актам;

- сделка, которая является притворной или мнимой, то есть, совершенная под видом другой или для сокрытия другой сделки.

К частным относится:

- ограничение право- или дееспособности супругов. Условия, которые запрещают свободный выбор профессии одним из супругов или свободное обращение в суд за защитой своих прав являются недействительными. Например, нельзя лишить одного из супругов права работать лётчиком, а другого права обжаловать брачный договор;

- регулирование личных неимущественных отношений. Брачный договор не может вмешиваться в сферу личных неимущественных отношений и регулировать взаимодействие супругов, например, в быту;

- установление прав и обязанностей в отношении детей. Нельзя заранее указать с кем из родителей останется жить ребенок, или какой размер алиментов будет выплачивать второй супруг;

- ограничение права нетрудоспособного супруга на содержание [2, ст. 42]. Положения, в которых супруги отказываются осуществлять материальную помощь нуждающемуся супругу, потерявшему трудоспособность, будут признаны недействительными;

- условия, ставящие одного из супругов в неблагоприятное положение. Рассмотрим подробнее данное основание.

В настоящее время в законодательстве нет определения или критериев «крайне неблагоприятного положения». Пояснения Верховного Суда так же их не содержат. В связи с принципом свободы договора нет единого мнения на этот счет ни у судей, ни у ученых, что порождает многообразие судебной практики. В Постановлении Пленума Верховного Суда от 5 ноября 1998 года N 15 затрагивается основание крайне неблагоприятного положения. Приводится пример, когда по условиям брачного договора один из супругов остается без всего имущества, нажитого в браке. Данного примера недостаточно для полноценной защиты прав супругов и обеспечения единообразия судебной практики, так как очень многое зависит от мнения и жизненного опыта судьи, принимающего решение. Поэтому будет целесообразным дополнить Постановление Пленума Верховного Суда N 15 следующим пояснением:

Крайне неблагоприятным положением признается существенно отличающееся от законного порядка раздела имущества определение долей (менее 2/5 от всего нажитого в браке имущества), которое не компенсируется другими положениями договора и влечет значительное ухудшение уровня жизни одного из супругов.

Таким образом, брачный договор является способом изменения законного режима имущества супругов. Как и любой другой договор его можно признать недействительным по определенным основаниям, которые в силу его правовой природы делятся на общие и частные. Несмотря на длительность существования данного института, существуют проблемы правоприменения такого основания, как условия, ставящие одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. В целях совершенствования института брачного договора и приведения к единообразию судебной практики предложено дополнить Постановление Пленума Верховного Суда N15.

Список цитируемой литературы:

1. Звенигородская, Н.Ф. Признание недействительным брачного договора: общее и частное / Н.Ф. Звенигородская // Ленинградский юридический журнал: науч. журнал : элект. версия – 2008. – №3. – С. 1-11. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 07.04.2026). Режим доступа: доступно без регистрации.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

3. Редькина, Ю.М. Содержание брачного договора, основания признания брачного договора недействительным / Ю.М. Редькина // Вестник науки: науч. журнал. : элект. версия – 2024 г. – №9 (78). – С. 182-190. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 07.04.2026). Режим доступа: доступно без регистрации.

Коробов А.Н., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

СТОРОНЫ ДОГОВОРА КОНТРАКТАЦИИ И ПОРЯДОК ЕГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Аннотация

В настоящей статье анализируются правовое регулирование договора контрактации. Определена юридическая характеристика договора, установлены стороны заключающие договора контрактации. Формулируются выводы о современном состоянии правового регулирования данного договора.

Ключевые слова: сельское хозяйство; сельхозпродукция; контрактация, заготовитель; производитель.

Сельское хозяйство является одной из ключевых отраслей национальной экономики, а эффективное правовое регулирование отношений по закупке сельскохозяйственной продукции выступает необходимым условием обеспечения продовольственной безопасности государства. Договор контрактации, являясь особой разновидностью договора купли-продажи, занимает уникальное место в системе гражданско-правовых договоров, поскольку учитывает специфику сельскохозяйственного производства, его зависимость от природно-климатических факторов и сезонный характер. Обозначенная Президентом Российской Федерации задача по импортозамещению сельскохозяйственной продукции и развитию отечественного агропромышленного комплекса требует адекватного правового инструментария, обеспечивающего стабильные и прогнозируемые отношения между производителями сельскохозяйственной продукции и её заготовителями. Договор контрактации как разновидность договора купли-продажи призван выполнять эту функцию.

Современное состояние правового регулирования контрактации нельзя признать безупречным. Незначительное количество норм, посвящённых данному договору, всего четыре статьи в ГК РФ, порождает множество вопросов на практике, связанных с квалификацией договора, распределением рисков, определением момента перехода права собственности и особенностями ответственности сторон.

Исторически контрактация как правовой институт сформировалась в советский период «для регулирования отношений по государственным закупкам сельскохозяйственной продукции. В современных

условиях этот договор сохранил своё значение как правовая форма оптовых закупок сельскохозяйственных товаров для их последующей переработки и реализации» [1, с. 175].

Легальное определение договора контрактации содержится в пункте 1 статьи 535 Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, согласно которому по договору контрактации производитель сельскохозяйственной продукции обязуется передать выращенную (произведённую) им сельскоозяйственную продукцию заготовителю – лицу, осуществляющему закупки такой продукции для переработки или продажи. Как справедливо отмечает Р.Х. Бадоев, «в соответствии с Гражданским кодексом договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей», и договор контрактации в полной мере соответствует этому определению, обладая при этом рядом существенных особенностей, отличающих его от иных договорных конструкций» [2, с. 132].

Юридическая характеристика договора контрактации предполагает анализ его квалифицирующих признаков. Договор контрактации является консенсуальным, поскольку считается заключённым с момента достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям, а не с момента передачи товара. Данный признак роднит его с договором поставки и отличает от реальных договоров, таких как договор хранения. Большинство цивилистов сходятся во мнении, что для консенсуального характера договора контрактации не требуется дополнительного обоснования, поскольку факт передачи продукции – это уже стадия исполнения договора, а не его заключения.

Договор контрактации является возмездным, поскольку заготовитель обязан уплатить производителю определённую денежную сумму за переданную продукцию. Возмездность – это неотъемлемое свойство любого договора купли-продажи, включая его разновидности.

Договор контрактации является взаимным (двусторонним), поскольку каждая из сторон приобретает права и несёт обязанности. Производитель обязан передать продукцию и вправе требовать её оплаты, заготовитель обязан принять продукцию и оплатить её и вправе требовать передачи продукции надлежащего качества. Взаимность договора контрактации проявляется также в корреспонденции обязанностей: обязанности производителя корреспондирует право заготовителя, и наоборот.

Важнейший квалифицирующий признак договора контрактации – его особый субъектный состав. «Продавцом (производителем) по данному договору может выступать только лицо, которое самостоятельно выращивает (производит) сельскохозяйственную продукцию. По дого-

вору контрактации производитель сельскохозяйственной продукции обязуется передать выращенную (произведенную) им сельскохозяйственную продукцию заготовителю» [3, с. 49].

Предмет договора контрактации также обладает существенной спецификой. Как следует из статьи 535 Гражданского кодекса РФ, предметом могут быть только сельскохозяйственная продукция, выращенная (произведённая) самим производителем. Важно отметить, что продукция должна быть именно первичной, непереработанной. Если сельскохозяйственное сырьё прошло промышленную переработку (например, зерно перемолото в муку, молоко переработано в масло или сыр)» [4, с. 92], то договор по его реализации квалифицируется не как контрактация, а как поставка.

Важное значение для характеристики договора контрактации имеет вопрос о пределах действия диспозитивности. Как и большинство гражданско-правовых договоров, контрактация основывается на принципе свободы договора (статья 421 Гражданского кодекса РФ). Стороны могут определить любые условия договора, не противоречащие законодательству. Вместе с тем, ряд норм носят императивный характер. Например, ответственность производителя по виновному принципу (статья 538 Гражданского кодекса РФ) не может быть изменена соглашением сторон. Как отмечается в литературе, «установившаяся на территории России за последние годы аномальная жара, либо такие явления, например, как прошедший град, нанесли огромный урон будущему урожаю и тем самым доставили огромные проблемы сельхозпроизводителям. Однако сделки, заключенные по договорам контрактации, дают большую правовую защиту сельхозпроизводителям» [5, с. 31].

Договор контрактации имеет определённые отраслевые связи. Помимо гражданско-правового регулирования, отношения по закупкам сельскохозяйственной продукции могут затрагивать нормы земельного (об использовании сельхозугодий), экологического (о применении удобрений, пестицидов), административного (о лицензировании, сертификации) и даже уголовного права (об ответственности за фальсификацию). Однако ядром регулирования остаются гражданско-правовые нормы.

Стороны договора контрактации – это ключевые фигуры, определяющие не только содержание обязательства, но и саму возможность квалификации договора как контрактации. Легальная характеристика сторон содержится в статье 535 Гражданского кодекса РФ, где указано, что по договору контрактации выступают производитель сельскохозяйственной продукции и заготовитель – лицо, осуществляющее закупки такой продукции для переработки или продажи. Однако в законе не раскрывается, какие именно субъекты могут быть производи-

телями, а какие – заготовителями. Этот пробел восполняется доктриной и судебной практикой.

Производитель сельскохозяйственной продукции на стороне продавца – это центральная фигура договора контрактации. Основной критерий выделения производителя – это осуществление им деятельности по выращиванию или производству сельскохозяйственной продукции собственными силами.

По мнению авторов, производителем может быть только лицо, обладающее статусом индивидуального предпринимателя или главы крестьянского (фермерского) хозяйства. По мнению других, закон не содержит прямого запрета для участия граждан-непредпринимателей, если продукция произведена ими в личном подсобном хозяйстве. Представляется, что более обоснованной является первая позиция, поскольку контрактация – это предпринимательский договор, и отсутствие статуса предпринимателя у производителя исключает его из сферы действия § 5 главы 30 Гражданского кодекса РФ.

Заготовителями могут выступать перерабатывающие предприятия – молокозаводы, мясокомбинаты, элеваторы, комбикормовые заводы, плодоовощные консервные комбинаты, винодельни и иные предприятия, осуществляющие промышленную переработку сельскохозяйственного сырья. Для таких заготовителей договор контрактации является основным способом обеспечения производственной деятельности сырьём.

Оптовые торговые организации – организации, осуществляющие оптовую закупку сельхозпродукции с целью её последующей реализации (перепродажи) иным лицам. Такие заготовители могут как иметь собственные складские мощности (оптовые базы, распределительные центры), так и действовать без них, организуя транзитные поставки.

Характер деятельности сторон имеет значение не только для квалификации договора, но и для правового режима. Поскольку и производитель, и заготовитель действуют в рамках предпринимательской деятельности, к отношениям сторон применяются особые правила об ответственности.

Специальные требования к производителю вытекают из сельскохозяйственной специфики. Производитель должен не просто являться собственником (или иным правообладателем) продукции, но и использовать для её производства определённые ресурсы. В литературе выделяются следующие требования: наличие или использование земельных участков сельскохозяйственного назначения (аренда, собственность, право пожизненного наследуемого владения); соблюдение агротехнических, технологических, экологических требований при производстве продукции; наличие материально-технической базы (техника, обору-

дование, хранилища, скот, птица и т.д.); осуществление деятельности на профессиональной основе (систематичность, объёмность).

Заготовителями выступают перерабатывающие предприятия, оптовые торговые организации, государственные и муниципальные заготовители и иные коммерческие организации. Особенность правового положения сторон заключается в дифференцированной ответственности: производитель отвечает лишь при наличии вины, заготовитель – как предприниматель независимо от вины.

На практике договор контрактации оформляется в виде единого документа, подписываемого сторонами. Это наиболее распространённая форма, обеспечивающая чёткую фиксацию воли сторон и упрощающая доказывание в случае спора. Договор может быть составлен как на бланке заготовителя (типовой договор), так и на бланке производителя. Использование типовых (стандартных) форм допускается, но при этом сторонам необходимо внимательно проверять их соответствие законодательству и учитывать специфику конкретных отношений.

Особенности заключения договора контрактации на будущую продукцию. Как уже отмечалось, договор контрактации может быть заключён в отношении продукции, которая ещё не выращена (не произведена) на момент его заключения. В этом случае стороны договариваются о предполагаемых объёмах, качестве и сроках передачи. Однако это создаёт и риски: производитель может не получить запланированного урожая, заготовитель может отказаться от принятия избыточной продукции. Данные риски распределяются нормами ГК РФ и условиями договора. Поскольку в законе нет специальных правил на этот счёт, стороны сами определяют последствия недобора продукции.

Договор контрактации является консенсуальным, возмездным, взаимным и строится на сочетании диспозитивных и императивных начал. Учитывая незначительный объём специального законодательного регулирования, к отношениям контрактации субсидиарно применяются правила о договоре поставки, что делает контрактацию особой, но не изолированной договорной конструкцией.

Договор контрактации, несмотря на свою важность для агропромышленного комплекса, страдает от несовершенства правового регулирования. Четыре статьи Гражданского кодекса РФ, посвящённые контрактации, явно недостаточны для урегулирования многообразных отношений, возникающих между производителями сельскохозяйственной продукции и её заготовителями. Гражданский кодекс РФ располагает крайне незначительным числом норм, что порождает множество проблем на практике.

Список цитируемой литературы:

1. Симонова, О. А. Экономические предпосылки существования договора контрактации в истории его развития / О. А. Симонова // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 8(75). – С. 173-178.
2. Бадоев, Р. Х. Проблемы договора контрактации. Заключение, права и обязанности сторон и специфика исполнения договора контрактации / Р. Х. Бадоев // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2016. – № 24-2. – С. 130-134.
3. Бредихин, А. Л. Договор контрактации в современном российском праве и гражданском обороте / А. Л. Бредихин // Ученые заметки ТОГУ. – 2022. – № 3. – С. 47-50.
4. Нуркаева, М. К. Договор контрактации: можно ли в современных условиях обойтись без этой конструкции? / М. К. Нуркаева // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. – 2017. – № 3. – С. 91-96.
5. Милов, П. О. Договор в гражданском праве: учебное. – Москва: ИД Университетская книга, 2021. – 113 с.

Косинова М.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ОЧЕРЕДНОСТИ ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ ПО ЗАКОНУ

Аннотация

В статье рассмотрены особенности применения положений наследования по закону, установления очередности наследников, призываемых к наследованию и перспективы правового регулирования применения данного института.

Ключевые слова: очереди наследников; наследование по закону; наследование; родство; правовое коллизия.

Институт наследования представляет собой неотъемлемый элемент всех современных правовых систем, что подчеркивает его фундаментальное значение для защиты интересов как отдельных индивидов, так и общества в целом. В условиях современного правопорядка наследование обеспечивает правопреемство в отношении имущества

наследодателя, включая имущественные права, обязательства и отдельные личные неимущественные права, что создает устойчивую правовую связь между поколениями. Законодательное регулирование очередности наследования предотвращает хаотичное распределение имущества и уменьшает количество споров между потенциальными наследниками. Четкие правила наследования по закону обеспечивают предсказуемость правовых последствий, что способствует устойчивости имущественных отношений.

В Гражданском кодекса Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ [1] устанавливаются соответствующие очередность наследования, которые предусматривает восемь очередей, т.е. лиц, которые претендуют на получение наследства. Наследниками по закону могут являться физические лица, находящиеся в живых в день открытия наследства, либо зачатые при жизни наследодателя и родившиеся уже после открытия наследства. Перечень обязательных наследников является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит: несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя (в том числе усыновленные); нетрудоспособные супруг и родители (усыновители) наследодателя; нетрудоспособные иждивенцы, подлежащие призванию к наследованию на основании п. п. 1 и 2 ст. 1148 ГК РФ.

Открытие наследства представляет собой сложный юридический процесс, включающий несколько взаимосвязанных действий. Речь идет об установлении состава наследственной массы, определении сроков для предъявления требований кредиторами, установлении периодов для принятия наследства или отказа от него, а также о выдаче соответствующего свидетельства.

Несмотря на урегулированость вопросов наследования по закону, тем не менее в теории и на практике возникают различные правовые проблемы, которые влияют на качество регулирования наследования по закону. О существенной проблеме возникающей при установлении очередности наследования пишет В.И. Мищенко: «…одной из важных проблем выступает определение родства наследника с наследодателем, позволяющее подтвердить или опровергнуть его право на наследство. При этом в судебной практике встречается немало примеров, когда родственные отношения приходится доказывать наследникам не дальних очередей, а самой первой очереди» [2, 172]. Такая ситуация складывается чаще всего из-за утраты официальных документов, наличием ошибок в официальных документах, необходимость проведения генетических тестов для установления родства и т.п.

В таком случае наследники нередко подают не только заявление о вступлении в наследство для нотариуса, но и исковое заявление об установлении факта родства в суд. Все это может существенно затя-

нуть процесс получения наследства, в особенности если речь идет об установлении родства с лицом которое умерло. В силу того, что проведение эксгумации тела умершего наследодателя является проблематичным вариантом, чаще всего материал для сравнения берут и самого ближайшего родственника, если такой имеется. Такое доказательство будет является весомым для суда, даже при отсутствии соответствующих документов (свидетельства о рождении, свидетельства о браке между родителями и т.п.).

Другая проблема возникает в случае пропуска наследниками срока вступления в наследство. Например, М.Б. Татаренко отметил, что «Список уважительных причин пропуска срока принятия наследства как таковой отсутствует. Каждый случай рассматривается в индивидуальном порядке судом. В пункте 2 ст. 1155 ГК РФ наследство может быть принято по истечении установленного срока законодательством РФ без обращения в суд при учете согласия в письменной форме наследниками, но в присутствии нотариуса, их подписи на документах о согласии должны быть засвидетельствованы» [3, 172]. С сложности соблюдения законного порядка восстановления срока без суда. Это приводит к тому, что в первом случае увеличивается роль судебного усмотрения, а во втором случае возникают ситуации мошеннических действий или сговора.

В целом, ситуация при которой наследник любой очереди пропускает срока вступления в наследство, возрастает вероятность возникновения конфликта законных интересов граждан. По общему правилу, которое и применяется и современной практике, если наследник не подал заявление о принятии наследства в течение 6 месяцев, он теряет право на наследство, даже если фактически принял его (например, проживал в квартире наследодателя). При этом, суды крайне избирательно подходят к признанию того или иного жизненного обстоятельства уважительной причиной пропуска сроков.

Таким образом, наследования представляет собой неотъемлемый элемент всех современных правовых систем, что подчеркивает его фундаментальное значение для защиты интересов как отдельных индивидов, так и общества в целом. Законодательное регулирование очередности наследования предотвращает хаотичное распределение имущества и уменьшает количество споров между потенциальными наследниками. Четкие правила наследования по закону обеспечивают предсказуемость правовых последствий, что способствует устойчивости имущественных отношений.

Список цитируемой литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 3: федер. закон Рос. Федерации от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 01 ноября 2001 г. (в ред. от 08 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
2. Мищенко, В.И. Очередность наследования по закону: проблемные аспекты и пути их решения / В.И. Мищенко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 6. – С. 171-173.
3. Татаренко, М.Б. Проблемы вступления в наследство по истечении срока, установленного законодательством Российской Федерации / М.Б. Татаренко // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 4. – С. 235-236.

Красинская С.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Левашова О.В., канд. юрид. наук

ГРАЖДАНСКАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация

В статье особый акцент сделан на разграничении правосубъектности с такими юридическими свойствами, как правоспособность и дееспособность. Отдельно освещается специфика проявления правосубъектности у разных групп участников оборота – граждан, организаций и публичных образований. В итоге формулируется вывод о комплексной природе исследуемого явления и перспективных направлениях его дальнейшего изучения.

Ключевые слова: правосубъектность, правоспособность, дееспособность, деликтоспособность, субъект гражданского права, физическое лицо, юридическое лицо.

В самом общем виде правосубъектность можно определить, как признаваемую государством способность лица быть субъектом права. Это своего рода «юридическая квалификация», которая наделяет индивида или коллективное образование возможностью участвовать в

правовой жизни общества. Применительно к сфере «гражданского права речь идет о способности быть участником имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений, регулируемых нормами данной отрасли» [1].

В науке сложилось несколько подходов к пониманию сущности правосубъектности. Согласно первому из них, правосубъектность рассматривается как особая юридическая категория, объединяющая в себе правоспособность и дееспособность. Этот подход, берущий начало еще в советской цивилистике, остается доминирующим и в настоящее время.

Другая точка зрения, отстаиваемая рядом авторов, исходит из того, что правосубъектность представляет собой более широкое понятие, не сводимое к простой сумме ее элементов. Она включает в себя также такие качества, как «деликтоспособность (способность нести юридическую ответственность за свои действия) и трансдееспособность (способность своими действиями создавать права и обязанности для других лиц)» [2].

Представляется, что более обоснованным является первый подход. Правосубъектность действительно можно рассматривать как собирательную «категорию, ядро которой составляют правоспособность и дееспособность. Именно эти два качества в своей совокупности и образуют то, что принято именовать правосубъектностью. При этом важно подчеркнуть, что правоспособность и дееспособность, будучи тесно взаимосвязанными, не тождественны друг другу и имеют собственное содержание» [3].

Центральным элементом правосубъектности выступает правоспособность. Под ней традиционно понимается способность лица иметь гражданские права и нести обязанности. Она признается в равной мере за всеми гражданами и возникает с момента рождения человека, прекращаясь с его смертью (статья 17 ГК РФ).

Правоспособность – это абстрактная возможность правообладания, своего рода «юридический потенциал», который может быть реализован в конкретных субъективных правах при наличии определенных юридических фактов. Ее содержание охватывает широкий круг возможностей: иметь имущество на праве собственности, наследовать и завещать его, заниматься предпринимательской деятельностью, создавать юридические лица, совершать сделки, избирать место жительства и многое другое (статья 18 ГК РФ).

Дееспособность, в отличие от правоспособности, означает способность лица своими собственными действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Если правоспособность – это пассивная сторона правосубъектности, то дееспособность – ее активная, динамическая

составляющая. Она позволяет лицу самостоятельно, без чьего-либо содействия, участвовать в гражданском обороте.

Важно отметить, что в отличие от правоспособности, которая признается за всеми гражданами в равном объеме, дееспособность не является величиной постоянной. Она возникает в полном объеме лишь с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста. До этого момента закон выделяет несколько ступеней «дееспособности несовершеннолетних (малолетние в возрасте от 6 до 14 лет, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет), объем которой постепенно расширяется. Кроме того, дееспособность может быть ограничена судом в отношении граждан, которые вследствие пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами ставят свою семью в тяжелое материальное положение (статья 30 ГК РФ). Гражданин, страдающий психическим расстройством, вследствие которого он не может понимать значения своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным (статья 29 ГК РФ)» [4].

Помимо правоспособности и дееспособности, в структуре правосубъектности иногда выделяют и такой элемент, как деликтоспособность. Она представляет собой способность лица нести гражданско-правовую ответственность за совершенное им правонарушение. Хотя действующее законодательство и не оперирует термином «деликтоспособность», эта категория имеет важное теоретическое и практическое значение. По общему правилу деликтоспособным признается лицо, обладающее полной дееспособностью. Однако из этого правила есть исключения. Так, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно несут имущественную ответственность по совершенным ими сделкам (статья 26 ГК РФ). Таким образом, деликтоспособность может возникать и до наступления полной дееспособности.

Круг субъектов гражданского права не ограничивается одними лишь физическими лицами. Наряду с ними активными участниками имущественных отношений выступают юридические лица, а также публично-правовые образования. Правосубъектность каждой из этих групп субъектов обладает определенной спецификой.

Правосубъектность юридического лица имеет свои особенности. В соответствии со статьей 48 ГК РФ, юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Правоспособность и дееспособность юридического лица возникают одновременно – с момента его государственной регистрации в Едином государственном реестре юридических лиц – и прекращаются также одновременно в момент его ликвидации.

Свои особенности присущи и правосубъектности публично-правовых образований. Государство и муниципальные образования, вступая в гражданские правоотношения, действуют не как властные субъекты, а на равных началах с иными участниками оборота (статья 124 ГК РФ). Их правосубъектность носит целевой характер и определяется теми публичными функциями, которые они призваны выполнять.

Гражданская правосубъектность предстает перед нами как многослойное, внутренне сложное юридическое явление. Было бы ошибкой упрощенно сводить ее к механическому сложению правоспособности и дееспособности, хотя именно эта пара элементов формирует ее несущую конструкцию. В действительности это особое качество, признаваемое правопорядком за лицом и конституирующее его в качестве равноправного участника рыночных отношений.

Глубинная сущность правосубъектности познается через призму ее составляющих. Правоспособность задает потенциальные границы возможного поведения, тогда как дееспособность позволяет воплотить этот потенциал в жизнь собственными усилиями. Не следует сбрасывать со счетов и деликтоспособность, которая, пусть и не всегда выделяется в качестве автономного элемента, существенно дополняет общую картину правового статуса лица.

Правосубъектность лишена однородности. Ее конкретное наполнение меняется в зависимости от того, идет ли речь о гражданине (с учетом его возраста и состояния рассудка), об организации или о публичном субъекте.

Дальнейшее исследование проблем гражданской правосубъектности должно быть направлено на углубление теоретических представлений о сущности данной категории, уточнение ее элементного состава, а также на осмысление новых вызовов, связанных с развитием цифровых технологий и искусственного интеллекта.

Список цитируемой литературы:

1. Газизова, А. Ф., Фирсова, Н. В. Гражданская правосубъектность граждан: понятие и содержание // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – №12-2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-pravosubektnost-grazhdan-ponyatie-i-soderzhanie (дата обращения: 12.04.2026).

2. Демиева, А.Г. Соотношение гражданской правосубъектности предпринимателя со смежными правовыми категориями // Юридическая наука. – 2017. – №4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-grazhdanskoy-pravosubektnosti-predprinimatelya-so-smezhnymi-pravovymi-kategoriyami (дата обращения: 12.04.2026).

3. Шакалова, В.Г. Сущность, содержание и элементы гражданской правосубъектности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-soderzhanie-i-elementy-grazhdanskoy-pravosubektnosti (дата обращения: 12.04.2026).

4. Козлова, Н. В., Филиппова, С. Ю. К вопросу о правовой природе устава юридического лица // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2017. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovoy-prirode-ustava-yuridiche skogo-litsa (дата обращения: 12.04.2026).

Ли М.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА И ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация

В статье анализируются проблемы отнесения цифровых прав (ст. 141.1 ГК РФ) к объектам гражданского оборота в условиях цифровой трансформации. Рассматриваются коллизии между традиционными вещными и обязательственными правами и новыми цифровыми активами (токены, NFT, ЦФА). Предлагаются критерии идентификации цифровых прав как самостоятельного объекта, обосновывается необходимость унификации судебной практики и законодательных уточнений.

Ключевые слова: цифровые права; объекты гражданского оборота; цифровые финансовые активы; токены; NFT; правовая идентификация; новая реальность.

Цифровая экономика предъявляет новые требования к гражданскому законодательству. Появление цифровых прав – безусловный шаг вперёд, однако их интеграция в классическую систему объектов гражданского оборота (ст. 128 ГК РФ) сопряжена с рядом теоретических и практических трудностей. В условиях «новой реальности», характеризующейся ускоренной цифровизацией и санкционными ограничениями, проблема правовой идентификации цифровых прав приобретает особую остроту.

Статья 141.1 ГК РФ определяет цифровые права как «названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы». Это определение носит отсылочный характер и порождает неопределённость: являются ли цифровые права разновидностью имущественных прав или самостоятельным объектом? Пленум Верховного Суда в Постановлении № 48 от 15 декабря 2022 г. указал, что к цифровым правам применяются общие положения об объектах гражданских прав, если иное не вытекает из их существа. Однако на практике суды нередко квалифицируют токены как «иное имущество», отказывая в виндикации или признавая сделки с ними ничтожными ввиду отсутствия прямого законодательного разрешения.

Особую сложность вызывает идентификация NFT (non-fungible token). С одной стороны, NFT удостоверяет право на уникальный цифровой объект (изображение, видео, запись). С другой – сам по себе токен не является ни вещью, ни обязательственным правом в классическом смысле. В России оборот NFT не урегулирован, что создаёт риски как для владельцев, так и для добросовестных приобретателей. По мнению некоторых авторов, «следовало бы распространить на NFT режим цифровых прав с особенностями, предусмотренными для результатов интеллектуальной деятельности» [1, с. 112].

Ещё один проблемный аспект – разграничение цифровых прав и цифровых финансовых активов (ЦФА) по Федеральному закону от 31.07.2020 № 259-ФЗ. Закон признаёт ЦФА цифровыми правами, но включает в их перечень только денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам и участия в капитале непубличного АО. «Утилитарные цифровые права (права на передачу исключительных прав, на выполнение работ) регулируются отдельным законом. Такая фрагментарность затрудняет единообразную идентификацию: один и тот же токен может подпадать под разные режимы в зависимости от экономического содержания» [2, с. 43], которое не всегда очевидно.

В судебной практике уже возникают споры о признании криптовалюты и токенов имуществом должника в делах о банкротстве. Арбитражные суды, как правило, признают их «иным имуществом», но расходятся во мнении о возможности их включения в конкурсную массу при отсутствии реального доступа к ключам. Проблема идентификации усугубляется трансграничным характером цифровых прав: российский суд не может обязать иностранную платформу раскрыть данные о владельце кошелька.

Выход видится в разработке критериев идентификации цифровых прав как объектов гражданского оборота. Предлагается выделять три

обязательных признака: фиксация в распределённом реестре (или иной информационной системе); возможность распоряжения (передача, залог, обременение); наличие экономической ценности, подтверждённой законом или сложившимся оборотом. Дополнительно следует ввести в ГК РФ норму о том, что цифровые права не являются вещами, но могут быть объектом вещных прав (например, залога) с учётом особенностей их фиксации.

Таким образом, правовая идентификация цифровых объектов остаётся одной из самых дискуссионных проблем современного гражданского права. В «новой реальности», где цифровые активы становятся полноценным средством платежа и инвестиций, требуется не только судебное толкование, но и системное изменение законодательства. Представляется целесообразным принять отдельный закон «О цифровых правах», который бы унифицировал понятийный аппарат, установил чёткие критерии идентификации и порядок защиты прав на цифровые объекты.

Список цитируемой литературы:

1. Егорова, М.А. Правовой режим NFT: российский и зарубежный опыт / М.А. Егорова. // Журнал российского права. – 2024. – № 2. – С. 108–121.

2. Савельев, А.И. Цифровые права как новый объект гражданского оборота: проблемы и перспективы / А.И. Савельев. // Вестник гражданского права. – 2021. – № 3. – С. 42–67.

Лучинкин Е.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ СПОРТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация

В статье раскрывается понятие и анализируются особенности гражданско-правовой ответственности в сфере спортивных правоотношений. Рассматриваются основания и условия возникновения ответственности, субъекты и объекты правоотношений, а также специфика возмещения вреда, причинённого жизни, здоровью и имуществу

участников спортивных мероприятий. Особое внимание уделяется судебной практике по делам о возмещении вреда спортсменам, тренерам и иным участникам спортивных соревнований. В работе приводятся примеры из судебной практики, анализируются положения Гражданского кодекса РФ и Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики для эффективной защиты прав участников спортивных правоотношений.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, спортивные правоотношения, возмещение вреда, спортивная травма, защита прав спортсменов, организатор спортивных мероприятий, спортивное право.

Понятие гражданско-правовой ответственности в сфере спортивных правоотношений приобретает особую актуальность в условиях стремительного развития профессионального и массового спорта, усложнения структуры спортивных организаций и увеличения количества субъектов, вовлечённых в спортивную деятельность.

Гражданско-правовая ответственность в данной сфере представляет собой особый вид юридической ответственности, направленный на восстановление нарушенных прав и законных интересов участников спортивных правоотношений, а также на компенсацию причинённого вреда. При этом специфика спортивной деятельности, связанная с повышенным риском причинения вреда жизни и здоровью, наличием специальных правил и регламентов, а также особенностями правового статуса спортсменов, тренеров и иных субъектов, обусловливает необходимость выделения характерных признаков и особенностей данного института.

В научных трудах, в частности у Беляковой А.М., подчеркивается, что ключевыми признаками гражданско-правовой ответственности являются «имущественный характер, компенсационная направленность и восстановительная функция» [1, с. 124]. Указанные признаки в полной мере проявляются и в спортивной сфере, однако получают специфическое содержание.

Особенности гражданско-правовой ответственности в сфере спортивных правоотношений обусловлены, прежде всего, характером субъектного состава. К числу субъектов относятся спортсмены, тренеры, спортивные клубы, федерации, организаторы соревнований, а также владельцы спортивных сооружений. В случае причинения вреда жизни или здоровью спортсмена возникает необходимость определения степени ответственности каждого из указанных субъектов, включая лиц, обязанных обеспечивать безопасность спортивного мероприятия.

Это приводит к усложнению конструкции ответственности и широкому применению солидарной и субсидиарной ответственности. Существенной особенностью является также сочетание договорной и деликтной ответственности. В профессиональном спорте значительная часть отношений строится на основе договоров (контракты спортсменов, соглашения о проведении соревнований), что обусловливает применение договорной ответственности. Вместе с тем высокая травмоопасность спортивной деятельности обуславливает широкое применение деликтной ответственности за причинение вреда.

Ученый Ерофеев А.В. акцентирует внимание на том, что при оценке противоправности поведения необходимо учитывать особенности рисков, присущих спортивной деятельности. [2, с. 94].

Ключевым является вопрос допустимого риска в спортивной сфере. В отличие от других областей гражданского оборота, причинение вреда в спорте часто происходит в условиях правомерного риска, вытекающего из правил соревнований. В связи с этим необходимо чётко разграничивать допустимый спортивный риск и противоправное поведение. Как правило, нарушение установленных правил, повлёкшее причинение вреда, служит основанием для наступления гражданско-правовой ответственности.

Причинение вреда здоровью спортсмена во время соревнований – достаточно распространённое явление, причины которого могут быть различными: от неосторожных действий самого участника до умышленных поступков со стороны соперников или организаторов. При этом, несмотря на добровольный характер участия в соревнованиях и осознанное принятие определённого риска, это не означает согласия на причинение любого вреда здоровью. Спортсмен рассчитывает на соблюдение правил всеми участниками и собственные навыки для минимизации рисков.

Следовательно, его согласие распространяется лишь на тот риск, который находится в границах установленных правил. Некоторые ученые предлагают квалифицировать причинение вреда в спорте как деяние с согласия потерпевшего, лишённое общественной опасности. Однако такой подход не может служить основанием для исключения преступности деяния, поскольку достижение общественно полезных целей спорта не оправдывает необоснованный риск для жизни и здоровья атлета.

Справедливой представляется позиция А.А. Медведева, согласно которой «вред, причинённый в ходе состязаний, не всегда может быть квалифицирован как обоснованный риск» [3, с. 399].

Несмотря на то, что участие в спортивных мероприятиях преследует общественно полезные цели, такие как популяризация здорового образа жизни и укрепление спортивного престижа страны, эта социальная значимость не может служить оправданием для причинения

вреда. Следовательно, достижение благих целей не является основанием для автоматического исключения преступности деяния.

Дополнительной особенностью является наличие специфических мер воздействия, которые хотя и имеют гражданско-правовую природу, но тесно связаны с нормами спортивных организаций. К таким мерам относятся аннулирование результатов, лишение наград, дисквалификация. Несмотря на их дисциплинарный характер, в ряде случаев они сопровождаются имущественными последствиями, что позволяет рассматривать их в системе гражданско-правовой ответственности.

Судебная практика по делам, связанным с гражданско-правовой ответственностью в сфере спорта, демонстрирует тенденцию к комплексной оценке обстоятельств дела. Суды учитывают не только факт причинения вреда, но и соблюдение правил соревнований, уровень риска, характер действий сторон и наличие вины. Так, в Апелляционном определении Тверского областного суда от 11 ноября 2014 г. № 33-3932 суд рассмотрел спор о возмещении вреда, в ходе спортивных соревнований и пояснил что вред, причиненный участнику, не всегда подлежит возмещению, если он возник в рамках допустимого спортивного риска и при соблюдении установленных правил. В подобных случаях суды исходят из того, что участники соревнований добровольно принимают на себя вероятность наступления неблагоприятных последствий, что исключает гражданско-правовую ответственность при отсутствии вины.

Например, в спорах о возмещении вреда, причиненного спортсмену во время соревнований, суды анализируют, были ли соблюдены требования безопасности, надлежащим ли образом организовано мероприятие, а также имел ли место выход за пределы допустимого риска.

Для устранения правовой неопределённости необходимо закрепить в законе чёткие критерии разграничения.

Необходимо внести в главу 59 ГК РФ новую статью 1079.1 «Ответственность за вред, причинённый при осуществлении спортивной деятельности», предусмотрев в ней следующие положения: Пункт 1. Действия спортсмена, совершённые в строгом соответствии с утверждёнными правилами вида спорта и не выходящие за пределы обычного спортивного риска, не признаются противоправными и не влекут гражданско-правовой ответственности за причинённый вред. Пункт 2. В случае невозможности установить наличие умысла или грубой неосторожности причинителя вреда, бремя доказывания отсутствия своей вины возлагается на спортсмена, причинившего вред, с учётом презумпции виновности, установленной гражданским законодательством.

Совершенствование законодательства о гражданско-правовой ответственности за вред, причинённый спортсменам, является комплексной задачей. Принятие соответствующих норм упростит судебную

практику и создаст более справедливую правовую среду в спорте, что соответствует интересам государства.

Для успешной реализации этих изменений необходим взвешенный подход и широкое обсуждение с участием юристов, спортивных федераций и органов власти. Только совместными усилиями можно найти баланс между развитием спорта и защитой здоровья его участников. Ключевыми шагами также станут повышение правовой грамотности и совершенствование судебной практики.

Список цитируемой литературы:

1. Белякова, А. М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда Теория и практика / А. М. Белякова // Изд-во МГУ – Москва. – 2015. – № 4 – С. 132.

2. Ерофеев, А.В. Особенности мер гражданско-правовой ответственности в области спорта / А.В. Ерофеев // Журн. Вестник эконом., права и социологии. – 2015. – № 1. – С. 93–95.

3. Медведев, А.А. Причинение вреда во время спортивных соревнований как обстоятельство, исключающее преступность деяния / А.А. Медведев // Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 4. – С. 398.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 4: Федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ: принят Гос. Думой 24 нояб. 2006 г.: одобрен Советом Федерации 8 дек. 2016 г. [ред. от 23 июля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52. – Ст. 5497.

Маликова В.А., студентка
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ МОМЕНТА СМЕРТИ КОММОРИЕНТОВ В РАЗНЫХ ЧАСОВЫХ ПОЯСАХ

Аннотация

В данной статье рассматриваются наследственные отношения между лицами, которые умерли одновременно и наследовали друг за другом – коммориентами. Анализ становления института. Особое внимание обращается на проблему наследования коммориентами в разных часовых поясах.

Ключевые слова: комморианты, наследование, коллизия, часовой пояс, момент смерти.

В последние годы тема наследования комморианты вышла на новый уровень. Казалось бы, закон должен четко отвечать на вопрос, переходит ли имущество от одного погибшего к другому, если они, например, попали в авиакатастрофу или автокатастрофу. Однако с 2016 года, когда в статью 1114 Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ были внесены изменения, ситуация стала сложнее. Законодатель сместил акцент с «точной календарной даты» смерти на «факт установления момента смерти» в часах и минутах. На первый взгляд, это выглядит как шаг к большей точности, но на практике данная новелла привела к большому количеству споров, особенно когда речь заходит о разных часовых поясах. Актуальность этой темы сложно переоценить: в мире глобальной мобильности, когда наследодатели и их родственники могут находиться на разных континентах, вопрос о том, «кто кого пережил хотя бы на минуту», приобретает колоссальное имущественное значение.

Для начала стоит разобраться, что вообще понимается под комморианты в юридической науке и правоприменении. До недавнего времени в российской практике действовало простое правило, унаследованное ещё от римского частного права: «если люди умерли в один и тот же день, вне зависимости от того, случилось это в 00:01 или в 23:59, они признаются умершими одновременно и не наследуют друг после друга». Как справедливо замечала в своих работах Н.В. Ростовцева: «этот подход был грубоватым, но понятным» [3, С. 43]. Наследники каждого из умерших призывались к получению своей доли независимо от минуты смерти. Однако после 2016 года ситуация изменилась и теперь для юриста и суда недостаточно знать, что оба человека погибли в один день. Необходимо установить, кто именно стал последним, даже если разница между этими событиями составила считанные секунды.

Одной из самых обсуждаемых в цивилистике проблем является так называемая «проблема часовых поясов». Представим ситуацию, когда в результате крушения поезда одновременно погибают два родственника. Один находится во Владивостоке (UTC+10), другой – в Калининграде (UTC+2). Юридически их смерть наступила в один и тот же физический момент времени. Однако по документам, с учетом часовых поясов, в Калининграде это может быть 20:00 1 марта, а во Владивостоке – уже 04:00 2 марта. Здесь возникает абсурдная коллизия тот, кто умер раньше по абсолютному времени (на востоке), в правовом смысле считается умершим позже, если смотреть по часовому поясу места смерти. Получается, что мертвые начинают наследовать живым, что противоречит

самой сути наследственного права. Более того, возможна и обратная ситуация, когда комориентами признаются люди, один из которых скончался более чем через сутки после другого, если формально это случилось в пределах одного календарного дня по местному времени.

Если раньше, «опираясь на римский цивильный порядок исчисления времени (computatio civilis), где минимальной единицей был день, мы могли игнорировать эти тонкости, то теперь, с требованием установить точный момент (часы и минуты), мы вынуждены обратиться к computatio naturalis – естественному течению времени. В англосаксонской правовой системе, как отмечал Э. Дженкс в «Своде английского гражданского права», день жестко привязан к 24 часам от полуночи до полуночи» [4, С. 6]. Однако в глобальном мире этой привязки недостаточно. Российское право, унаследовавшее римские традиции, не содержит четкого ответа на вопрос: в каком именно времени – местном, московском. Из-за этого правоприменитель оказывается в тупике. Суды вынуждены назначать сложные судебно-медицинские экспертизы с фантастической точностью, чтобы установить, кто именно из погибших в автокатастрофе в Подмосковье и в аварии во Владивостоке умер позже на пару минут, что зачастую просто невозможно физически. И когда установить последовательность смерти невозможно, комморианты не наследуют друг другу. Проблема в том, что из-за бюрократического подхода к часовым поясам, последовательность иногда «устанавливается» искусственно, просто из-за разницы в показаниях часов на местах событий.

Рассмотрим механизм фикции, который возникает в результате текущих пробелов. Согласно пункту 2 статьи 1114 ГК РФ, если умершие в один день признаются комориентами, то наследство открывается у каждого из них отдельно, и право представления (статья 1146 ГК РФ) работает в пользу потомков. Однако на практике, когда речь идет о разных часовых поясах, нотариус часто сталкивается с ситуацией, когда для одного наследодателя есть точное время (например, в заключении эксперта указано 14:30), а для другого – только дата. Как пишет в своем исследовании Ю.М. Муртазалиева, «в таком случае наследование блокируется». Возникает фикция, когда мы предполагаем, что раз у первого время установлено, а у второго нет, то они не могут наследовать друг за другом [1, с. 65], но если бы оба имели только даты (без времени), они бы признавались комориентами. Это приводит к нарушению принципа равенства наследников.

В российской науке уже давно предлагается перенять некоторые из этих механизмов. В частности, В.Б. Паничкин и Е.В. Паничкина в своей статье в журнале «Нотариус» за 2020 год прямо указывают на недостатки российских новелл и предлагают вернуться к презумпции

согласия на принятие наследства, которая действовала в дореволюционной практике, либо установить единую временную шкалу [2, с. 43].

Что же делать с коллизией часовых поясов конкретно? Наиболее разумным выходом является введение в законодательство понятия «единое время». Учитывая, что Россия занимает несколько часовых поясов, а наследственные дела часто касаются лиц, прописанных в разных регионах, было бы логично привязать момент открытия наследства к универсальному координированному времени – UTC. Это позволит отсечь множество судебных споров.

Кроме технического решения с часовыми поясами, законодателю необходимо устранить и терминологическую неопределенность. Понятие «комморианты» до сих пор не закреплено в законодательстве. Его нет в статье 1114, оно лишь используется в доктрине и судебных актах. Представляется целесообразным дополнить пункт 2 статьи 1114 ГК РФ следующим положением: «Комморианами (гражданами, умершими одновременно) признаются лица, в отношении которых невозможно установить последовательность наступления смерти в единой временной шкале (UTC).

Подытоживая вышесказанное, следует признать, что изменения 2016 года, формально направленные на прогресс и уточнение норм, на деле создали сложную правовую реальность для участников наследственных споров. Смещение фокуса с «даты» на «момент» смерти в сочетании с неразрешенной проблемой часовых поясов привело к тому, что от правовой квалификации события теперь зависит судьба многомиллионных состояний. Нотариусы и суды вынуждены изворачиваться, используя аналогию закона и обращаясь к computatio naturalis, тогда как большинству обычных граждан это неведомо. Чтобы вернуть справедливость и ясность в наследственные правоотношения, необходимо не отказываться от понятия момента смерти полностью, а унифицировать систему его исчисления.

Список цитируемой литературы:

1. Муртазалиева Ю.М. Проблемы наследования комморианами и способы их разрешения // Вопросы российского и международного права, 2022. – Том 12. – № 8А. – С. 65- 71.

2. Паничкин В.Б. Недостатки российских новелл о комморианах (ст. ст. 1114, 1116 ГК РФ) в сравнительно-правовом аспекте /В. Б. Паничкин, Е. В. Паничкина, Нотариус. – 2020. – № 8. – С. 42-48. – Текст: непосредственный.

3. Ростовцева Н.В. Наследственное представление комморианта: опыт Франции и России / Н. В. Ростовцева // Наследственное право. – 2019. – №3. – С. 42-46. – Текст: непосредственный.

4. Цемко Е. И., Камышанова А. Е. Наследование в условиях коммориентства: проблемы и способы их разрешения // Вестник науки. – 2025. – №6 (87). – С. 5-8.

Мамедов Н.Д., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ИНСТИТУТ КОМПРОМИССА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу компромисса как правового феномена в сфере гражданского права и процесса. Особое внимание уделяется процессуальным формам реализации компромиссных процедур, их преимуществам и пределам применения.

Ключевые слова: компромисс, мировое соглашение, медиация, третейское разбирательство, примирительные процедуры, гражданский процесс, альтернативное разрешение споров, диспозитивность.

Компромисс – это фундаментальный способ урегулирования конфликтов, основанный на добровольном согласии сторон. В правовой науке компромисс традиционно считается явлением, неотъемлемым от частного права, поскольку оно «априори предполагает взаимные уступки и компромиссы, переговоры, посредничество, сохранение деловых партнерских отношений».

Классическое определение компромисса в гражданском праве дал К.П. Победоносцев. Он понимал под компромиссом «особый вид мировой сделки, или договор о третейском разбирательстве спора через частного посредника, решению коего стороны обязываются подчиниться». В этом определении выделяются два ключевых признака: компромисс – это соглашение сторон; он предполагает участие независимого посредника [1].

Как отмечает А.В. Парфенов, «в современной науке существует тенденция к идеализации компромисса, в то время как важно различать его социально полезные и социально вредные формы, что особенно актуально при анализе границ диспозитивности в гражданском праве» [8, с. 82].

Институт компромисса имеет глубокие исторические корни, уходящие в римское частное право. К.П. Победоносцев отмечал, что в

древнем Риме подобные соглашения заключались свободно, а для предотвращения оспаривания решения посредника стороны обеспечивали свои обязательства денежной неустойкой. Однако начиная с эпохи императора Юстиниана договоры о третейском разбирательстве стали подвергаться законодательным ограничениям, вследствие чего компромисс постепенно переместился в сферу процессуального регулирования.

Правовое регулирование примирительных процедур в России в ходе своей эволюции отражает вектор государственно-правовой политики в части расширения либо, напротив, сужения пределов диспозитивности. Существенной вехой на этом пути выступила судебная реформа 1864 года. Закрепленная Уставом гражданского судопроизводства возможность для сторон окончить дело миром на любой стадии процесса, по справедливому замечанию К.П. Победоносцева, подтверждает, что «мир допускается во всяком положении дела». Более того, как указывал цивилист, мировая сделка «созидает между тяжущимися новое договорное соглашение, уничтожая прежний договор, который не может быть восстановлен».

Современный этап развития гражданского процесса отличается последовательной конституционализацией общественной жизни и активным поиском альтернативных традиционному правосудию способов урегулирования споров. Конституционную основу для развития компромиссных процедур закладывает ст. 45 Конституции РФ, провозглашающая право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

К числу ключевых характеристик мирового соглашения относятся:

1. Добровольность – решение о заключении соглашения принимается сторонами самостоятельно.

2. Взаимные уступки – достижение компромисса предполагает, что каждый участник спора идет на определенные уступки.

3. Судебный контроль – мировое соглашение вступает в силу лишь после утверждения судом, который проверяет его на соответствие закону и отсутствие нарушений прав третьих лиц.

4. Процессуальные последствия – утверждение мирового соглашения влечет прекращение производства по делу и исключает повторное обращение в суд по тому же спору.

Содержание мирового соглашения должно соответствовать требованиям закона. Часть 2 статьи 153.9 Гражданского процессуального кодекса РФ устанавливает, что в соглашении стороны фиксируют согласованные условия, размер и сроки исполнения обязательств (как взаимных, так и односторонних). При этом в него разрешается включать любые условия, не противоречащие закону, – это прямое проявление принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ).

Несмотря на очевидные преимущества, уровень применения примирительных процедур в России пока невысок. Как справедливо замечает Е.П. Волюченко, «в 2022 году доля утвержденных судами мировых соглашений составила менее 0,3% от общего числа рассмотренных гражданских дел, что говорит о необходимости дальнейшего развития института компромисса» [9, с. 53].

Медиация – еще один способ урегулирования споров, который тесно связан с мировым соглашением и органично его дополняет. Как указано в Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ, медиация представляет собой «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения» [2].

К числу очевидных преимуществ медиации относятся гибкость и неформальность процедуры, возможность самостоятельного выбора посредника сторонами, конфиденциальность, а также сохранение деловых отношений. Сама суть медиации раскрывается через переговорный процесс: как отмечается в литературе, «в ходе процедуры медиации стороны ведут переговоры, направленные на урегулирование возникших между ними противоречий и выработку взаимовыгодного соглашения» [6].

Сфера применения медиации продолжает неуклонно расширяться. Данная процедура применима к спорам, возникающим из гражданских, семейных и трудовых правоотношений, в частности – по делам об определении порядка пользования имуществом, о разделе совместно нажитого имущества либо об определении места жительства детей. Вместе с тем законодатель устанавливает изъятия: медиация не используется для разрешения коллективных трудовых споров, а также споров, затрагивающих публичные интересы.

Альтернативной формой урегулирования выступает третейское разбирательство (арбитраж), при котором спор разрешает независимый арбитр, избираемый самими сторонами. В этом контексте уместно вспомнить классическое определение К.П. Победоносцева, который отмечал, что в рамках компромисса «решению посредника стороны заранее придают между собой силу добровольного соглашения о праве» [1].

В современном российском праве третейское разбирательство регулируется Федеральным законом от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». Согласно данному закону, третейские судьи «руководствуются как выбранным сторонами применимым правом, так и обычаями делового оборота», однако при этом «следуют публичному порядку места арбитража и при необходимости применяют сверхимперативные нормы» [3, с. 45].

Развитие институтов компромисса в гражданском праве имеет не только сугубо юридическое, но и важное социально-экономическое зна-

чение. Как справедливо отмечается в литературе, «возможность урегулировать правовой конфликт по собственному усмотрению спорящих сторон с помощью примирительных процедур – одно из проявлений начал самоуправления и свободы гражданского общества» [4, с. 25].

Верховный Суд Российской Федерации рассматривает содействие развитию альтернативных способов разрешения споров в качестве одной из приоритетных задач судебной власти [3, с. 47]. Такая позиция объясняется тем, что компромиссные процедуры способствуют:

- разгрузке судебной системы;
- снижению процессуальных издержек сторон;
- сохранению деловых и личных отношений между участниками спора;
- достижению более справедливого и эффективного разрешения конфликта.

В юридической науке в связи с этим обсуждается возможность принятия кодифицированного акта, «нормативно регулирующего функционирование примирительных процедур, объединяющего нормы материального и процессуального права» [4, с. 28]. Подобная кодификация, по мнению исследователей, способна дать новый импульс развитию компромиссных начал в российском гражданском праве и процессе.

Институт компромисса в гражданском праве представляет собой многогранное правовое явление, органично сочетающее материально-правовые и процессуальные аспекты. Исторически развиваясь от римского до современных форм мирового соглашения, медиации и третейского разбирательства, компромисс утвердился в качестве одного из фундаментальных принципов частного права – принципа диспозитивности.

Эффективность компромиссных процедур определяется балансом между автономией воли сторон и публично-правовым контролем, обеспечиваемым судебными органами. Дальнейшее развитие институтов компромисса в России связано с совершенствованием законодательства о примирительных процедурах, расширением сферы применения медиации и формированием культуры договорных способов разрешения конфликтов в гражданском обществе.

Список цитируемой литературы:

1. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://civil.consultant.ru/ (дата обращения: 09.04.2026).

2. Мировое соглашение. Пресс-служба Овюрского районного суда Республики Тыва. 29.11.2024.

3. От идеи до концепции: новые векторы развития альтернативных способов урегулирования споров // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – № 12. – С. 45-48.

4. Методологические предпосылки изучения правового компромисса // Издательский центр РИОР. – 2021. – С. 23-30.

5. Мировое соглашение в гражданском процессе. Прокуратура Аларского района. 20.12.2021.

6. Медиация как альтернативная форма разрешения споров. Косинский районный суд Пермского края. 29.01.2026.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

8. Парфенов, А.В. К вопросу о природе юридически значимого компромисса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 3 (67). – С. 81–86.

9. 10.Волюченко, Е.П. Институт примирительных процедур в гражданском судопроизводстве // Актуальные исследования. – 2023. – № 45 (175). – С. 53-58.

Мардовкин Р.С., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Кузнецова Н.Н., канд. юрид. наук

ДИСТАНЦИОННОЕ УЧАСТИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация

Автором проводится анализ института дистанционного участия лиц в гражданском деле посредством системы веб-конференции. Ставятся задачи по определению, насколько современный онлайн-формат согласован с базовыми принципами гражданского процесса, какие правовые пробелы возникают на практике и как возможно устранить возникающие препятствия.

Ключевые слова: процесс; веб-конференция; дистанционное участие; онлайн-заседание.

В современном мире цифровизация охватывает почти каждую сферу жизни общества. Судебная система не является исключением. Одним из наиболее заметных нововведений последних лет стало за-

крепление в законодательстве Российской Федерации права участников гражданского, арбитражного, административного судопроизводства присутствовать в судебных заседаниях и реализовывать свое право на судебную защиту, не выходя из дома или офиса, другими словами – не посещая здание суда.

В 2021 году законодатель ввиду ситуации, которая складывается в стране в результате пандемии, предоставляет возможность истцу, ответчику, третьим лицам и иным субъектам гражданско-процессуального права участвовать в судебном разбирательстве, используя при этом компьютер и имея доступ в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».

В это же время в законодательстве появляется право участника процесса на подачу процессуальных документов в электронном виде, что определяет тенденцию на постепенный переход к электронному документообороту. Тем не менее, за внешней технологичностью скрывается ряд процессуальных, организационных проблем, которые в настоящее время не решены.

В Российской Федерации закреплено, что все равны перед законом и судом. Нормативно-правовой базой в сфере участия в судебном заседании посредством веб-конференции является часть 1 статьи 155.2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации лица, участвующие в деле, и другие участники процесса могут участвовать в судебном заседании путем использования системы веб-конференции при условии заявления ими ходатайства об этом и при наличии в суде технической возможности осуществления веб-конференции.

На первый взгляд, формулировка нормы права выглядит разумной – если суд не имеет возможности технически обеспечить возможность проведения гражданского процесса в сети «Интернет», такое участие возможно только по общим основаниям.

Между тем, формулировка «наличия в суде технической возможности» становится инструментом ограничения процессуальной право- и дееспособности граждан и юридических лиц.

Л.Р. Борецкая говорит, что «отсутствие технической возможности создает почву для избирательного применения ограничений и злоупотреблений со стороны судов» [2, с. 22].

Действительно, если участники арбитражного судопроизводства стабильно используют изучаемый институт с помощью системы «Мой арбитр», то суды общей юрисдикции на практике чаще отказывают в удовлетворении заявленного ходатайства ввиду отсутствия технической возможности.

Н.Н. Болдырева считает, что «процедура организации и проведения судебных заседаний с помощью системы веб-конференции детально в

процессуальном законодательстве не регламентирована» [1, с. 40].

Одни суды требуют подавать заявление об участии в заседании «онлайн» не позднее трех или пяти рабочих дней. Другие рассматривают поданные за несколько минут до начала процесса ходатайства и в таком случае признают такие действия лица как злоупотребляющего своими процессуальными правами.

Отсутствие в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации императивно установленного срока подачи ходатайства об участии в онлайн-заседании создает правовую неопределенность и формирует разностороннюю судебную правоприменительную практику, что недопустимо.

Отдельно стоит поговорить про онлайн-формат и принципы гражданского судопроизводства. Любая процессуальная инновация должна внедряться в соответствии с фундаментальными процессуальными принципами. И институт участия в гражданском процессе посредством веб-конференции не является исключением из этого правила.

Принцип гласности при онлайн-заседаниях формально сохраняется. Судья находится в зале, а доступ – публичный для всех желающих.

С.С. Казиханова говорит о том, что «модель онлайн-трансляций открытых судебных заседаний для широкого круга общественности без заявления ходатайств участников не просто не представляет какой-либо опасности, но даже усиливает гарантии правосудия» [3, с. 84].

Принцип непосредственности вызывает сомнения. При очном участии судья воспринимает доказательства, мимику, интонацию каждого участника процесса. При дистанционном формате это восприятие искажается из-за связи, ракурса камеры, качества звука. Также при дистанционном взаимодействии у суда отсутствует возможность правильно и с достоверностью оценить представленные доказательства.

Принцип равноправия сторон также ставится под вопрос при смешанном формате, когда один участник присутствует очно, а другой – с использование веб-конференции. Если сторона присутствует в зале судебного заседания очно, она может мгновенно среагировать на новые документы, дополнительные пояснения, исходящие от оппонента. У лица, который участвует дистанционно, такой возможности нет, как и нет возможности в любой момент представить суду документы в электронном виде для их последующего приобщения. Это создает фактическое неравенство в процессуальных возможностях каждого участника гражданского судопроизводства.

Эту же проблему поднимает А.Н. Кукарцева, говоря о том, что «дистанционным участникам может быть затруднительно представить свои аргументы и контраргументы, обратившись к исследуемым в заседании доказательствам» [4, с. 524].

Таким образом, система веб-конференции в гражданском процессе не является идеальной на данном этапе своего развития. В настоящее время возникают технические проблемы и правовые пробелы, нарушающие принципы гражданского процесса, вследствие чего не представляется возможным воспользоваться предусмотренным институтом права в полной мере.

Исходя из вышеуказанного анализа, предлагается внести следующие изменения в законодательство:

1) Убрать из части 1 статьи 155.2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации возможность для суда отказывать в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании с помощью веб-конференции по причине отсутствия у суда технической возможности;

2) Закрепить в части 1 статьи 155.2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации пятидневный срок на подачу ходатайства об участии в судебном заседании с помощью веб-конференции;

3) Создание единой системы электронного документооборота на примере системы «Мой арбитр». На данный момент суды общей юрисдикции (в основном это суды кассационной инстанции) используют разное программное обеспечение для проведения веб-конференции – например, «VideoMost», «Vinteo».

Единая система с функцией участия в судебном заседании посредством веб-конференции, демонстрацией экрана, одновременного направления и подписания электронной подписью документов в режиме реального времени существенно снизит процессуальные издержки, придерживаясь разумного срока рассмотрения гражданского дела и реализуя принцип равенства и состязательности сторон.

Список цитируемой литературы:

1. Болдырева, Н. Отдельные аспекты участия в судебном заседании путем использования системы веб-конференции / Н. Болдырева // Norwegian Journal of Development of the International Science. – 2024. – № 135. – С. 39-42.

2. Борецкая, Л.Р. Использование систем видеоконференц-связи, как инструмент злоупотребления процессуальными правами / Л.Р. Борецкая // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях. – 2024. – С. 17-24.

3. Казиханова, С.С. Веб-конференция как современная модель взаимодействия суда и участников процесса: недостатки правового регулирования и перспективы использования / С.С. Казиханова //

Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 10 (110). – С. 79-87.

4. Кукарцева, А.Н. Участие в судебном заседании путем использования системы веб-конференции: за и против / А.Н. Кукарцева // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2023. – Т. 7, № 4 (28). – С. 519-528.

Мелихова А.К., студентка
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

САМОВОЛЬНАЯ ПОСТРОЙКА: КРИТЕРИИ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ЗАСТРОЙЩИКА И ПОСЛЕДСТВИЯ СНОСА

Аннотация

В статье анализируется правовая природа самовольной постройки и критерии добросовестности застройщика на основе Постановления Пленума ВС РФ № 44 от 12.12.2023 г. Обосновывается, что добросовестность лица (отсутствие умысла, принятие мер для получения разрешений) позволяет легализовать объект, тогда как её отсутствие влечёт безусловный снос как крайнюю меру ответственности.

Ключевые слова: самовольная постройка, добросовестность застройщика, снос, легализация, ст. 222 ГК РФ, Постановление Пленума ВС РФ № 44, судебная практика.

Правовая природа самовольной постройки носит двойственный и сложный характер, сочетая в себе признаки гражданского правонарушения и одновременно являясь экономически ценным материальным объектом [2, с. 406]. С одной стороны, возведение объекта при отсутствии необходимых разрешений или с нарушением градостроительных норм представляет собой виновное действие, что исключает возможность применения к застройщику норм о приобретательной давности в силу отсутствия критерия добросовестности владения. С другой стороны, сам факт создания материального блага требует поиска баланса между публично-правовыми интересами соблюдения установленного порядка и частным интересом застройщика на легализацию постройки. В этих условиях категория добросовестности застройщика приобретает ключевое значение для определения правовой судьбы самовольной постройки,

являясь одним из решающих критериев при решении вопроса о ее сносе или легализации [3, с. 328]. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 12 декабря 2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» [5, с. 2] подтвердил данный подход, указав, что признание права собственности на самовольную постройку является исключительным способом защиты, возможным при отсутствии очевидных признаков явного и намеренно недобросовестного поведения застройщика. При этом правоприменительная практика исходит из того, что формальное отсутствие разрешения не должно служить безусловным основанием для сноса, а судам надлежит оценивать реальную добросовестность лица, принимавшего надлежащие меры для получения разрешительной документации, а также устанавливать, создает ли постройка угрозу жизни и здоровью граждан и не нарушает ли права третьих лиц.

В доктрине и судебной практике под добросовестностью застройщика применительно к ст. 222 ГК РФ понимается прежде всего его субъективное состояние, выражающееся в принятии всех разумных и достаточных мер для соблюдения установленного порядка возведения объекта. Действующее правовое регулирование закрепляет презумпцию защиты добросовестного создателя самовольного объекта. Ключевым критерием здесь является неосведомленность лица о действующих ограничениях использования земельного участка, если оно не знало и не могло знать о них, в том числе вследствие отсутствия необходимых сведений в ЕГРН (п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке») [5, с. 10].

Наиболее значимые оценочные признаки добросовестности в самовольной постройке: предпринимал ли человек шаги для легализации (застройщик обращался в уполномоченный орган за разрешением на строительство, но получил отказ); осознавал ли застройщик ограничения; соблюдал ли человек строительные и градостроительные нормы; не нарушает ли сохранение постройки права других лиц и не создаёт ли угрозу.

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ № 44 от 12.12.2023, основным материально-правовым последствием признания постройки самовольной является ее снос или приведение в соответствие с установленными требованиями [5, с. 5]. Юридическая доктрина и судебная практика единодушно квалифицируют снос как исключительную (крайнюю) меру гражданско-правовой ответственности, применение которой допустимо лишь в случаях, когда сохранение объекта невозможно или создает реальную угрозу жизни и здоровью граждан. В материальном плане снос влечет для застройщика негативные последствия в виде обязанности осуществить демонтаж объекта за

свой счет (п. 2 ст. 222 ГК РФ). При этом правовой режим несения таких расходов дифференцируется: если застройщик действовал недобросовестно, т.е. знал или должен был знать о допущенных им нарушениях, произведенные им затраты на снос не подлежат возмещению. Напротив, в отношении добросовестного застройщика, который не знал и не мог знать о наличии ограничений, Конституционным Судом РФ сформулирована правовая позиция о недопустимости сноса объекта без предварительного и полного возмещения причиненных убытков. Кроме того, для приобретателя самовольной постройки по сделке закон предоставляет возможность взыскать понесенные убытки с непосредственного виновника-застройщика. Процессуальные аспекты категории характеризуются действием правил исключительной подсудности: спор о сносе рассматривается судом по месту нахождения объекта. Также судебный процесс в обязательном порядке сопровождается разрешением вопроса о выселении граждан, проживающих в сносимом строении, с обязательным привлечением прокурора для дачи заключения [4]. Распределение материальных затрат находится в прямой зависимости от степени добросовестности застройщика, а сам процессуальный порядок сопряжен с расширенными гарантиями для лиц, законно проживающих в таком объекте.

В современной судебной практике и доктрине наблюдается устойчивый вектор на поиск баланса между защитой добросовестного застройщика и необходимостью применения крайней меры в виде сноса объекта. Ключевым инструментом данного баланса является оценочная категория «добросовестности», которая корректирует жесткость общих последствий, предусмотренных статьей 222 ГК РФ [2, с. 408]. Эта тенденция нашла отражение в п. 1 ст. 222 ГК РФ, закрепляющем презумпцию защиты добросовестного создателя самовольного объекта [1, с. 266]. Согласно позиции Верховного Суда РФ, снос самовольной постройки является крайней мерой гражданско-правовой ответственности, а устранение последствий нарушения должно быть соразмерно самому нарушению. Постановление Пленума ВС РФ № 44 от 12.12.2023 г. подтвердило необходимость учета всех обстоятельств, включая не только формальное отсутствие разрешений, но и характер допущенных нарушений, добросовестность действий лица по их устранению, а также права и законные интересы третьих лиц [2, с.409].

Таким образом, соотношение добросовестности застройщика и сноса постройки заключается в том, что наличие добросовестности при отсутствии существенных и неустранимых нарушений может являться основанием для легализации объекта, а ее отсутствие – служить квалифицирующим признаком, делающим правовой исход в виде сноса неизбежным.

Список цитируемой литературы:

1. Бурлак, А. Е. Презумпция добросовестности приобретателя в делах, связанных с самовольным строительством / А. Е. Бурлак // Молодой ученый. – 2020. – № 21 (311). – С. 265-267.

2. Олейников, Д. А. Самовольное строение: проблемы квалификации и его правовая судьба / Д. А. Олейников // Молодой ученый. – 2025. – № 49 (600). – С. 406-409.

3. Сырбо, В. А., Морозова В. А. Учет различных аспектов недобросовестности в поведении сторон при легализации самовольной постройки и при ее сносе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2025. – №2 (34). – С. 327-335.

4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.09.2025 «О необходимости предварительного разрешения вопроса о выселении граждан при сносе самовольной постройки» // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_65/activity legaleducation/explain/e8339103/ (дата обращения: 06.06.2026).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» // Российская газета. – 2023. – С. 2-18.

Миц Е.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ВИДЫ ОРГАНИЗАЦИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

В данной статье рассматриваются виды организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Российской Федерации. Раскрывается функциональная и нормативная составляющая образовательных, медицинских, социальных организаций в нашей стране, а также специализированных учреждений. Указывается нормативно урегулированное интернатского сопровождения, которое играет

значительную роль в адаптации лиц, оставшихся без семьи. Особое внимание уделяется альтернативным формам, относящимся к специализированным организациям на примере «Детских деревень – SOS», которые реализуют признанную на международном уровне модель долгосрочного семейного воспитания.

Ключевые слова: дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, организации для детей-сирот, дом ребенка, социально-реабилитационный центр, Детские деревни SOS.

В России по информации, представленной Уполномоченным при президенте РФ по правам ребенка Марией Львовой-Беловой на 2025 год общее число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, составило 317 052 человека [3]. По мнению С. В. Лавровой и Д. А. Филипповой: «в современном мире нередко приходится сталкиваться с ситуацией, в которой дети остаются без попечения родителей, по сути остаются без семьи. В такой ситуации огромное значение приобретают предусмотренные законом формы устройства детей на воспитание» [2, с 39].

Согласно пункту 1 статьи 155.1 Семейного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (далее– СК РФ) включает в себя обобщенное понятие «организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», которое подразумевает под собой учреждения различной ведомственной принадлежности, типов и видов.

Проблема сиротства в каждом государстве решается через сеть специализированных организаций. В России законодатель выделяет три ведомственные группы таких учреждений, каждая из которых имеет свои задачи и нормативную базу. Ниже последовательно рассматриваются образовательные, медицинские и социальные организации, а также специализированные учреждения для детей с ограниченными возможностями здоровья.

К образовательным организациям, указанным в пункте 1 статьи 155.1 СК РФ прежде всего «относятся: детские дома, школы-интернаты для сирот, детские дома-школы (комбинированные учреждения «интернат-школа»)», а также специальные образовательные заведения ведомственного подчинения – кадетские училища, суворовские и нахимовские училища.

Согласно пункту 2 статьи 155.2 СК РФ, «исполнение обязанностей по содержанию, воспитанию и образованию детей, а также защите их прав и законных интересов возлагается на исполнительный орган субъекта РФ». В то же время кадетские, Суворовские и Нахимовские училища обеспечивают детям строгую режимно-воспитательную сре-

ду и профильную военно-патриотическую подготовку. Нормативно они регулируются как образовательные организации Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 273).

Постановление Правительства РФ от 24 мая 2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» (далее- ПП РФ № 481) включает в себя пункт 35, «который ограничивает численность детей в группах в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которая не должна превышать 8 человек, а в возрасте до 4 лет – 6 человек», а также вводит пунктом 33 «требование о проживании по принципу семейного воспитания».

Таким образом, основу государственной системы воспитания сирот составляют образовательные учреждения интернатного типа, где на первый план выходят обучение и регламентация быта. В кадетских и суворовских училищах к этому добавляется военно-патриотическая подготовка, что формирует особую, дисциплинарную модель социализации.

Указанные в пункте 1 статьи 155.1 СК РФ медицинские организации – это дома ребенка, которые специализируются на содержании, воспитании и оказании медицинской помощи детям в возрасте от рождения до четырех лет. Ключевую правовую основу деятельности составляют Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ и вышеупомянутое ПП РФ № 481. Специфика данного вида организаций заключается в приоритете медицинского сопровождения над образовательным процессом, что обусловлено состоянием здоровья воспитанников. Однако императивные требования ПП РФ № 481 обязывают даже медицинские организации обеспечивать условия, аналогичные семейному воспитанию, создавать условия для социализации и контактов с потенциальными усыновителями. Срок пребывания ребенка в доме ребенка ограничивается достижением четырехлетнего возраста, после чего при отсутствии семейного устройства ребенок переводится в учреждение образовательного типа или социального обслуживания, если состояние здоровья позволяет его обучение.

Из совокупности требований следует, что дом ребёнка функционирует как временный этап реабилитации сироты. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что эффективность функционирования медицинских организаций позволит повысить шанс ребенка на переход в новый этап в виде устройства в семью. Следовательно, эффективность дома ребёнка должна измеряться не длительностью пребыва-

ния, а скоростью восстановления здоровья для передачи в следующий этап устройства.

К организациям социального обслуживания населения, указанным в пункте 1 статьи 155.1 СК РФ относятся «социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей, социальные приюты». Их функционирование регламентируется Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 442). Статья 19 указанного ФЗ гласит, что организации социального обслуживания «предполагают круглосуточное проживание на срок, определённый индивидуальной программой». Статья 22 ФЗ № 442 «Содействие в предоставлении реабилитационной, медицинской, психологической, педагогической, юридической, социальной помощи, не относящейся к социальным услугам (социальное сопровождение)» предусматривает, что при необходимости гражданам оказывается содействие в получении такой помощи на основе межведомственного взаимодействия. Это отражает одну из ключевых функций социально-реабилитационных центров, заключающуюся в содействии в решении комплексных проблем.

Важным нормативным введением стало распространение на такие центры требований по «постинтернатному сопровождению» лиц из числа детей-сирот в возрасте до 23 лет (а в случае продолжения обучения и старше), предусмотренных частью 3 статьи 6 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

Введение требования по постинтернатному фактически расширяет хронологические границы социального обслуживания за пределы несовершеннолетия. Это означает, что организации социального обслуживания постепенно эволюционируют из «приютов временного содержания» в институты пост-интернатной адаптации.

Организация для детей-сирот, независимо от формы собственности, обязана получить лицензию на осуществление образовательной деятельности (если в штате есть педагоги) или медицинской деятельности (если оказываются медицинские услуги). Для негосударственных организаций дополнительным требованием выступает регистрация в качестве некоммерческой организации с указанием в уставе целей, связанных с защитой детства.

В настоящее время получили распространение негосударственные центры семейного воспитания, учреждаемые благотворительными фондами. «Специальные школы-интернаты и детские дома-интернаты создаются для особых категорий детей-сирот: например, де-

тей-инвалидов, детей с ограниченными возможностями здоровья или нарушениями психического развития. Это либо образовательные учреждения (спец. школы для умственно отсталых детей), либо социальные интернаты (для инвалидов)» [1]. В таких учреждениях работают специалисты-дефектологи и медсестры. Они функционируют на основании лицензии на образовательную или медицинскую деятельность и обязаны соблюдать все требования Постановления Правительства РФ № 481, включая стандарт проживания в малых группах.

Необходимо существование и «Дом Юношества представляет собой жилище типа общежития или многоквартирного дома, находящегося на балансе детской деревни или детского дома. На основании решения исполнительного органа исполнительной власти субъекта РФ, возможно создавать Дом Юношества, который мог бы осуществлять деятельность с разрешения органа опеки и попечительства» [4, с. 36].

Как уже было указано выше, наряду с государственными учреждениями растёт доля частных и благотворительных проектов для детей-сирот, хорошим примером служит деятельность «Детских деревень – SOS», которая реализует признанную на международном уровне модель долгосрочного семейного воспитания. С. В. Лаврова, Д. А. Филиппова указывают, что «На территории деревни SOS вблизи друг от друга располагаются от 10 до 15 домов. В каждом доме проживает семья, состоящая из SOS-мама и приемных детей, которых может быть разное количество от 4 до 10» [2, с. 41]. По специфике дети, которые воспитываются в Детский деревнях SOS, продолжают сохранять статус детей-сирот или детей оставшихся без попечения родителей, однако фактически данная модель жизнеустройства сильно отличается от государственных учреждений, поскольку воспитание осуществляется в отдельных помещениях, где совместно проживают дети с мамой, которая хоть и выполняет свою деятельность в рамках трудовой, но при этом она максимально приближена к родительской заботе в семье.

Анализ нормативно-правовых актов, регулирующих положение лиц, имеющих статус детей-сирот и детей оставшихся без попечения родителей выявляет наличие хорошо разработанного системного механизма государственной поддержки, который дает понять, что вектор данного развитии государственной политики активно и эффективно реализуется в нашей стране. Нормативно урегулированное интернатского сопровождения, которое играет значительную роль в адаптации лиц, оставшихся без семьи. Особое внимание уделяется альтернативным формам, относящимся к специализированным организациям на примере «Детских деревень – SOS», которые реализуют признанную на международном уровне.

Подводя итоги, хотелось бы указать о наличии системы, воплощенной в нормах федерального законодательства, представляющей собой не разрозненные меры, а целостную нормативную систему, направленную на всестороннюю защиту прав и законных интересов данной категории граждан и обеспечение их успешной социализации и самостоятельного существования в обществе.

Список цитируемой литературы:

1. Грибанов, Е.В., Помогалова, Ю.В., Богатырева, Н.В., Комментарий к Федеральному закону «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ. – Специально для системы ГАРАНТ, 2019. – URL: https://base.garant.ru/ (дата обращения: 29.05.2026).

2. Лаврова, С.В., Филиппова, Д.А. Детская деревня – особая форма устройства детей в семью / С.В. Лаврова, Д.А. Филиппова // Духовно-нравственные ценности как основа технологического суверенитета России: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции (г. Липецк, 24 апреля 2024 г.) / под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Е.А. Гончаровой. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. – С. 39-43.

3. Опубликованы данные за 2025 год о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. – Режим доступа: Официальный сайт, уполномоченный при президенте по правам ребенка в Российской Федерации. – URL: https://deti.gov.ru/ (дата обращения: 29.05.2026).

4. Лаврова, С.В., Дом юношества как особая форма социализации выпускников детских домов. / С.В. Лаврова // Духовно-нравственные ценности как основа технологического суверенитета России: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции (г. Липецк, 24 апреля 2024 г.) / под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Е.А. Гончаровой. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. – С. 34-38.

Мокроусова Е.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

НЕДОСТАТОЧНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема о недостаточной защите прав потребителей. Эта проблема актуальна, так как в наше время продажи набирают все больше и больше оборотов, развивается бизнес и вместе с тем появляются новые площадки для торговли – интернет-магазины, с правилами которых многие пользователи не знакомы.

Ключевые слова: потребитель; права потребителя; маркетплейсы; товары;

Согласно 8 ст. Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г. № 2300-I [1]. потребитель имеет право запросить предоставление нужной и верной информации об изготовителе (исполнителе, продавце), режиме его работы и предлагаемых им товарах (услугах). Но зачастую многие сталкиваются с тем, что многие продавцы не размещают необходимую информацию к своей продукции, из-за чего покупатель вынужден обращаться через специальный раздел: «вопросы к продавцу», где продавец может не успеть ответить на вопрос в срок, например, когда дело касается возврата товара – срок ограничен (в зависимости от категории, товар можно вернуть в течение 7 дней).

В таком случае, если потребитель захотел осуществить возврат, а продавец не успел предоставить вовремя ответ, то потребитель может опоздать с возвратом. Дальше есть несколько путей развития данной проблемы: продавец идет на уступки и вместе с клиентом ищет выход из сложившейся ситуации; клиент не знает, как/не может установить связь с продавцом и остается с испорченным товаром.

Не всегда продавец оказывается добросовестным, поэтому часто покупатели несут убытки из-за того, что не смогли вернуть товар вовремя. Нужно обязать продавца располагать информацию в специально отведенном поле, а также маркетплейсу распределять товары по категориям и автоматически выставлять данную информацию на карточке товара, чтобы покупатель был проинформирован о сроке возврата.

Также хотелось бы рассмотреть систему отзывов на seller, ведь многие продавцы идут на сознательный обман клиентов, также сама

площадка интернет-магазинов способствует тому, чтобы продавцы повышали свой рейтинг за счет повышения оценки товара. А согласно исследованию, которое провело агентство Markway 98,9% покупателей проверяют информацию о товаре перед совершением покупки [2]. Следовательно, большинство клиентов доверяют написанным отзывам и ориентируются с их помощью.

К сожалению, можно наблюдать как некоторые недобросовестные продавцы специально занижают рейтинг товаров своим конкурентам, тем самым привлекая к себе покупателей. Необходимо обязать маркетплейсы начать реализовывать модерацию для ботов, ограничив им возможность писать комментарии. А также многим сайтам начинать блокировать объявления о наборе людей на работу по написанию отзывов. Также считаю, что интернет-магазин может вводить функцию штрафов и предупреждений, если застанет пользователей за подобными действиями – спам-активность, размещение рекламы (продавцы). Иначе покупатель может ошибочно полагать, что товар хороший и заказать его, полагаясь на рекомендации людей, которые уже «совершили покупку» и в итоге ему придет не то, что он ожидал. Также это может повлечь к приобретению товара или услуги низкого качества, а также потере доверия к маркетплейсам и производителю.

Подводя итог, хочется отметить, что многие из пользователей не ознакомлены со своими правами и правами столь популярных маркетплейсов. Этим и пользуются многие недобросовестные продавцы, из-за чего и возникают вышеописанные ситуации. Поэтому необходимо ввести дополнительные обязанности для интернет-магазинов в ГК РФ, чтобы укрепить защиту прав потребителя, ведь недостаточно Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей».

Список цитируемой литературы:

1. О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-I.

2. Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека [электронный ресурс]. – URL: https://fbuz27.ru/en/o-prave-potrebitelya-na-informaciyu/ (дата обращения 16.04.2026).

Морозов Д.Ю., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ

Аннотация

В настоящей статье систематизированы знания о правовом институте коммерческой тайны, уточнены его признаки и соотношения со смежными правовыми режимами. Содержащиеся в статье выводы и рекомендации могут быть использованы субъектами предпринимательской деятельности для построения эффективной системы защиты информации.

Ключевые слова: коммерческая тайна; экономика; коммерческая ценность; секреты производства; конфиденциальность.

В условиях динамично трансформирующейся цифровой экономики и усиливающейся глобальной конкуренции информация приобрела характер ключевого стратегического актива. Успешность хозяйственной деятельности все в большей степени определяется способностью субъекта предпринимательства обеспечивать сохранность и монопольное использование уникальных знаний, технологий и данных, формирующих его конкурентные преимущества. В этом контексте институт коммерческой тайны выступает в качестве одного из центральных правовых механизмов, призванных охранять конфиденциальную информацию от неправомерного пользования. Его эффективное функционирование имеет принципиальное значение не только для защиты частных интересов отдельного бизнеса, но и для обеспечения экономической безопасности и стимулирования инновационного развития государства в целом.

С каждым последующим этапом развития общества всю большую ценность приобретает информация, она справедливо заняла место в перечне объектов гражданского права. «Информация приобрела коммерческую ценность, стала продуктом и товаром. Она может быть открытой, полузакрытой и секретной. Предоставление контрагентам несекретной информации, необходимой для принятия решения о сотрудничестве с данным предприятием, и является обычной практикой. Но утечка секретной информации угрожает стратегическим интересам предприятия и его существованию. С его помощью предприятие можете вызвать конфликт с налоговыми, таможенными и другими государственными органами, нанести ущерб репутации, подорвать финансовое состояние предприятия и подвергнуть компанию шантажу кри-

минальных структур. В связи с этим обеспечение защиты информационных ресурсов от всевозможных угроз становится одной из важнейших экономических проблем предприятия» [1, с. 24].

Т.В. Белова подчёркивает, что «отдельные классификационные критерии, традиционно используемые в отношении вещей, могут быть распространены и на информацию как объект гражданских прав. Ценность информации обусловлена её содержанием – то есть содержащимися в ней сведениями – и имеет нематериальную природу» [2, с. 26].

Каждому субъекту предпринимательской деятельности отведено право защищать свои интересы, ценную для него информацию, при этом оставаться в рамках принципа свободы предпринимательства.

Институт коммерческой тайны представляет собой особый правовой инструмент, направленный не только на защиту интересов предпринимателей, но и на обеспечение национальных экономических интересов в целом. Режим конфиденциальности коммерческой информации традиционно считается столь же важным, как и режим государственной тайны. Вопросы защиты коммерческой тайны приобретают особую актуальность.

Коммерческой тайны получило развитие в гражданском законодательстве. В статье 139 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. №53-ФЗ, она была выделена наряду со служебной тайной, но данная правовая норма утратила силу с 1 января 2008 года. В статье давалось определение понятия служебной и коммерческой тайны.

В действующем законодательстве содержание коммерческой тайны раскрывается в специальном нормативном акте – Федеральном законе «О коммерческой тайне» от 29 июля 2004 г. №98-ФЗ. Согласно этому закону, под информацией, составляющей коммерческую тайну (иначе – «секретом производства»), понимаются режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду. «Такие сведения обладают реальной или потенциальной коммерческой ценностью именно потому, что они неизвестны третьим лицам, недоступны им на законных основаниях, и их обладатель установил в отношении них режим коммерческой тайны. Примечательно, что в правовой практике и законодательстве термины «секрет производства» и «информация, составляющая коммерческую тайну» фактически используются как синонимы» [3, с. 33]. Кроме того, часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. №230-ФЗ уравнивает понятия «секрет производства» и «ноу-хау» (подпункт 12 пункта 1 статьи

1225). Однако понятие «секрет производства» более широкое по объёму, и «ноу-хау» является лишь частью таких сведений.

Современные исследователи определяют коммерческую тайну как «форму обеспечения безопасности наиболее важной коммерческой информации, предполагающая ограничение ее распространения» [4, с. 85].

Информационная природа коммерческой тайны проявляется в ряде характерных признаков, формирующих правовой режим её охраны: конфиденциальный статус сведений, отнесённых к категории коммерческой тайны; ограниченность доступа к такой информации со стороны третьих лиц; реализация обладателем конкретных мер, направленных на обеспечение её сохранности и недоступности.

В свою очередь, экономическое содержание коммерческой тайны выражается в следующих признаках: наличие у информации действительной или возможной коммерческой ценности, обусловленной её неочевидностью для конкурентов; использование особых методов, технологий или организационных решений в предпринимательской деятельности, которые позволяют владельцу информации укреплять устойчивость бизнеса на рынке. Таким образом, правовой режим коммерческой тайны формируется на пересечении информационной конфиденциальности и экономической выгоды, что определяет его особое место в системе гражданско-правовых институтов.

Коммерческая тайна определяется как режим конфиденциальности сведений, обеспечивающий обладателю выгоду за счет их неизвестности третьим лицам и характеризуется конкретными признаками.

Третьим признаком выступает – введение обладателем режима конфиденциальности через меры по статье 10 Федерального закона «О коммерческой тайне» перечень информации, ограничение доступа, учет лиц, регулирование договоров и гриф «Коммерческая тайна».

Обладатель коммерческой обязан принять комплекс мер по статье 10 Федеральном законе «О коммерческой тайне» разработать документ с перечнем сведений, порядком доступа и ответственности; ограничить помещения, ведение реестра лиц с доступом, регулирование использования внешних носителей. Маркировка документов грифом «Коммерческая тайна» обязательна на всех носителях, включая электронные; отсутствие ее – основание для отказа в суде. Соглашения о неразглашении заключаются со всеми – работниками, контрагентами, стажерами.

Для коммерческой тайна меры защиты вводятся обладателем самостоятельно и включают широкий спектр действий, направленных на ограничение доступа к информации и фиксацию режима конфиденциальности. Во-первых, обязательная маркировка документов, файлов и носителей информации надписью: «Коммерческая тайна» или «КТ» с указанием обладателя и даты введения режима, что создает презумп-

цию охраны и упрощает судебное доказывание (пункт 1 статьи 10 Федерального закона «О коммерческой тайне»). Во-вторых, ведение учета носителей информации – электронных и материальных, включая журналы выдачи, инвентаризацию и контроль перемещения, с обязательным уничтожением копий при увольнении сотрудников или расторжении договоров. В-третьих, ограничение доступа к помещениям и базам данных через пропускные системы, биометрический контроль в корпоративных сетях и многофакторную аутентификацию, интегрированные с системами видеонаблюдения и блокирования действий.

Дополнительно применяются договоры о неразглашении, включающие в себя трудовые договоры, гражданско-правовые контракты с контрагентами и соглашения с фрилансерами, где четко прописываются объем охраняемой информации, срок обязательства (часто бессрочный для ноу-хау), санкции за нарушение и порядок возврата данных. Обладатель проводит регулярные инструктажи и тестирования сотрудников на знание режима, внедряет внутренние политики информационной безопасности, а также технические средства защиты – антивирусное программное обеспечение, шифрование данных и системы обнаружения вторжений. Важно подчеркнуть цифровизацию этих мер: использование DLP-систем (Data Loss Prevention) для мониторинга утечек через email, облака и USB-носители, что особенно актуально для стартапов и IT-компаний.

Контроль за соблюдением осуществляется внутренними службами безопасности или внешними аудиторами, с фиксацией нарушений в актах для последующего взыскания убытков. Обладатель, в свою очередь, может адаптировать меры под специфику бизнеса, от простого NDA в малом предпринимательстве до полноценного комплаенс-центра (подразделение, которое отвечает за соблюдение законодательства, корпоративных стандартов и этических норм в деятельности организации) в корпорациях.

К коммерческой тайне могут относиться технологические разработки, маркетинговые исследования, данные о клиентах и контрагентах, рыночные стратегии и иные сведения, при условии установления соответствующего режима конфиденциальности; при этом законодательство устанавливает исчерпывающий перечень сведений, не подлежащих отнесению к коммерческой тайне (учредительные документы, данные госреестров, информация, обязательная к раскрытию по иным федеральным законам), обеспечивая баланс между правом предпринимателя на защиту информации и публичными интересами. Её признаки включают информационный аспект (конфиденциальный статус, ограниченный доступ, реализация мер защиты) и экономический аспект (способность обеспечивать владельцу рыночные преимущества за счёт неочевидности сведений для конкурентов).

Круг лиц, правомерно допущенных к такой информации, включает работников по трудовому договору, контрагентов по гражданско-правовым соглашениям, а также государственные органы в рамках осуществления контрольно-надзорных функций. Ключевым условием возникновения обязанности по сохранению конфиденциальности для этих лиц является надлежащее юридическое оформление их доступа (посредством трудового договора, отдельного соглашения о неразглашении или обязательного предписания закона) и их информирование о введённом режиме коммерческой тайны.

Список цитируемой литературы:

1. Аршакян, А.М. Виды и сущность коммерческой тайны, её место в системе информации экономической безопасности коммерческого банка // Форум молодежной науки. – 2021. – №2. – С. 24-27.

2. Белова, Т.В. Правовое регулирование за щиты информации и прав на нее в гражданском обороте: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – 28 с.

3. Абдрашитов, А. Р. Субъекты права на коммерческую тайну. // Форум молодых ученых. – 2019. – № 4. – С. 33-35.

4. Самсонова, О.А. К вопросу о понятии и правовом регулировании института коммерческой тайны // Известия БГУ. – 2002. – №1. – С. 85-89.

Мягков А.С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНФЕРНЫХ ДОГОВОРОВ

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу проблем правового регулирования трансферных договоров в российском гражданском праве, с акцентом на вопрос квалификации данного вида соглашений и определения его предмета.

Ключевые слова: трансферные договоры; спорт; спортивные права; спортсмен; профессиональный спорт.

Тема юридической квалификации отношений, возникающих при переходе спортсмена, вызывает много споров. С.А. Изюрьев приходит к выводу, что «они не подпадают под регулирование Трудового кодекса, а относятся к сфере гражданского права. Трансферные отношения соответствуют признакам, указанным в статье 2 Гражданского кодекса РФ: они возникают между частными субъектами (чаще всего спортивными организациями), имеют имущественный характер, основаны на равенстве сторон, свободе волеизъявления и экономической самостоятельности. По мнению данного автора, основополагающим вопросом в таких отношениях является определение объекта и предмета договора. Соответственно он считает, что объект трансферного договора – имущественное право на регистрацию футболиста, а предметом – его купля-продажа» [1].

Понятно, что сам спортсмен нем может выступать в качестве объекта имущественных прав и не может быть предметом трансфера, необходимо установить правовую природу передаваемых прав.

Российское законодательство, в частности Федеральный закон «О физической культуре и спорте» 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ, Трудовой кодекс РФ (ст. 348.1) и Профессиональный стандарт «Спортсмен», который был утвержден Приказом Минтруда от 28 марта 2019 г. № 194н.

«Каждый человек с рождения получает имя (фамилию, имя и отчество), которое используется для осуществления его прав и исполнения обязанностей. Для выдающихся спортсменов имя играет особую роль, выходящую за рамки обычной идентификации. Их имена становятся известны широкой аудитории по всему миру» [2, с. 175]. Это «относится к соперникам, преданным болельщикам, спонсорам, журналистам, представителям власти и многим другим. Спортсмен становится узнаваемым» [3, с. 98]. Его популярность позволяет спортивному клубу использовать его имя для продвижения спорта и увеличения доходов. Клуб может организовывать пресс-конференции, автограф-сессии, благотворительные мероприятия с участием спортсмена, привлекая болельщиков и повышая посещаемость соревнований.

В регламенте КХЛ (статья 13) существует статус хоккеистов под названием «закрепленные права». По сути, это те же самые спортивные права, о которых говорилось ранее. Это означает следующее: если у игрока, не достигшего 29 лет, заканчивается контракт с клубом, клуб имеет право предложить ему новый контракт. Игрок обязан это предложение принять и подписать новый контракт. Если же игрок отказывается от предложения и уезжает играть за границу (например, в Канаду или США), то российский клуб сохраняет права на него в России.

Таким образом, вернувшись в Россию после игры за рубежом, игрок сможет продолжить карьеру только в том клубе, который он покинул.

Из изложенного можно сделать однозначный вывод, что заключается трансферный договор не в отношении игрока как физического лица, а в отношении его прав на его участие в играх за определенный клуб. Клуб, заключающий такой договор, получает право заявить игрока за свою команду. Переход игрока из одного клуба в другой – это результат подписания трансферного договора. Профессиональный спортсмен переходит в новый клуб вместе со спортивными правами.

Теперь рассмотрим трансферные отношения в одном «из ключевых для России видов спорта – хоккее. Трансферный договор в российском хоккее – это соглашение, заключаемое между двумя профессиональными хоккейными клубами (или между профессиональным клубом и лигой/федерацией), в соответствии с регламентом соответствующей лиги/федерации, о передаче (переходе) прав на хоккейного игрока (трансфера игрока) из одного клуба в другой за определенную компенсацию (трансферную стоимость с целью предоставления игроку возможности выступать за принимающий клуб на условиях, установленных трудовым договором с принимающим клубом)» [4, с. 216].

Стороны: Два профессиональных хоккейных клуба (в некоторых случаях лига/федерация может выступать стороной).

Предмет: Передача прав на хоккейного игрока (трансфер игрока).

Основание: Регламент соответствующей лиги/федерации (например, Регламент КХЛ). Трансфер должен соответствовать правилам и процедурам, установленным лигой.

Цель: Предоставление игроку возможности выступать за принимающий клуб.

Цена: Компенсация (трансферная стоимость), которую принимающий клуб выплачивает передающему клубу.

Правовая природа: Трансферный договор не является трудовым договором. Это гражданско-правовая сделка между клубами, связанная с передачей спортивных прав на игрока.

Переход игрока в другой клуб подразумевает также расторжение (или прекращение) трудового договора с предыдущим клубом.

Содержание трансферного договора в российском хоккее, как и в любой другой юрисдикции, формируется из существенных, обычных и случайных условий, определяющих права и обязанности сторон. Поскольку в российском законодательстве отсутствует типовая форма или исчерпывающий перечень обязательных условий, содержание трансферного договора определяется практикой и регламентами хоккейных лиг (прежде всего КХЛ).

Ключевые элементы содержания трансферного договора:

- идентификация сторон: полное наименование клубов (передающего и принимающего), юридические адреса и реквизиты, информация о лицах, уполномоченных подписывать договор;

- идентификация игрока (предмет трансфера): Ф.И.О. игрока; дата рождения, гражданство, игровой номер, позиция на площадке, номер трудового договора с передающим клубом;

- предмет договора (передаваемые права): ясное указание на передачу принимающему клубу исключительных прав на игрока (трансфер игрока), указание на то, что принимающий клуб получает право заключать с игроком трудовой договор и заявлять его для участия в соревнованиях, проводимых под эгидой лиги, срок, на который передаются права (обычно срок действия трудового договора с принимающим клубом);

- трансферная стоимость (компенсация): конкретная сумма трансферной компенсации, которую принимающий клуб обязуется выплатить передающему, валюта платежа, сроки и порядок выплаты (единовременно или частями, графиком платежей, возможные условия изменения трансферной стоимости (например, в зависимости от достижений игрока);

- условия перехода игрока: дата перехода игрока в принимающий клуб, обязанность передающего клуба предоставить принимающему клубу всю необходимую информацию об игроке (медицинская карта, личное дело и т.д.), согласие игрока на переход (обычно оформляется отдельным трехсторонним соглашением или подтверждением в самом трансферном договоре);

- ответственность сторон: ответственность за нарушение условий договора (например, за несвоевременную выплату трансферной компенсации или за неправомерный отказ от передачи игрока).

Специфические проблемы трансферных договоров:

1. Квалификация трансферного договора. Что это за договор с точки зрения гражданского права? Купля-продажа прав? Передача исключительных прав? Оказание услуг? Смешанный договор? От квалификации зависит, какие нормы применять, как толковать условия, какие последствия при нарушении.

2. Предмет трансферного договора. На что именно передаются права? На самого спортсмена (недопустимо)? На его трудовой договор (спорно)? На право заявлять его на соревнования (более вероятно)? Нужна юридически корректная формулировка предмета договора.

3. Права на молодых игроков. Как регулировать трансферы молодых хоккеистов, воспитанников спортивных школ? Как обеспечить справедливую компенсацию школам за подготовку перспективных игроков? Как избежать злоупотреблений и "торговли детьми"?

4. Международные трансферы. Как применять российское право к международным трансферам? Как решать споры с иностранными клубами и агентами? Как обеспечивать соблюдение правил международных федераций (IIHF)?

5. «Серые» схемы и коррупция. Как бороться с неофициальными платежами, завышением трансферной стоимости, агентскими злоупотреблениями?

Таким образом, анализ проблем правового регулирования трансферных договоров в российском гражданском праве, должны решаться с акцентом на вопрос квалификации данного вида соглашений и определения его предмета. Ключевая проблема заключается в отсутствии единого подхода к пониманию того, что именно является предметом трансферного договора: сам спортсмен, имущественные права или же необходимо выделение особой категории «спортивных прав». Поиск ответа на этот вопрос имеет принципиальное значение для обеспечения стабильности и предсказуемости правоотношений в сфере профессионального спорта.

Список цитируемой литературы:

1. Изюрьев, С. А. Указ. соч. 2 Там же. 3 Цит. по: Гай. Институции / пер. с лат. Ф. Дадынского / под ред. В. А. Савельева, Л. Л. Кофанова. Институт частного права. Бестелесные вещи. – URL: http://www.privatelaw.ru/index.php/ru/izdatelskaya-deyatelnost/d-v-murzin-bestelesnye-veshchi. (дата обращения: 10.04.2026).

2. Дуванов, Н. Ю. Предмет договора о переходе (трансфере) профессионального футболиста / Н. Ю. Дуванов, Ю. В. Зайцев, Д. М. Сиротинина // Пробелы в российском законодательстве. – 2025. – Т. 18, № 6. – С. 174-179.

3. Алексеев, С.В. Спортивное прав: учебник для студентов вузов. / С.В. Алексеев. – Москва: Юнити-Дана, – 928 с.

4. Носков, С. Д. Трансферный контракт и договор передачи имущественного права / С. Д. Носков // Молодой ученый. – 2016. – № 17. – С. 216–218.

Наумова Л.Д., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Чуносов В.С., канд. юрид. наук

ВИДЫ ИМУЩЕСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ

Аннотация

В статье анализируется имущественное страхование как система защиты прав владения, пользования и распоряжения имуществом. Автором рассматриваются классификации видов имущественного страхования по различным основаниям, где детально рассматриваются две основных формы имущественного страхования – добровольная и обязательная. Отмечается важность внимательного изучения договорных условий, при заключении договора страхования, для развития имущественного страхового рынка в РФ.

Ключевые слова: договор имущественного страхования, имущественное страхование, страховщик, страхователь, страховой случай, классификация видов имущественного страхования.

Имущественное страхование выступает определенной системой отношений между страхователем и страховщиком, которая в свою очередь призвана защищать имущественные интересы человека и гражданина, включающие в себя троекратие таких прав как: владение, пользование и распоряжение собственным имуществом. Определенным образом данный вид страхования в своей цели преследует необходимость возмещения ущерба лицу, застраховавшего свое личное имущество, в том случае, когда произошло наступление страхового случая.

Паутова А.В. отмечает, что: «данный институт охватывает широкий спектр общественных отношений, возникающих между страхователем и страховщиком в процессе обеспечения компенсации возможных убытков» [4, с. 84].

В рамках, указанных нами выше отношений происходит перераспределение рисков от страхователя к страховщику посредством уплаты страховых премий, что создает устойчивый страховой фонд. При наступлении страхового случая, например: такого как гибель, повреждение, утрата имущества или убытки от неправомерных действий третьих лиц, страховщик обязуется возместить страхователю причиненный реальный ущерб в пределах страховой суммы. Таким образом, имущественное страхование не только минимизирует финансовые последствия непредвиденных событий, но и способствует стабильности гражданского оборота.

Необходимо учесть, что само страхование делится по формам на два вида: добровольное и обязательное. В силу общественной целесообразности обязательным является страхование, осуществляемое Законом. Существенным различием между двумя вышеназванными формами страхования выступает то, что обязательная форма возлагает на потенциального страхователя обязанность страховать, безусловно, такая обязанность на него возлагается Законом. При выборе добровольного страхования договор заключается исключительно по инициативе владельца этого самого имущества. Владельцем также определяется ряд условий, к которым вполне уверенно можно отнести страховую сумму, риски, при которых страховой случай будет считаться таковым, а также иные условия.

Система классификации имущественного страхования выстраивается по нескольким ключевым основаниям, что позволяет структурировать рынок страховых услуг. В первую очередь, разделение происходит по объектам страховой защиты, среди которых выделяют страхование рисков утраты, повреждения или недостачи конкретного имущества, а также страхование различных видов ответственности. Последняя может возникать как из внедоговорного причинения вреда, так и вследствие неисполнения ранее принятых на себя договорных обязательств. Т. С. Васильева отмечает, что: «в системе имущественного страхования обособляются категории страхования предпринимательских и финансовых рисков» [2, с. 8].

Рассматривая страхование имущества как таковое, следует отметить, что оно применимо к интересам как физических, так и юридических лиц. Стандартно к страховым рискам здесь относят утрату, порчу или недостачу застрахованного имущества. Ключевым условием здесь выступает то, что сумма возмещения не может превышать стоимость самого имущества, которая в обязательном порядке определяется до подписания страхового договора. После этого страхователю выдается страховой полис. Причиной наступления страхового случая могут выступать как целенаправленные действия, так и стихийные события, которые невозможно предвидеть.

Страховщики, как правило, отказываются страховать объекты, расположенные в зонах повышенного риска стихийных бедствий или в зонах особого контроля. Также под исключение подпадают здания, находящиеся в аварийном или ветхом состоянии, подверженные естественному разрушению. Е. А. Михайловская и Д. Д. Малышева в своем исследовании отмечали, что: «дополнительно законодательство и практика выделяют объекты, которые в принципе не подлежат имущественному страхованию, такие как рукописи, драгоценные камни и изделия, а также любые предметы, не имеющие четкого ценового выражения» [3, с. 146].

В структуре имущественного страхования значительное место занимает страхование гражданской ответственности. Суть данного вида заключается в том, что объектом защиты выступает риск ответственности самого страхователя (или иного лица) за вред, который может быть причинен жизни, здоровью или имуществу третьих лиц.

Этот сегмент занимает существенную долю страхового рынка, во многом благодаря введению обязательных видов страхования. Застрахованный вред может охватывать не только материальный ущерб имуществу, но и личный, моральный ущерб, а также вред, нанесенный окружающей среде. Данный вид страховой защиты признается особенно актуальным для жителей многоквартирных домов.

Одной из наиболее известных форм обязательного страхования ответственности является обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО). Оно обязательно для всех владельцев автомобилей в России и позволяет выплачивать компенсации в случае причинения ущерба третьим лицам в результате ДТП (дорожно-транспортного происшествия) компанию в пределах установленных законом лимитов: до 400 000 рублей за вред имуществу и до 500 000 рублей за вред здоровью каждого пострадавшего. Организации активно используют ОСАГО для защиты ответственности сотрудников, управляющих служебным транспортом. Ю. Т. Ахвледиани писала, что: «в дополнение к этому часто приобретаются полисы КАСКО, которые, в отличие от ответственности, покрывают риски хищения, угона или повреждения транспортного средства, принадлежащего компании» [1, с. 146].

Другим специфическим видом является страхование ответственности перевозчика. ОСГОП является обязательным для всех видов транспорта, который перевозит пассажиров по автомобильным, железнодорожным, водным и воздушным линиям. Однако, Князева Е. Ю. и Тимофеев С. В. подчеркивают, что: «обязательное страхование гражданской ответственности перевозчика за причинение при перевозках вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров, за исключением легкового такси». Цель ОСГОП – обеспечить максимальную защиту интересов пассажиров, которые могут столкнуться с непредвиденными обстоятельствами во время транспортировки. Страховой случай возникает в том случае, если становится доказанным, что происшествие произошло по вине перевозчика или его работников. ОСГОП является обязательным для всех перевозчиков, которые осуществляют пассажирские перевозки в России. Перевозчики обязаны заключить договор обязательного страхования гражданской ответственности перед пассажирами на каждое транспортное средство и получить полис ОСГОП.

К иным важным видам ответственности вполне можно отнести еще некоторые: экологическое страхование, которое покрывает ущерб от нега-

тивного воздействия на природу, особенно со стороны опасных производств, оно обязательно для юридических лиц, которые оказывают воздействие на окружающую среду; ответственность производителей, изготовителей и продавцов за вред, возникший из-за дефектов товаров или некачественных услуг; профессиональная ответственность, обязательная для определенных категорий специалистов, таких как нотариусы, брокеры.

В целом, классификаций видов страхования существует огромное количество, поскольку существует много оснований. Критерии классификаций могут быть разными, один из которых был отмечен нами выше, а именно по степени обязательности.

Также существует классификация по объекту защиты, здесь речь прежде всего идет о том, какое имущество будет страховаться, а именно движимое или недвижимое имущество. Страхование недвижимости помогает защитить объекты жилых и нежилых помещений, а также некоторые их составляющие, например, внутреннюю отделку помещения и имущество, находящееся в нем. При таком виде страхования можно учесть все возможные риски, и застраховать имущество в полном объеме, а можно использовать частичный вид страхования, который в своем содержании будет рассматривать лишь определенный перечень рисков. Страхование движимого имущества в свою очередь предполагает под собой защиту различных личных вещей, бытовой техники, мебели, ценных вещей.

Также в научной литературе рассматривается классификация по степени рисков. Традиционно страховые случаи подразделяют на три категории.

Во-первых, страховым случаем можно считать стихийное бедствие, к которому можно отнести пожар, потоп, ураган и иные природные катаклизмы.

Во-вторых, к страховому случаю также можно отнести непредвиденные последствия человеческой деятельности. К данным видам деятельности можно отнести ДТП, повреждение собственности, взрыв бытового газа в многоквартирном доме, прорыв отопительных или канализационных систем.

В-третьих, к страховому случаю также можно отнести и действия третьих лиц в отношении застрахованного гражданином имущества, а именно кражу или поджог.

Также существует классификация в зависимости от типа страхователя, то есть для физических лиц страхуется недвижимое имущество, движимое имущество, различные ценности, животные и т.д. В то время как для юридических лиц страхуется имущество той или иной компании, транспортных средств и иных видов рисков и потерь, которые может понести компания в случае наступления страхового случая.

Таким образом, развитие страхования в РФ является важным направлением экономического развития страны. В рамках решения задач и проблем, связанных со страхованием, крайне важно внимательно изучать условия, прописанные в договоре между сторонами страховых правоотношений. Особое внимание необходимо уделять непосредственно перечню рисков, которые отражаются в соглашении между сторонами.

Список цитируемой литературы:

1. Ахвледиани, Ю.Т. Стратегические направления развития российского страхового рынка / Ю.Т. Ахвледиани / Страховое дело. – 2019. – № 19. – С. 8-9.

2. Васильева, Т.С Теоретические аспекты имущественного страхования и проблемы его развития / Т.С. Васильева // Вопросы территориального развития. – 2019. – № 5(50). – С. 1-10.

3. Михайловская, Е.А., Малышева, Д.Д. Отдельные вопросы судебной практики, связанной с применением законодательства о страховании / Е.А. Михайловская, Д.Д. Малышева // Арбитражные споры. – 2022. – № 4. – С. 15-44.

4. Паутова, А.В. История становления страхования в России / А.В. Паутова // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2020. – № 6. – С. 85-88.

Некрасова М.А., студентка
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Чуносов В.С., канд. юр. наук, доц.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ СУЩЕСТВУЮЩИХ ПРАВОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ДЛЯ БОРЬБЫ С ИЗМЕНЕНИЕМ КЛИМАТА НА УРОВНЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СОГЛАШЕНИЙ РОССИИ С ДРУГИМИ СТРАНАМИ

Аннотация

В статье рассмотрены нормативно-правовые акты, направленные на борьбу с изменением климата, существующие на международном уровне между Российской Федерацией и другими странами, и дана оценка их эффективности.

Ключевые слова: климат; климатическая повестка; парниковый газ; Россия; международное соглашение; экономика.

Выбросы парниковых газов в мире растут стремительно. Это приводит к усилению парникового эффекта, влияющего на изменение климата. Китай, США, Индия, страны ЕС, Россия и Индонезия – крупнейшие в мире источники выбросов парниковых газов, на их долю приходился 61%.

Климатическая повестка в ближайшем будущем существенно повлияет на развитие всех стран мира. Особенно будет затронута сфера экономики. «Климатическая политика стала настолько глобальным мировым направлением прежде всего из-за сильного влияния на экономику. Значительное количество стран, где сформированы развитые экономики, дошли до определенных пределов насыщения своих потребностей как в инфраструктуре, так и в потреблении населения. Чтобы они могли нормально функционировать и обеспечивать высокие социальные стандарты, им требуются дополнительные доходы, которые могут возникнуть только в условиях сдвигов в структуре производства и цен. На фоне развития новых отраслей в экономике возникает дополнительный спрос и увеличиваются темпы роста экономики. Именно климатическая повестка приводит к таким структурным изменениям. <...> Поэтому сегодня мы находимся в стадии, когда климатическая повестка во многом начинает замещать традиционные торговые переговоры, связанные с изменением торговых пошлин».

Внутренняя адаптация к изменению климата идет в России по пути поступательного развития. Несомненно, это не приоритет для нашего государства, ведь общественное сознание так просто не переломить: главнейшая экономическая роль традиционных энергоресурсов и низкая экологическая культура населения дают о себе знать. Сосредоточение на международной климатической повестке – хорошая альтернатива для настоящего момента. Сложившаяся ситуация требует и законодательной трансформации.

Определенные международные правовые документы, направленные на борьбу с изменением климата, уже приняты. Сегодня Россия участвует в основных мировых соглашениях по климату. Это и Венская конвенция об охране озонового слоя от 22 марта 1985 года, и Монреальский протокол по разрушающим озоновый слой веществам от 16 сентября 1987 года, и Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата от 9 мая 1992 года (подписана для общей работы с последствиями антропогенного вмешательства в природу, которое и привело к тотальным климатическим проблемам), и Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата от 11 декабря 1997 года (подписан для активизации работы по снижению выбросов парниковых газов с целью приостановления глобального потепления), и Парижское соглашение от 22 апреля

2016 года (соглашение, регулирующее меры по снижению содержания углекислого газа в атмосфере с 2020 года). Существует и ряд совместных документов у нашей страны с иными странами на тему взаимодействия в деле охраны окружающей среды, недропользования и экологии, в которых упоминается и важность вопроса изменения климата. В пример я приведу Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о сотрудничестве в области охраны окружающей среды от 15 февраля 1994 года, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Испании о сотрудничестве в области охраны окружающей среды от 11 апреля 1994 года, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея о сотрудничестве в области охраны окружающей среды от 2 июня 1994 года.

Список внушительный. Но вернемся к реалиям сегодняшнего дня: после февраля 2022 года взаимодействие нашей страны с миром значительно сузилось по всем вопросам, в сфере климата и охраны окружающей среды также. Большая часть инвестиционных проектов, совместной работы по внедрению в России новых технологий и практик приостановлены, как и участие нашей страны в соглашениях и советах. Место Российской Федерации в международном сотрудничестве в сфере борьбы с изменениями климата важнейшее, ведь страна занимает внушительную площадь, а объем эмиссии того же углекислого газа у нас просто зашкаливает. Россию нельзя накрыть куполом и вычеркнуть из мировой климатической повестки, планета Земля общая для всех стран независимо от политических перипетий. Наша страна продолжает придерживаться основных вышеперечисленных соглашений и протоколов в сфере борьбы с климатическими изменениями.

«Люди конфликтуют, а планета остается. Россия проводит свою внутреннюю экологическую повестку вне зависимости от внешней политики, мы продолжаем работу по всем направлениям, которые обязались соблюдать по международным договоренностям».

Но Россия в сложившейся реальности находит и новых партнеров в сфере экологии: например, страны БРИКС (в частности, Бразилия, Индия, Китай, ЮАР). На встречах правители стран уже обсуждают модернизацию экологического законодательства и объединение для преодоления барьеров в работе с климатическими изменениями.

Важность работы с климатическими изменениями на мировой арене точно не стоит недооценивать. При этом необходимо осознавать. что «борьба с изменением климата не является исключительно общегуманитарной миссией стран, в первую очередь развитых. Контекст климатической повестки используется странами как ключевой инструмент для обеспечения собственной конкурентоспособности в тор-

говле и инвестициях, а также в качестве инструмента для обеспечения необходимыми ресурсами».

Сегодня во всем мире страны, которые занимаются адаптацией своей жизни к измененному климату, делают акцент на базисных задачах декарбонизация экономики, в частности отмена использования энергетических ресурсов, и уже постмеры по адаптации к произошедшим изменениям в климатической повестке. Лидер в мире – Европейский союз. В пример можно привести введение в странах ЕС механизма трансграничного углеродного регулирования.

Эффективность существующих международных нормативно-правовых документов, несомненно, рождает некие противоречия и предполагает оценку с элементами критики. Можно выделить несколько причин, почему их эффективность на данном этапе вызывает сомнения.

Во-первых, системная проблема: климат превратился в бизнес. «На «климатической» идее вырос новый сектор экономики, который стал достаточно значимым потребителем глобальных инвестиций. <...> В 2020 г. климатические проекты привлекли 632 млрд долл. США, что сопоставимо с годовым бюджетом такой страны, как Испания. Характерно, что источниками таких инвестиций являются не только государственные бюджеты (50,8%), но также корпорации (19,6%), банки (19,3%) и домохозяйства (8,7%)». При решении данной проблемы возможно рассмотрение варианта с введением дополнительного налога на сверхприбыль компаниям, которые работают в сфере ископаемого топлива. Или повышенного налогообложения на владельцев углеродоемких предметов роскоши вроде самолетов и яхт.

Во-вторых, слабо изученные проблематика и причины. Примечательно, но ситуация с измененным климатом до настоящего времени не может блеснуть хорошей научной базой и доказательной основой. Например, первым звонком приближающейся катастрофы большая часть экологов и общественников считают увеличение концентрации диоксида углерода в атмосфере в два раза. «Зеленые» альтернативы, которые предлагают ученые во всем мире, тоже сомнительны и плохо изучены. Солнечная и ветроэнергетика – красивый локальный эксперимент, который разваливается на практике при масштабировании и несоблюдении камерных условий. А если еще и вспомнить размеры солнечных панелей и количество аккумуляторных батарей в них, то вопрос «мусорного следа» перекроет ответ экономии электроэнергии. Или, например, электромобили: электрическая энергия для их производства и питания не может быть полностью чистой с точки зрения выбросов диоксида углерода. К слову, исследования обнаруживают, что выбросы парниковых газов увеличиваются на 0,9% при даже малейшем приросте генерации возобновляемой энергии (около 1%).

И в-третьих, недостаточность существующих нормативно-правовых актов. Во времена пандемии во многих странах мира произошли остановки основных секторов экономики. Но ожидаемого снижения выбросов парниковых газов не произошло: они сократились всего чуть более, чем на 6%. Значит, ни Киотский протокол, ни Парижское соглашение не работают так, как это планировалось при их создании.

Можно сделать заключение, что на сегодняшний день действующие нормативно-правовые акты между Россией и остальным миром в области работы с адаптацией к измененному климату не достаточно работающие, не дающие нужного эффекта как в борьбе с последствиями, так и в переходе к устойчивому развитию и в перестройке на зеленую повестку. Общественность необходимо вовлекать на всех этапах, начиная со школьной скамьи, климатической повестке важно стать всеобъемлющей и аргументированной, включающей в себя не разрозненные, ничем не связанные методы и инструменты, а четкие механизмы, стимулирование зеленых технологий и работу со всеми сферами экологии и охраны окружающей среды.

Список использованной литературы:

1. Криппа, М., Гиззарди, Д., Пагани, Ф., Баня, М., Мунтян, М., Шааф, Э., Монфорти-Феррарио, Ф., Беккер, У., Квадрелли, Р., Рискес Мартин, А., Тагави-Мохарамли, П., Кейкка, Дж., Грасси, Дж., Росси, С., Мело, Дж., Оом, Д., Бранко, А., Сан-Мигель, Дж., Манка, Дж., Пизони, Э., Виньяти, Э. и Пекар Ф. Выбросы парниковых газов во всех странах мира // Бюро публикаций Европейского союза. – Люксембург : 2024.

2. Широв, А.А. Климатическая политика – экономическое решение // Научная Россия. – Интервью: Сайт Научная Россия: научное интернет-издание. – Москва. – Обновляется в течение суток. – [Электронный ресурс]. – URL: https://scientificrussia.ru/ (дата обращения: 24.03.2026).

3. Эко-номика: Сайт РБК-тренды. – Москва. – Обновляется в течение суток. – [Электронный ресурс]. – URL: https://trends.rbc.ru/ (дата обращения: 24.03.2026).

4. Ермохин, И.С., Кучерова, Д.Э. Влияние климатической повестки на международную конкурентоспособность Российской Федерации в условиях санкций // Вестник международных организаций. – Т.19. № 4. – Москва : 2024. С. 106-123.

5. Пыжев, А.И. Климатическую повестку никто не отменял: почему это важно для российской экономики? // Всероссийский экономический журнал «Эко». – Т.52. № 7. – Новосибирск : 2022. – С. 31-50.

Несветаева Н.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ДОЛИ В НАСЛЕДСТВЕ

Аннотация

Статья посвящена исследованию актуальных проблем правового регулирования обязательной доли в наследстве как правомерное ограничение принципа свободы завещания в РФ.

Ключевые слова: наследование, завещание, обязательная доля, иждивение, правовая защита, проблемы регулирования.

Одним из ключевых элементов наследственного права, сочетающим частные интересы наследодателя и публичные интересы государства в защите социально уязвимых категорий граждан. Завещание может быть совершено гражданином, обладающим в момент его совершения дееспособностью в полном объеме. Завещатель вправе по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, любым образом определить доли наследников в наследстве, лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения, а в случаях, предусмотренных законом, включить в завещание иные распоряжения.

Несмотря на принцип свободы завещания, закрепленный в ст. 1119 Гражданского кодекса РФ от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ [1] (далее – ГК РФ), обязательная доля выступает единственным законодательным ограничением, что порождает правовые коллизии. Например, наследодатель может лишить наследства близких родственников, но закон гарантирует обязательным наследникам минимум половину их законной доли.

Таким образом, обязательная доля – это механизм социальной защиты уязвимых категорий наследников, ограничивающий свободу завещания в пользу справедливости, который установлен в современном гражданском законодательстве. Несмотря на «законодательное урегулирование данного института, в теории возникают различные правовые проблемы в этой сфере, например, возникают сложность подтверждения нетрудоспособности (например, пенсионеры, продолжающие работать). Нередко возникают сложности в ходе определения и расчета размеров обязательной доли в наследстве. В счет обязательной доли наследник может получить любое имущество, в связи с тем, что при расчете обяза-

тельной доли во внимание принимается все наследственное имуществ, как завещанное, так и не завещанное» [2, с. 284].

Сложность представляет доказывание факта иждивения, требующее не только подтверждения систематического получения материального содержания от наследодателя, но и установления того, что такая помощь являлась основным источником средств к существованию. При этом законодательно не закреплены четкие критерии оценки данного обстоятельства, что приводит к судебным разбирательствам; неясность статуса усыновленных и внебрачных детей (особенно если отцовство не установлено). Правовая неопределенность усугубляется при наличии нескольких браков и детей от разных отношений, когда требуется установление степени родства и объема наследственных прав каждого из потенциальных обязательных наследников.

Нередко возникают сложности с тем, что «в счет обязательной доли наследник может получить любое имущество, в связи с тем, что при расчете обязательной доли во внимание принимается все наследственное имуществ, как завещанное, так и не завещанное» [3, с. 104].

Основная проблема заключается в необходимости точного определения состава наследственной массы, которая включает не только имущество, имеющееся на момент смерти наследодателя, но и имущество, переданное им при жизни в рамках дарения или иных безвозмездных сделок. Это вызывает сложности при оценке реального объема наследства, подлежащего учету при исчислении обязательной доли.

Некоторые споры связаны с отказом в наследовании обязательной доли наследства в связи с отсутствием нуждаемости, как это было определено в решении Железнодорожного районного суда г. Рязани от 12 января 2025 г. по делу № 2-187/20241. Наследник по завещанию (сын) оспаривал выдел доли нетрудоспособной сестре, которая владела дорогой недвижимостью. Суд, рассмотрев все обстоятельства дела пришел к выводу, что сестра (ответчик) не нуждалась в поддержке (имела доход от сдачи жилья), а также сама не общалась с наследодателем 10 лет до его смерти. Соответственно, учитывая фактическое материальное положение ответчика и семейные обстоятельства, суд удовлетворил иск.

Важным направлением является разработка методических рекомендаций по расчету обязательной доли, учитывающих различные виды имущества, включая сложные активы и предметы профессиональной деятельности. Это позволит унифицировать судебную практику и снизить количество спорных ситуаций.

Необходимо предусмотреть специальные механизмы защиты прав обязательных наследников при наличии значительных долговых обязательств наследодателя, возможно, путем установления ограниченной ответственности по долгам в пределах стоимости полученного имущества.

По нашему мнению, нужно пересмотреть правила выделения обязательной доли в наследственной массе. Многие граждане пользуются тем, что на момент открытия наследства они были признаны нетрудоспособными, а потому претендуют на обязательную долю в наследстве, даже не нуждаясь в этом. Верховный суд не единожды отмечал, что злоупотребление своими правами в этом вопросе недопустимо, т.к. влечет нарушение интересов других лиц. Чтобы избежать разночтений, в ст. 1149 ГК РФ нужно указать, что нетрудоспособность лиц, «претендующих на обязательную долю в наследстве, нужно устанавливать на момент открытия наследства, а также по прошествии 3 лет на оспаривание наследства с учетом имущественного положения всех наследников» [4, с. 131].

Для цифровых активов и иных новых форм имущества требуется специальное регулирование, определяющее порядок их учета при формировании наследственной массы и расчете обязательной доли. Решение этих вопросов позволит сохранить баланс между защитой социально уязвимых категорий наследников и принципом свободы завещательных распоряжений.

Таким образом, совершенствование правового регулирования обязательной доли в наследстве требует комплексного подхода, направленного на устранение существующих правовых пробелов и противоречий. В качестве первоочередных мер следует рассмотреть внесение изменений в гражданское законодательство, предусматривающих четкое определение критериев нуждаемости обязательных наследников и установление объективных параметров для возможного уменьшения размера доли, а также формирования понятия «обязательной доли в наследстве».

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья: Федер. закон от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ: принят Гос. Думой 01 ноября 2001 г.: одобрен Советом Федерации 14 ноября 2001 г. [ред. от 08 августа 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.

2. Прокопьева, И. О. Проблемы реализации наследниками права на обязательную долю / И. О. Прокопьева // Молодой ученый. – 2019. – № 48 (286). – С. 284-286.

3. Липина, О. Н. Наследование обязательной доли в гражданском праве Российской Федерации / О. Н. Липина, Г. Ф. Чекмарев // Вестник Международного института экономики и права. – 2016. – № 3(24). – С. 104-107.

4. Гадоев, К. Х. Об актуальных тенденциях развития наследственного права России / К. Х. Гадоев // Молодой ученый. – 2024. – № 41(540). – С. 130-134.

Новикова В.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ФОРМЫ УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Аннотация

Статья посвящена анализу форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей с акцентом на семейные формы (опека, попечительство, усыновление, приемная семья) и на государственные/институциональные формы (детские дома, интернаты). Особое внимание уделено форме учреждения для ДОПО – школам-интернатам как специфической форме устройства, требующей отдельного правового регулирования, обеспечения качества воспитания, защиты прав ребенка, перехода к автономной жизни.

Ключевые слова: дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, форма устройства, семья, школа-интернат, опека, попечительство, усыновление, приемная семья.

Несовершеннолетние, находящиеся без поддержки родителей представляют собой особую группу, жизненная траектория которых во многом определяется выбранной формой устройства. Согласно статье 3 Федерального закона № 52-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», а также статье 1 Федерального закона № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве», эти дети требуют особого внимания государства и общества. Существующие формы устройства включают семейные формы воспитания, общегосударственные учреждения и специализированные учреждения. «К сожалению, в современном мире нередко приходится сталкиваться с ситуацией, в которой дети остаются без попечения родителей, по сути остаются без семьи. В такой ситуации огромное значение приобретают предусмотренные законом формы устройства детей на воспитание» [1, с. 39].

Усыновление (удочерение) представляет собой юридическую процедуру, влекущую за собой полную замену родителей. Этот механизм, включающий регламентированные основания для прекращения отношений, обеспечивает защиту интересов ребенка и стабильность его семейной среды.

Приемная семья, в свою очередь, является формой временного устройства. Её создание направлено на обеспечение надлежащего воспитания и эмоциональной поддержки. Деятельность таких семей со-

провождается государственным финансированием, строгими требованиями к воспитателям и контролем, что способствует успешной адаптации ребенка в социокультурной среде. Тем не менее, все семейные формы устройства сопряжены с рисками, включая нестабильность, ограниченность ресурсов, а также возможные трудности в доступе к высококачественному образованию и медицинским услугам.

Учреждения общего типа, такие как детские дома и дома ребенка предназначены для временного размещения, обеспечения базовых потребностей, охраны здоровья и организации досуга. Их структура предполагает системную организацию услуг, однако возможны ограничения в степени автономии и риск стигматизации. Специализированные учреждения, включая школы-интернаты и детские дома-интернаты, ориентированы на целенаправленное воспитание, образовательное сопровождение и профессиональную социализацию детей, которые не находятся в семейной среде. Основная задача таких учреждений состоит в формировании условий, способствующих гармоничному развитию личности, приобретению необходимых компетенций и подготовке к автономной жизни, а также в организации интеграции выпускников в общество через целевые программы профильного обучения, психологическую поддержку и социально-бытовую адаптацию. Правовые основы таких учреждений включают режим содержания, требования к кадрам, стандарты образования, лицензирование и контроль деятельности. В системе защиты они выполняют важную роль, предоставляя профильное сопровождение и доступ к специалистам (психологам, дефектологам, логопедам, медицинскому персоналу), а также обеспечивая системную поддержку в переходный период. Вместе с тем, они сталкиваются с рисками стигматизации, зависимостью от учреждения.

«Гораздо сложнее проходит адаптация к взрослой жизни именно у детдомовцев, поскольку им трудней адаптироваться в непривычных для них условиях при отсутствии поддержки, они сталкиваются со сложностями определение места жительства, профессии, рода занятия, самостоятельного обеспечения. Для оказания помощи и во избежание проблем с адаптацией лиц, которые начинают самостоятельную жизнь и не имеют поддержки родителей необходимо создание Домов Юношества [2, с. 35].

Особое место занимает определение школы-интерната как особой формы организации учебного процесса. В соответствии со статьей 27 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» школа-интернат определяется как учреждение, обеспечивающее целенаправленное воспитание, образование и социализацию детей без условий в семье, посредством структурированной среды и профессионального сопровождения. Приоритетной категорией являются дети, оставшиеся без попечения родителей, дети из семей с неполным соста-

вом, находящиеся под контролем соответствующих органов опеки и попечительств, а также дети с ограниченными возможностями, нуждающиеся в специальной образовательной и социальной поддержке.

Организационная структура школы-интерната предполагает наличие педагогического состава, психологической службы, социальных работников, медицинского персонала, а также учебных и внеучебных программ, включающих коррекционную педагогическую работу и индивидуализацию образовательных маршрутов. Внутри учреждения устанавливаются режим дня, правила поведения, обеспечиваются условия для охраны здоровья и безопасности, а также доступность инфраструктуры. Кадровая политика включает повышение квалификации персонала и обеспечение условий для эффективной работы. Преимущества данной формы заключаются в целенаправленном педагогическом сопровождении, доступе к междисциплинарной поддержке и эффективной реализации программ социальной адаптации. Однако существуют и ограничения, связанные с рисками стигматизации, зависимостью от учреждения, необходимостью системной подготовки к самостоятельной жизни и вопросами устойчивости финансирования.

Права и участие детей в жизни учреждения реализуются через механизмы их вовлечения в принятие решений, участие в школьной администрации и планировании досуга. Механизмы участия включают детские совещательные органы и участие родителей в управлении в рамках закона. Защита прав ребенка обеспечивается через антикоррупционные механизмы, процедуры подачи жалоб, доступ к правовой помощи и соблюдение этических стандартов в отношении конфиденциальности и охраны здоровья.

Финансирование деятельности школы-интерната осуществляется за счет государственных средств, региональных субвенций, целевых программ, грантов и частичного финансирования.

Контроль качества в сфере устройства детей-сирот обеспечивается посредством государственного надзора, сертификации, аудита и мониторинга результатов образовательной и социальной деятельности. Эффективная система устройства детей-сирот базируется на следующих принципах: индивидуализация: выбор формы устройства (включая возможность их сочетания) определяется личными потребностями и жизненной ситуацией ребёнка; гибкость правового регулирования: законодательство должно обеспечивать возможность перевода детей между формами устройства в соответствии с изменением их потребностей; приоритет семейного устройства: государственная политика направлена на баланс между защитой прав ребёнка, развитием его самостоятельности и минимизацией стигматизации; комплексное постинтернатное сопровождение: необходимо обеспечить практическую подготовку (про-

фессиональное обучение, бытовые навыки) и мощную поддержку после выпуска (обеспечение жильём, содействие в трудоустройстве, психологическая помощь); специальный статус школы-интерната: данная форма устройства требует отдельного нормативного регулирования для обеспечения комплексной защиты прав и интересов воспитанников.

Главным критерием эффективности любой модели является качество её реализации, безусловное соблюдение прав ребёнка и способность системы к адаптации перед лицом новых вызовов.

Список цитируемой литературы:

1. Лаврова, С.В., Филиппова, Д.А. Детская деревня – особая форма устройства детей в семью / С.В. Лаврова, Д.А. Филиппова // Духовно-нравственные ценности как основа технологического суверенитета России: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции (г. Липецк, 24 апреля 2024 г.) / под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Е.А. Гончаровой. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. – С. 39-43.

2. Лаврова, С.В, Дом юношества как особая форма социализации выпускников детских домов / С.В. Лаврова // Духовно-нравственные ценности как основа технологического суверенитета России: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции (г. Липецк, 24 апреля 2024 г.) / под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Е.А. Гончаровой. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. – С. 34-38.

Озерова А.С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ СПОСОБОВ САМОЗАЩИТЫ КАК ПРИЧИНА ОШИБОЧНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ГРАЖДАН

Аннотация

В статье рассматривается проблема правовой неопределённости института самозащиты гражданских прав, закреплённого в статьях 12 и 14 Гражданского кодекса РФ. Анализируется судебная практика и доктринальные подходы, показывающие, что отсутствие чётких законодательных ориентиров создаёт для добросовестного защищающегося риски переквалификации его действий в самоуправство (ст. 330 УК

РФ, ст. 19.1 КоАП РФ). Обосновывается необходимость законодательной конкретизации принципа соразмерности применительно к отдельным правоотношениям.

Ключевые слова: самозащита, самоуправство, соразмерность, способы самозащиты, правовая неопределённость, пределы самозащиты.

Конституция Российской федерации в ч. 2 ст. 45 провозглашает, что: «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». Важное место среди способов реализации данного положения в гражданском праве занимает институт самозащиты гражданских прав. Его правовое значение прямо закрепляется в ст. 12 и ст. 14 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ст. 12 ГК РФ называет самозащиту одним из способов защиты гражданских прав. Ст. 14 ГК РФ в свою очередь устанавливает 2 критерия ее правомерного применения. Самозащита должна быть соразмерна нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения.

Исходя из такой формулировки, можно сделать вывод, что законодатель предоставляет субъектам гражданского права широкую возможность выбора мер предотвращения нарушения своих прав и их защиты от уже наступившего. Однако именно эта свобода выбора и предоставляет наибольшие трудности для правоприменителя, что отражается в следующих аспектах.

Во-первых, как справедливо отмечает С.В. Лаврова, гражданское законодательство «терминологически не раскрывает содержание защиты, не называет формы её осуществления. То же можно сказать и по поводу самозащиты» [7, с. 3].

Особенно показательно, что даже прямо предусмотренные ГК РФ способы защиты нередко становятся предметом судебных споров о том, выходят ли они за рамки допустимой самозащиты. Так, по одному из дел Общество в одностороннем порядке отказалось от исполнения договора поставки и взыскало стоимость некачественного товара в судебном порядке. В целях получения удовлетворения, взысканного по решению суда, Общество удерживало часть товара. В последующем суды, рассматривая спор о возврате удерживаемого товара, указали, что такие действия Общества выходят за рамки допустимой самозащиты гражданских прав [7, с. 9]. Данный пример примечателен тем, что удержание имущества должника прямо допускается статьей 359 ГК РФ как способ обеспечения исполнения обязательств. Тем не менее суд, применяя общую норму о соразмерности (ст. 14 ГК), признал эти действия неправомерными.

Отсутствие четких законодательных критериев создает ситуацию, в которой гражданин, защищающий свои права, действует, не зная юридического результата своих «шагов», а суд получает право широко оценивать правомерность таких действий. Как обоснованно указывает С.И. Лебедев, цитируемый в работе С.В. Лавровой, «отсутствие перечня способов самозащиты права создаёт трудности в определении пределов её реализации» [8, с. 2–3]. На практике это приводит к тому, что гражданин, пресекающий противоправное посягательство или восстанавливающий нарушенное право, вынужден действовать, не имея возможности заранее быть уверенным, признает ли суд, избранный им способ законным.

При этом важно понимать, что создание закрытого перечня способов самозащиты в принципе вряд ли возможно. Е.М. Пасынкова и И.Е. Переберина отмечают, что «предусмотреть закрытый перечень способов самозащиты невозможно, так как каждый субъект вправе использовать такие меры. Соответственно, создать отдельный перечень для каждых субъектов или же создать дополнительные нормативно-правовые акты, в которых будет содержаться такая информация для отдельных субъектов, будет проблематично, а также это чрезмерно "нагрузит" нормативно-правовую базу Российской Федерации» [9, с. 6–7]. Действительно, создание отдельного перечня способов самозащиты будет проблематично, это связано, как с множеством субъектов гражданских прав, так и множеством правоотношений, в которых они могут участвовать, ведь это порождает огромное количество индивидуальных ситуаций, к разрешению которых требуется персонализированный подход.

Следующая проблема связана с критерием соразмерности. Закон требует, чтобы способ самозащиты был соразмерен нарушению, но не даёт никаких объективных показателей для измерения этой соразмерности. Как справедливо отмечают Е.М. Пасынкова и И.Е. Переберина, «критерии могут пониматься субъективно каждым лицом», а «определить реальную соразмерность нарушению объективно довольно сложно, в результате чего споры о законности применения самозащиты становятся предметом рассмотрения в судах» [9, с. 3]. Иными словами, соразмерность – это оценочная категория, содержание которой раскрывается не в законе, а в правоприменительной практике, причём каждый раз заново, применительно к конкретным обстоятельствам дела.

Кроме того, оценка соразмерности производится судом уже после применения действий по самозащите, в спокойной обстановке судебного заседания, тогда как защищающийся действует в состоянии стресса, при реальной или мнимой угрозе. Субъективное восприятие

опасности и объективный анализ суда почти всегда расходятся. В результате даже адекватные, по мнению гражданина, действия могут быть признаны судом чрезмерными, а сам защищавшийся может быть привлечён к ответственности.

Сложность оценки соразмерности усугубляется тем, что даже допустимые способы самозащиты, разъясненные Верховным Судом РФ, требуют оценки их правомерности в каждом конкретном случае. В пункте 10 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 указано, что «по смыслу статей 1 и 14 ГК РФ самозащита гражданских прав может выражаться, в том числе, в воздействии лица на свое собственное или находящееся в его законном владении имущество. Самозащита может заключаться также в воздействии на имущество правонарушителя, в том случае если она обладает признаками необходимой обороны (статья 1066 ГК РФ) или совершена в состоянии крайней необходимости (статья 1067 ГК РФ)».

Однако само по себе воздействие на имущество, будучи формально допустимым, не гарантирует правомерности действий. Оно должно быть соразмерным и совершенным в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости, что также является оценочными категориями.

Именно из-за размытости критериев соразмерности и отсутствия закрытого перечня действий, признаваемых самозащитой, возникает реальная угроза переквалификации действий защищающегося в состав административного или уголовного правонарушения. Наиболее ярко это проявляется в институте самоуправства.

Статья 19.1 КоАП РФ и ст. 330 УК РФ устанавливают ответственность за самоуправство, то есть за самовольное осуществление своего действительного или предполагаемого права вопреки установленному порядку, если такое действие не причинило существенного вреда, в случае административного правонарушения, либо причинило существенный вред, в случае преступления. Как подчёркивает М.Ю. Барышников, «под самоуправством понимается злоупотребление правом на самозащиту. В целом действия, которые могут считаться фактически самозащитой, в юридическом смысле будут определяться уже как самоуправство» [6, с. 2]. Так, субъективная уверенность гражданина в правомерности своих действий не имеет решающего значения, всё зависит от того, как эти действия оценит суд.

Проблема усугубляется тем, что состав самоуправства в ст. 330 УК содержит такой признак, как «правомерность которого оспаривается». Это означает, что если потерпевший или иное заинтересованное лицо заявит о незаконности действий защищавшегося, то последний автоматически попадает под подозрение в самоуправстве, даже если

он действовал в полном соответствии со своим внутренним убеждением о правомерности защиты, и вынужден будет доказывать свою невиновность.

В итоге гражданин, пытающийся защитить своё право, рискует сам стать обвиняемым. Как справедливо резюмирует М.Ю. Барышников, «в силу отсутствия соответствующих положений в нормативных правовых актах, регулирующих вопросы самозащиты, её пределов и самоуправства, в настоящее время оценка соразмерности и допустимость определённых действий в качестве самозащиты в большей степени относится к компетенции судебных и правоохранительных органов. Отсутствие единого подхода обуславливает субъективный подход в процессе принятия решений» [6, с. 3].

Подводя итоги, стоит отметить, что субъективный подход имеет свои плюсы, он способствует более полному рассмотрению дела, с учетом всех обстоятельств, однако в данной ситуации можно сказать, что ограничиваться только им будет неправильно. Как минимум, защищающаяся сторона должно точно знать, что в момент самозащиты ее действия носят правомерный характер, а не оставлять их оценку на усмотрение судом. Ведь если человек не уверен в исходе своих действий и не может их трактовать, как самозащиту, то, в таком случае теряется сам смысл правового явления «самозащиты», как способа защиты гражданских прав.

Выход из сложившейся ситуации видится не в создании исчерпывающего перечня способов самозащиты, что, исходя из вышеперечисленного объективно невозможно, а в законодательной конкретизации принципа соразмерности применительно к типичным определенным ситуациям. Как предлагает Н.В. Южанин, необходимо расширить содержание ст. 14 ГК РФ, включив в неё конкретные допустимые меры реализации самозащиты в договорных и внедоговорных правоотношениях, а также конкретизировать принцип соразмерности для отдельных односторонних правозащитных мер [10, с. 2]. Только тогда самозащита станет реально действующим механизмом охраны нарушенных прав, а не действием, которое может стать противоправным.

Проблема заключается не в том, что люди совершают действия противоправного характера, а в том, что совершают они их за непониманием того, что является в той или иной ситуации правомерным способом самозащиты.

Список цитируемой литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. – URL:

https://www.consultant.ru (дата обращения 19.03.2026). – Режим доступа: Консультант Плюс [справ.-правовая система], свобод. из локал. сети Липецкого фил. РАНХиГС.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51 ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.

4. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 9 апреля 2026 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №25. – Ст. 2954. – Текст: непосредственный.

5. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 декабря 2001 г. : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г. : [ред. от 10 июня 2026 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 1. – Текст: непосредственный.

6. Барышников М.Ю. Самоуправство как превышение пределов самозащиты в гражданском праве / М.Ю. Барышников // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 12-1. – С. 21-24.

7. Лаврова, С.В. О формах защиты и самозащиты гражданских прав / С.В. Лаврова // Юридическая наука. – 2017. – №6. – С. 113-119.

8. Лаврова, С.В. Самозащита гражданских прав и приделы ее осуществления. / С.В. Лаврова // Современные тенденции развития России: путь к эффективности: материалы XI Международной заочной научно-практической конференции (20 апреля 2017 г.) г. Липецк Елец: ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И А. Бунина», 2017. – С. 310-315.

9. Пасынкова, Е.М. Пределы осуществления самозащиты прав / Е.М. Пасынкова, И.Е. Переберина // E-Scio. – 2022. – №12 (75). – 8 с.

10. Южанин Н.В. Соразмерность самозащиты в гражданском праве / Н.В. Южанин // Юридическая наука. – 2023. – № 2. – С. 36-40.

Паршевникова Е.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

УЧЕТ МНЕНИЯ РЕБЕНКА В СЕМЕЙНЫХ СПОРАХ: ПРАВОВЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация

В статье анализируются правовые основания учета мнения ребенка при разрешении семейных споров. На основании судебной практики выявляются проблемы применения ст. 57 Семейного кодекса и предлагаются пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: мнение ребенка, семейные споры, Семейный кодекс РФ, интересы ребенка, опрос несовершеннолетнего, органы опеки и попечительства.

Право ребенка на выражение собственного мнения при решении вопросов, затрагивающих его интересы, является одним из основополагающих личных неимущественных прав несовершеннолетнего. В сфере семейных споров, связанных с воспитанием детей, определением места жительства ребенка или порядка общения с отдельно проживающим родителем, учет позиции ребенка приобретает особое значение. Однако анализ судебной практики показывает, что реализация данного права сопряжена с рядом правовых и практических проблем.

На международном уровне право ребенка на выражение мнения закреплено в статье 12 Конвенции ООН о правах ребенка, согласно которой ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, обеспечивается право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с его возрастом и зрелостью [3].

В рамках российского законодательства право ребенка на учет его мнения закреплен статьей 57 Семейного кодекса. Данная статья устанавливает право ребенка выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Мнение ребенка, достигшего возраста десяти лет, должно обязательно учитываться, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. Необходимо отметить, что в рамках судебного разбирательства суд может отклоняться от мнения ребенка в целях защиты его интересов. Исключением являются перечисленные в статье 57 СК РФ случаи, при которых суд и органы опеки и попечительства

могут принять решение только с согласия ребенка, достигшего десятилетнего возраста [6].

Несмотря на широкое применение данной статьи на практике, выявляется несколько проблем и вопросов, требующих законодательного разрешения. Первый вопрос, обсуждаемый учеными-юристами – вопрос возрастного ценза.

Мнение юристов в данном вопросе разнится: кто-то предлагает снизить возрастной порог [1, с. 74]. Данная позиция в частности подкрепляется п.4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 N 44, который устанавливает, что, если суд придет к выводу о том, что ребенок младше десяти лет способен сформулировать свои взгляды по вопросам, затрагивающим его права, он может быть опрошен судом непосредственно в судебном заседании в целях выяснения его мнения по рассматриваемому вопросу [4].

А кто-то, наоборот, считает необходимым увеличить порог возраста, с которого мнение ребенка может учитываться и заслушиваться в суде, поскольку в данном возрасте детям свойственно перенимать позицию одного из родителя, что может в итоге повлиять на судебное решение [2].

Законодатель же считает, что ребенок, достигший десяти лет, обладает достаточным уровнем психологического развития и эмоционального интеллекта, чтобы объективно оценить семейный конфликт и сложить свое собственное мнение о том или ином вопросе.

На основании вышесказанного выдвигается предложение о законодательном закреплении обязательного проведения судебно-психологической экспертизы ребенка, не достигшего четырнадцати лет, при рассмотрении любого семейного спора, требующего его мнения. Данная норма обеспечит максимальную защиту интересов ребенка, а также позволит исключить возможность психологического давления на него.

Следующая проблема, требующая решения – отсутствие единой методики установления мнения ребенка органами опеки. На практике это приводит к тому, что два разных управления социальной защиты по одному и тому же семейному спору дают противоположные заключения. Показательным в этом отношении является дело, рассмотренное Химкинским городским судом [5].

При рассмотрении семейного спора между супругами о месте жительства их 10-летней дочери было привлечено два Окружного управления социального развития (№20 и №22), которые представили противоположные заключения: №20 рекомендовало оставить ребенка с матерью, №22 – учесть мнение девочки, которая хотела жить с отцом. Суд категорически отнесся к заключению управления №20, поскольку

оно противоречило интересам ребенка, и вынес решение, соответствующее мнению ребенка.

Для решения вышеуказанной проблемы предлагается разработка и закрепление на федеральном уровне единой методики опроса ребенка для органов опеки. Кроме того, для повышения эффективности защиты законных интересов ребенка представляется целесообразным обеспечение повышения квалификации для специалистов органов опеки.

Подводя итог, необходимо отметить, что институт учета мнения ребенка при разрешении семейных споров имеет высокое значение и широко применяется на практике. Охрана детства является приоритетом Российской Федерации, именно поэтому критически важно исключить все возможные проблемы в этой сфере. Основным предложением по улучшению данного института является введение обязательной процедуры судебно-психологической экспертизы для малолетних. Кроме того, в целях обеспечения единства деятельности органов опеки и попечительства предлагается разработка единой методики опроса ребенка.

Список цитируемой литературы

1. Велиева, Ф.З. Мнение ребенка при рассмотрении гражданских дел / Ф.З. Велиева // Закон и право : науч. журнал : элект. версия. – 2021. – № 5. – С. 73-74. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mnenie-rebenka-pri-rassmotrenii-grazhdanskih-del (дата обращения: 07.04.2026). – Режим доступа: доступно без регистрации.

2. Ильина, О.Ю. Некоторые психолого-юридические вопросы обязательного учета мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, при рассмотрении судами споров о его воспитании / О.Ю. Ильина, О.А. Русаковская, Л.В. Туманова, О.Е. Чубарова // Психология и право : науч. журнал : элект. версия. – 2022. – Т. 12. – № 3. – С. 27-38. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2022_n3/Ilyina_et_al (дата обращения: 07.04.2026). – Режим доступа: доступно без регистрации.

3. Конвенция о правах ребенка : (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.). – Текст : электронный // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/convention-on-the-rights-of-the-child (дата обращения: 07.04.2026).

4. О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283421/ (дата обращения: 07.04.2026). – Режим доступа: доступно без регистрации.

5. Решение № 2-5878/2025 по делу № 2-5878/2025 / Химкинский городской суд <адрес> ; [принято 27 октября 2025 г.]. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/O66Bquoi9coW/ (дата обращения: 07.04.2026). – Режим доступа: доступно без регистрации.

6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 57.

Пасечник К.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Дорыданова И.В., преподаватель

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АУДИТОРСКИХ УСЛУГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в условиях стремительного научного и цифрового прогресса правовое регулирование аудиторской деятельности значительно изменилось. В данной статье рассмотрены актуальные проблемы действующего законодательства. Представлены пути решения данных проблем.

Ключевые слова: аудит, аудиторская деятельность, законодательство, контроль, СРО.

Правовое регулирование аудиторской деятельности в РФ за последние годы существенно ужесточилось и диверсифицировалось. С одной стороны, это направлено на повышение качества и независимости аудита, а с другой – породило новые проблемы и вызовы. Одной из ключевых тенденций является усиление государственного надзора и ограничения выбора аудиторов. Так, в соответствии со статьей 5.1 ФЗ № 307-ФЗ определено, какие организации признаются «общественно значимыми», и установлено, что аудиторы таких компаний должны включаться в специальные реестры. Правительство РФ потребовало, чтобы договоры на обязательный аудит заключались по итогам открытого конкурса (не реже чем раз в пять лет). Эти меры призваны повысить прозрачность и конкурентоспособность выбора аудиторов, однако

на практике они усложняют процедуру закупки аудиторских услуг и создают дополнительные бюрократические барьеры для заказчиков.

Нарастающая политическая изоляция России также сказалась на правовом регулировании аудита. В частности, с декабря 2024 года введён запрет на пользование аудиторскими и консультационными услугами российских компаний с иностранным контролем при государственных и корпоративных закупках. Это означает, что фирмы, контроль над которыми имеют иностранные лица, более не могут участвовать в таких тендерах [2]. С одной стороны, такое ограничение обеспечивает безопасность господдерживаемого сектора экономики и стимулирует развитие отечественных аудиторских организаций. С другой стороны, оно сужает число доступных аудиторских фирм и может привести к росту цен на услуги при уменьшении конкуренции. Таким образом, новые ограничения на иностранных участников рынка – это важная актуальная проблема регулирования аудита в России.

К проблемам регулирующего режима можно отнести и несоответствие российского законодательства международным стандартам аудита. Хотя в Федеральном Законе «Об аудиторской деятельности» декларируется соответствие стандартам аудиторской деятельности и реестр СРО обязан внедрять методы контроля качества, на практике наблюдается разрыв между принципами международных стандартов и отечественными нормами. Это касается, например, управления качеством в аудиторских организациях: аудиторы должны выстраивать систему внутреннего контроля, руководствуясь Рекомендациями по международным стандартам качества, но отсутствие достаточной статистики нарушений или реальных аудиторских скандалов не всегда позволяет оценить эффективность этих мер.

Кроме того, отчёт аудитора остаётся, по сути, гражданско-правовым документом (договорной результат), что порождает коллизию с публично-правовыми задачами аудита. Конституционный Суд России в решении № 4-П (2003) подчеркнул двойственный характер аудита: это и частноправовой независимый контроль, и средство обеспечения публично-значимых целей [1]. На уровне законодательства эта двойственность отражается лишь частично – через обязательное применение правоприменительных норм (ответственность за искажение отчетности, нормирование процедур), однако возникающие противоречия не всегда решаются однозначно. Согласно статье 10 ФЗ №307-ФЗ при обнаружении признаков коррупции у клиента сам аудитор может провести проверку, однако не понятно кто должен быть инициатором данной проверки, аудитор или контролирующий государственный орган в рамках внешнего контроля по статье 11 ФЗ №307-ФЗ. Исходя из статей 10, 11 ФЗ №307-ФЗ аудиторские организации обязаны встраивать

у себя систему внутреннего контроля качества и проходить внешний контроль, т. е. внешнюю проверку деятельности. На практике внешний надзор за аудиторами осуществляется самими СРО, что как отмечено в Концепции развития аудиторской деятельности в РФ до 2024 г. превращается в формальность. В Концепции подчёркивается, что внешние проверки аудита зачастую формальные и малопрозрачные, а сами СРО «решают главным образом узкие корпоративные вопросы, не имеющие общественного значения» [3]. Таким образом, эффективность контрольных и надзорных механизмов аудита нуждается во внимании со стороны нормотворцов.

Не менее серьезной проблемой является саморегулирование аудиторов. По закону, все аудиторские организации обязаны быть членами СРО (лицензирование отменено). Деятельность СРО подверглась критике в указанной мной ранее Концепции развития аудита от 31 декабря 2020 г. из-за низкого уровня участия членов в работе организаций, слабой системы корпоративного управления внутри СРО, ограниченности полномочий СРО, а также недостатка ресурсов для методической поддержки членов СРО. Отмечается, что СРО недостаточно контролирует своих участников, а также неумело регулирует конфликты интересов. Для решения данной проблемы Министерство Финансов прямо отмечают, что объединение аудиторских организаций, например, путем создания единой всероссийской СРО, является одним из приоритетов «консолидации аудиторской профессии» [4].

Другой проблемой, которая также отмечается в Концепции, является отсутствие квалифицированных кадров. Существуют программы повышения квалификации аудиторов, но по своей природе они носят скорее формальный характер, так как нет должного количества квалифицированных преподавателей, которые могли бы проводить данные курсы повышения квалификации и обучения аудиторов. По мимо этого нет единых стандартов подготовки специалистов, отвечающей современным требованиям к компетенции аудиторов. Данная проблема требует внимания со стороны законодателя. В связи с вышесказанным падает престиж данной профессии среди «молодых кадров», так как представление о профессии размыто. Из этого вытекает и проблема ответственности за недобросовестное поведение аудиторов на рынке услуг, стандарты подготовки специалистов отсутствуют и потому проблематично проводить контроль, как внешний, так и внутренний.

В отчете об исполнении Концепции развития аудиторской деятельности, указанно о принятии следующих мер для решения проблемы подготовки кадров и повышения престижа профессии: реализована новая модель квалификационного экзамена; пересмотрена система непрерывного повышения квалификации аудиторов применительно к

современным требованиям к их компетенциям. [4]. Помимо этого, был осуществлен переход к новой модели контроля за аудиторской деятельностью. В рамках этого перехода внешний контроль теперь осуществляет Казначейство России совместно с Банком России, которым ведутся реестры аудиторских организаций. Несмотря на это актуальной остается проблема разграничения полномочий органов внешнего контроля в лице Казначейства и Банка России и органа внутреннего контроля СРО. При этом дублирование контрольных функций было устранено.

Список использованной литературы:

1. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 1 марта 2003 г. №4-П. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 05.05.2026). – Режим доступа: КонсультантПлюс : [справ.-правовая система], свобод. из локал. сети Липецкого фил. РАНХиГС.

2. О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: постановление Правительства РФ от 23 декабря 2024 №1875 // Сборник законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 52. – Ст. 9876.

3. Об утверждении Концепции развития аудиторской деятельности в Российской Федерации до 2024 года: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 31 декабря 2020 г. №3709-р // Сборник законодательства Российской Федерации. – 2021. – №2(ч. II). – Ст. 472.

4. Отчет об исполнении Концепции развития аудиторской деятельности в Российской Федерации до 2024 года // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. – URL: minfin.gov.ru (дата обращения: 12.05.2026).

Перегудов И.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АЛИМЕНТНОГО СОГЛАШЕНИЯ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

В статье анализируется правовая природа и правоприменительные проблемы соглашения об уплате алиментов в Российской Федерации. Рассматриваются коллизии между Семейным и Гражданским кодексами РФ, выявляются недостатки нотариального удостоверения и принудительного исполнения алиментных соглашений. Особое внимание уделяется защите прав получателя алиментов, судебной практике оспаривания соглашений, а также проблеме информирования сторон. На основе анализа научных источников и правоприменительной практики предлагаются направления совершенствования законодательства, включая введение минимального размера алиментного платежа, усиление механизмов принудительного исполнения, создание реестра алиментных соглашений и введение обязательной психологической консультации.

Ключевые слова: алиментное соглашение; уплата алиментов; Семейный кодекс; нотариальное удостоверение; защита прав ребенка; принудительное исполнение; изменение соглашения.

Актуальность темы связана с тем, что добровольный порядок уплаты алиментов через соглашение на практике нередко оказывается менее эффективным, чем судебное взыскание. Хотя законодатель отдаёт приоритет соглашению сторон, механизмы защиты прав ребёнка в рамках этой процедуры остаются несовершенными. Как справедливо замечает Д.В. Шинкарюк: «любая форма устройства ребёнка, включая алиментные обязательства, должна в первую очередь отвечать его интересам» [1, с. 116]. Однако на деле соглашение между родителями способно ущемить права несовершеннолетнего сильнее, чем отсутствие всякого соглашения. Правовую основу регулирования составляют Семейный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ (в части сделок и обязательств), Федеральный закон «Об исполнительном производстве» и Основы законодательства РФ о нотариате.

Центральное место в системе добровольной уплаты алиментов занимает нотариально удостоверенное соглашение. Закон придаёт ему

силу исполнительного листа (п. 2 ст. 100 СК РФ). Однако на практике возникает несколько системных проблем.

Первая проблема касается правовой природы алиментного соглашения. С одной стороны, это гражданско-правовая сделка, с другой – она регулируется в первую очередь семейным законодательством. Суды часто применяют к таким соглашениям положения ГК РФ о свободе договора (ст. 421 ГК РФ). В результате стороны могут предусмотреть размер алиментов ниже того, который был бы взыскан в судебном порядке (например, ниже долей от заработка, установленных ст. 81 СК РФ). Суды, руководствуясь принципом диспозитивности, как правило, не оспаривают условия соглашения, даже если они заметно ухудшают положение ребёнка. Возникает парадокс: инструмент, призванный улучшить положение ребёнка по сравнению с судебным решением, на практике может его ухудшить.

Вторая проблема – отсутствие законодательно закреплённого минимального размера алиментного платежа в соглашении. Пункт 2 статьи 103 СК РФ требует лишь, чтобы этот размер был не ниже того, что установлен судебным порядком. На деле это требование либо формально декларируется, либо размер платежа (например, в твёрдой денежной сумме) оказывается минимальным и не покрывает базовых потребностей ребёнка. Как пишет Васильева Ю.В., «ограничение социальной поддержки одними лишь выплатами представляется недопустимым, поскольку нарушает социальный баланс» [2, с. 7]. То же самое верно для алиментов: формальное соблюдение норм не должно подменять реальную защиту интересов ребёнка.

Третья проблема связана с механизмом изменения и расторжения соглашения. Согласно ст. 101 СК РФ, это возможно по взаимному согласию сторон либо в судебном порядке по требованию одной из сторон. Однако закон и судебная практика не выработали чётких критериев, когда изменение условий допустимо. Плательщик, ссылаясь на ухудшение материального положения, может инициировать длительное судебное разбирательство. Всё это время ребёнок получает алименты в прежнем (часто заниженном) размере или не получает их вовсе.

Четвёртая проблема – баланс интересов сторон и судебная практика оспаривания. Немало споров возникает из-за несправедливые условия, заключённых под влиянием заблуждения, обмана или стечения тяжёлых обстоятельств. Получатель алиментов (как правило, родитель, с которым живёт ребёнок) подчас вынужден соглашаться на заведомо невыгодные условия из-за давления, шантажа или угроз со стороны плательщика. С другой стороны, сам плательщик, подписавший соглашение в период высоких доходов, впоследствии нередко обращается в суд с требованием изменить условия, ссылаясь на ухудшение финансового

положения. Судебная практика здесь противоречива. Одни суды применяют по аналогии нормы ГК РФ о кабальных сделках (ст. 179 ГК РФ) и признают алиментное соглашение недействительным полностью или в части. Другие отказывают в иске, ссылаясь на отсутствие в СК РФ прямого указания на возможность применения этих норм. Гончарова Е.А. констатирует: «единообразие судебной практики в этой сфере отсутствует, что порождает правовую неопределённость и множественные судебные разбирательства» [3, с. 26].

Пятая проблема – доступ к информации и нотариусу. Для заключения соглашения сторонам необходимо разобраться в правовых последствиях, понять разницу между долями и твёрдой денежной суммой, учесть инфляцию и возможное изменение доходов. Многие родители делают это впервые и не имеют юридического образования. Нотариус обязан разъяснить права и последствия, но на практике его разъяснения сводятся к формальной проверке дееспособности и отсутствии явных противоречий закону. Глубокого анализа долгосрочной справедливости условий не происходит. Кроме того, стоимость нотариальных услуг (в среднем 5–10 тысяч рублей) для семей с низким доходом может стать серьёзным барьером. В результате люди либо отказываются от соглашения в пользу суда, либо заключают его без нотариуса (что лишает его силы исполнительного листа), либо идут к нотариусу неподготовленными и соглашаются на любые условия, лишь бы «закрыть вопрос». Как показывает практика, значительная часть соглашений, которые впоследствии оспариваются в суде, была заключена именно без предварительной юридической консультации сторон. По наблюдению Гончаровой Е.А., «отсутствие у сторон полного представления о правовых последствиях соглашения на этапе его подписания влечёт за собой увеличение количества судебных споров» [3, с. 27].

Шестая проблема – принудительное исполнение. Нотариально удостоверенное соглашение имеет силу исполнительного листа, однако на практике оно сталкивается с теми же трудностями, что и судебный приказ: длительные сроки, невозможность взыскания при отсутствии у плательщика официального дохода, необходимость розыска должника. Как подчёркивают Устинов А.Н. и Якимова Е.М. применительно к жилищным правам сирот, «нерешённость проблемы становится фактором социальной напряжённости и высокого уровня преступности» [4, с. 41]. В случае с алиментами ситуация не лучше: ребёнок и его родитель-опекун могут годами не получать причитающихся средств.

Возможным решением перечисленных проблем могло бы стать законодательное закрепление обязательного минимального размера алиментного платежа в соглашении. Он должен быть не ниже того, что был бы взыскан судом в долях к заработку (ст. 81 СК РФ) или в твёр-

дой денежной сумме, исходя из регионального прожиточного минимума на ребёнка. Одновременно стоит усилить контроль нотариуса при удостоверении соглашения: проверять не только формальное соответствие закону, но и реальное соответствие размера алиментов интересам ребёнка, а также выяснять, не заключено ли соглашение под влиянием обмана или тяжёлых обстоятельств.

Перспективным решением выглядит создание реестра алиментных соглашений (по аналогии с реестром нотариальных действий). Такой реестр позволил бы отслеживать факты заключения и изменения соглашений, контролировать их исполнение, а также выявлять недобросовестных плательщиков, которые заключают множественные соглашения на заведомо невыгодных для детей условиях. Дополнительно можно рассмотреть введение типовой формы соглашения с обязательными разделами, которую стороны заполняют под руководством нотариуса – это снизило бы риск упустить важные условия.

Для решения проблемы информирования и доступа к нотариусу предлагается создание бесплатных консультационных пунктов при МФЦ или центрах социальной защиты. Родители получают в них первичную консультацию о правовых последствиях соглашения, примерных размерах алиментов и стоимости нотариальных действий. Дополнительно следует закрепить в Основах законодательства о нотариате обязанность нотариуса не ограничиваться формальным разъяснением прав, а предупреждать стороны о рисках заведомо несправедливых условий в письменной форме под подпись. Такая мера не устраняет несправедливость автоматически, но создаёт для сторон дополнительный барьер перед подписанием заведомо ущемляющего интересы ребёнка соглашения.

Психологическая составляющая требует отдельного регулирования. Введение обязательной консультации психолога перед удостоверением алиментного соглашения (по аналогии с процедурой при расторжении брака в судебном порядке) позволило бы снизить риск заключения несправедливых условий под давлением или в состоянии стресса. Психолог в данном случае выступает не как терапевт, а как лицо, фиксирующее наличие или отсутствие признаков неравенства переговорных позиций. Петрова Н.В. отмечает, что «психологический аспект семейно-правовых соглашений практически выпадает из правового регулирования» [5, с. 58], тогда как именно он «часто определяет реальную, а не формальную справедливость условий». Внедрение такой процедуры возможно с использованием существующей инфраструктуры центров социального обслуживания или МФЦ без немедленного создания новых дорогостоящих структур.

Институт алиментного соглашения в России формально содержит все необходимые элементы: договорную основу, нотариальное удосто-

верение, механизм принудительного исполнения. Однако фактическая эффективность этого института остаётся низкой. Требуют устранения коллизии между ГК РФ и СК РФ в части применимости общих положений о свободе договора к алиментным соглашениям. Необходимо введение минимального размера алиментного платежа в соглашении, сопоставимого с размером, присуждаемым судом. Контроль нотариуса следует усилить, обязав его проверять не только форму, но и отсутствие явного ущемления интересов ребёнка. Создание реестра алиментных соглашений позволило бы отслеживать недобросовестных плательщиков и факты многократного заключения заведомо неисполнимых соглашений. Требуется формирование единообразной судебной практики по оспариванию несправедливых условий, в том числе через официальные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. Наконец, необходимо обеспечение доступной юридической консультации для сторон и внедрение обязательной психологической консультации при удостоверении. Без комплексного движения по перечисленным направлениям институт алиментного соглашения останется формальным и не сможет в полной мере защищать права и интересы несовершеннолетних детей.

Список цитируемой литературы

1. Шинкарюк, Д.В. Формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей / Д.В. Шинкарюк // Образование и воспитание дошкольников, школьников, молодежи: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 116–118.

2. Васильева, Ю.В. Новый вектор социальной политики Российского государства в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / Ю.В. Васильева // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2025. – № 1. – С. 5–12.

3. Гончарова, Е.А. Нотариальное удостоверение семейных соглашений: проблемы и перспективы / Е.А. Гончарова // Нотариальный вестник. – 2023. – № 4. – С. 23–29.

4. Устинов, А.Н. Проблемы реализации права детей-сирот и лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на обеспечение жилым помещением / А.Н. Устинов, Е.М. Якимова // Сибирский юридический вестник. – 2022. – № 1 (96). – С. 37–41.

5. Петрова, Н.В. Психологические аспекты семейно-правовых соглашений с участием несовершеннолетних / Н.В. Петрова // Психология и право. – 2024. – № 2. – С. 54–62.

Перфилова Д.И., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию условий возникновения гражданско-правовой ответственности как ключевого института современного российского гражданского права. Анализируются теоретические подходы к пониманию данного института, рассматриваются классические элементы состава гражданского правонарушения: противоправность, вред, причинная связь и вина.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, противоправность, убытки, причинно-следственная связь, вина, состав правонарушения, судебная практика.

Гражданско-правовая ответственность занимает центральное место в механизме защиты нарушенных прав участников имущественного оборота. Как справедливо отмечает Е. А. Седова, «проблема ответственности в гражданском праве всегда являлась предметом многочисленных дискуссий», при этом «в настоящее время больше всего внимания отводится отдельным аспектам защиты гражданских прав, но без должного внимания остаются общие вопросы гражданско-правовой ответственности» [5, с. 19]. Отсутствие легального определения данного понятия в Гражданском кодексе РФ порождает множественность доктринальных подходов, однако большинство ученых сходятся во мнении, что ключевая «особенность гражданско-правовой ответственности заключается в том, что она наступает не при любом нарушении прав, а лишь при наличии строго определенной совокупности юридических фактов. В доктрине гражданского права данные факты традиционно именуются условиями гражданско-правовой ответственности. В состав гражданского правонарушения включает в себя четыре элемента: противоправность поведения, наличие вреда (убытков), причинно-следственную связь между противоправным деянием и вредом, а также вину правонарушителя» [2, с. 104]. Именно наличие всех четырех элементов в совокупности позволяет применить к нарушителю меры имущественного воздействия, направленные на восстановление нарушенного права потерпевшего.

Первым условием ответственности выступает противоправность деяния. Противоправность означает несоответствие действий (или бездействия) лица требованиям закона, иных правовых актов или условиям договора. В соответствии с принципом генерального деликта, закрепленным в п. 1 ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 года № 14-ФЗ, вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Из данной нормы следует, что именно противоправность выступает отправной точкой для возникновения обязательства. Противоправность может выражаться как в активных действиях, так и в бездействии, при этом для квалификации бездействия как противоправного необходимо установить, что на лицо была возложена юридическая обязанность совершить определенные действия, которую оно не выполнило.

Вторым необходимым условием является наличие вреда или убытков. «Гражданско-правовая ответственность носит компенсационный характер и направлена на восстановление нарушенного права, а потому ее применение невозможно без установления факта умаления личного или имущественного блага потерпевшего. Вред может быть имущественным (связанным с материальными потерями) либо моральным, выражающимся в физических или нравственных страданиях» [5, с. 20]. В соответствии со ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, которые определяются как расходы, произведенные или необходимые для восстановления права, утрата или повреждение имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота (упущенная выгода). Как верно подчеркивается в правовой литературе, «если иное не предусмотрено законом или договором, вред возмещается в полном объеме».

Третьим условием выступает причинно-следственная связь между противоправным деянием и наступившим вредом. Данный элемент является ключевым звеном, соединяющим поведение нарушителя и негативные последствия для потерпевшего. Действующее законодательство не содержит легального определения причинной связи, что порождает дискуссии в доктрине и сложности в правоприменении. Как указывает Ю.А. Фёдорова, наиболее обоснованной для правоприменительной практики, является теория непосредственной (прямой) причинной связи, согласно которой ответственность наступает только за последствия, являющиеся прямым и неизбежным результатом действий нарушителя [3, с. 27]. В договорных отношениях (ст. 393 ГК РФ)

бремя доказывания причинно-следственной связи между нарушением обязательства и возникшими убытками лежит на кредиторе.

Четвертым условием является вина правонарушителя. В отличие от уголовного права, где вина имеет четко определенные формы, гражданское законодательство не содержит легального определения данного понятия. В гражданском праве вина традиционно рассматривается не столько как субъективное психическое отношение лица к своему поведению, сколько как непринятие им объективно возможных мер по предотвращению отрицательных результатов своих действий. В соответствии с п. 2 ст. 401 ГК РФ отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство. Действует презумпция виновности нарушителя, что существенно облегчает положение потерпевшего. Законодатель устанавливает и случаи ответственности независимо от вины: в частности, лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, несет ответственность за нарушение обязательства, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы (п. 3 ст. 401 ГК РФ).

Проведенный теоретический анализ позволяет выявить одну из наиболее острых проблем правоприменения в рамках исследуемого института – проблему доказывания причинно-следственной связи. Как показано в научной литературе и подтверждается судебной практикой, «для возложения обязанности возместить убытки суд должен установить состав правонарушения, включающий факт наступления вреда, противоправность поведения и вину причинителя вреда, причинно-следственную связь между его действиями (бездействием) и наступившими неблагоприятными последствиями, а равно размер ущерба» [4, с. 140]. Однако на практике именно причинная связь оказывается наиболее сложным для доказывания элементом, поскольку законодатель не предлагает четких критериев ее установления.

Сложность усугубляется тем, что установление причинно-следственной связи является задачей суда, а не только эксперта. Суд должен определить, являются ли действия ответчика не просто условием, а именно причиной наступления вреда. Отсутствие четких законодательных критериев приводит к тому, что сходные по фактическим обстоятельствам дела могут получать противоположное разрешение в зависимости от субъективного усмотрения судьи.

Дополнительным фактором, усложняющим правоприменение, является распределение бремени доказывания. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, содержащимися в пункте 12 постановления от 23 июня 2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», по делам о возмещении убытков истец обязан дока-

зать, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также факты нарушения обязательства или причинения вреда, наличие убытков. Истец, таким образом, должен подтвердить не только сам факт нарушения и размер понесенных потерь, но и то, что именно действия ответчика породили эти потери. В спорах со сложными многофакторными системами хозяйственных связей, когда вред мог быть вызван совокупностью различных причин, выполнение данного требования становится крайне затруднительным, а иногда и невозможным.

Представляется, что разрешение данной проблемы лежит в плоскости законодательного закрепления критериев установления причинной связи. В доктрине, обоснованной признается теория «необходимого условия», согласно которой действие признается причиной результата, если результат не наступил бы при отсутствии такого действия. Данный подход, широко применяемый в зарубежных правопорядках, позволяет формализовать процесс установления причинной связи и снизить степень судебного усмотрения. Целесообразно дополнить Гражданский кодекс РФ статьей, содержащей легальное определение причинной связи и критерии ее установления для различных категорий дел.

Кроме того, эффективным механизмом могло бы стать введение законодательной презумпции причинной связи для отдельных категорий дел. В частности, при причинении вреда источником повышенной опасности, при нарушении обязательств в сфере предпринимательской деятельности, а также в иных случаях, когда характер правоотношений предполагает повышенный риск для потерпевшего [1, с. 30]. В таких случаях истец должен подтвердить лишь наличие объективной возможности наступления вреда вследствие действий ответчика, после чего бремя опровержения такой возможности переходит на ответчика. Данный подход уже апробирован в судебной практике по отдельным категориям дел и зарекомендовал себя как эффективный способ защиты прав потерпевших при сохранении баланса процессуальных прав сторон.

Таким образом, гражданско-правовая ответственность является сложным многогранным институтом, наиболее проблемным элементом правоприменительной практики выступает причинно-следственная связь, критерии установления которой в действующем законодательстве отсутствуют. Решение данной проблемы видится в законодательном закреплении теории «необходимого условия» как общего критерия определения причинной связи, а также введении презумпции причинной связи для отдельных категорий дел, что позволит повысить предсказуемость судебных решений и обеспечить эффективную защиту прав потерпевших.

Список цитируемой литературы:

1. Богданова, Е. Е. Тенденции развития гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств: проблемы и перспективы / Е. Е. Богданова. // Lex russica. – 2017. – № (5). – С. 24-37.

2. Гальперин, М.Л. Гражданский процесс. Ответственность в гражданском судопроизводстве: учебное пособие для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2026. – 196 с.

3. Гражданское право: В 2 т. Т. 1. / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев [и др.]. – М.: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2016. – 511 с.

4. Гражданское право: В 4 т. Т. 1: Общая часть: учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2020 – 720 с.

5. Седова, Е.А. Общие положения о гражданско-правовой ответственности // Новый юридический вестник. – 2019. – № 1 (8). – С. 18–21.

Плешкова В.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ПРИОРИТЕТ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ В МЕХАНИЗМАХ УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ: УСЫНОВЛЕНИЕ, ОПЕКА, ПРИЕМНАЯ СЕМЬЯ

Аннотация

В статье рассматривается реализация принципа приоритета семейного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. Анализируется закрепление данного принципа в международных актах и Семейном кодексе РФ. Проводится сравнительный анализ трех основных семейных форм устройства, выявляются их ключевые юридические особенности, достоинства и ограничения, касающиеся статуса ребенка, возмездности труда воспитателей и степени государственного контроля.

Ключевые слова: дети, оставшиеся без попечения родителей; семейные формы устройства; усыновление (удочерение); опека и попечительство; приемная семья; приоритет семейного воспитания.

Институт устройства детей, лишившихся родительского попечения, в российской правовой системе строится вокруг одного центрального принципа – ребенок должен расти в семье. Как бы хороши ни

были различные организации для детей, оставшихся без попечения родителей, ничего не сможет заменить семейное тепло, индивидуальный подход и эмоциональную связь между родителем и ребенком. Действительно, «Семья представляет собой величайшую ценность, существующую в мире, в которой должны расти дети. В семье ребенок развивается и получает воспитание, именно семья закладывает фундамент личности каждого человека. В современном мире нередко приходится сталкиваться с ситуацией, в которой дети остаются без попечения родителей, по сути, остаются без семьи. В такой ситуации огромное значение приобретают предусмотренные законом формы устройства детей на воспитание» [1, с. 39].

Положение о том, что полноценное развитие ребенка возможно лишь в семейном окружении, закреплено на уровне, как и международных правовых актов, так и законодательства Российской Федерации. Во-первых, Конвенция ООН о правах ребенка 1989 года, ратифицированная СССР в 1990 году и воспринятая правопорядком России как составная часть ее правовой системы, прямо указывает: для полного и гармоничного развития личности ребенка необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания, а также, что семья является основной ячейкой общества [2]. Согласно Семейному кодексу Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ, дети, оставшиеся без попечения родителей, должны быть устроены в приёмные семьи для их дальнейшего воспитания. Статья 54 СК РФ уточняет, что каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, право знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. Так, государство берет на себя, несомненно, важнейшую обязанность – компенсировать утрату ребенком кровной семьи, подбирая для него среду, которая сможет восполнить для него недостаток семейного воспитания и комфорта.

Итак, усыновление или удочерение занимает особое место в системе семейного устройства детей. Это единственная форма, при которой отношения между ребенком и принимающим его взрослым (взрослыми) максимально полно моделируют отношения кровного родства. Фактически происходит полная юридическая замена кровных родителей на усыновителей, что влечет за собой прекращение правовой связи ребенка с биологической семьей. При этом факт усыновления законодатель охраняет как семейную тайну. В то же время процедура усыновления является наиболее сложной и длительной с точки зрения формальных требований. Она осуществляется исключительно в судебном порядке, требует тщательной проверки кандидатов в усыновители, устанавливая определенные критерии для них, и предполагает

участие органов опеки и попечительства как на этапе подготовки, так и в последующем контроле. Усыновленный ребенок перестает относиться к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, утрачивая причитающиеся данной категории льготы. Это осознанный выбор: максимальная степень введения ребенка в новую семью достигается ценой разрыва с прежним социально-правовым статусом. С этой точки зрения усыновление действительно представляет собой наиболее полную, но и наиболее ответственную для принимающей стороны форму устройства.

Опека и попечительство, в свою очередь, рассматриваются как институт, призванный восполнить отсутствие родительского попечения при минимальном вмешательстве в правовое положение ребенка. Ключевое отличие опеки и попечительства от усыновления заключается в сохранении за ребенком его правового статуса. При этом опекун имеет практически все права родителя в вопросах воспитания, обучения, содержания ребенка и несет ответственность за него, однако органы опеки осуществляют систематический контроль за условиями содержания, воспитания и образования ребенка. Другими словами, опекун не становится для ребенка юридическим родителем – он остается законным представителем под контролем государства. Важной социальной гарантией выступает ежемесячная выплата средств на содержание опекаемого. Однако по общему правилу опекун выполняет свои обязанности по воспитанию безвозмездно. С одной стороны, государство поддерживает приём детей в семьи через финансовую помощь на их содержание. С другой стороны, работа опекуна по воспитанию ребёнка не считается оплачиваемой деятельностью согласно законодательству. Чтобы устранить этот разрыв, была введена ещё одна форма – приёмная семья.

Приемная семья – это разновидность устройства детей, которая осуществляется полностью на возмездной основе. «Приемная семья представляет собой возмездную форму устройства детей, оставшихся без попечения родителей, создаваемая в целях реализации их права жить и воспитываться в семье, социальной адаптации, защиты прав и законных интересов, основанная на срочном договоре, заключаемом между органом опеки и попечительства и приемными родителями или приемным родителем» [3, с. 310]. Опекунская семья может быть превращена в приемную, но допускается такое преобразование только при обоснованности обращения: существуют несколько пунктов, к примеру, если число воспитываемых детей увеличилось, ребенок требует постоянного ухода и увольнения опекуна с постоянной работы.

Сравнив все способы помещения ребенка в новую семью, можно рассуждать о их плюсах и минусах. Что касается усыновления, этот

процесс делает ребенка полноценным членом семьи, но полностью разрывает его связь с биологической семьей. При опеке или попечительстве – сохраняются права ребенка на льготы, выплаты и пенсии. Но в таком случае труд опекуна не оплачивается. В отличие от опеки и попечительства, в приемной семье родители получают вознаграждение и не воспитывают ребенка на безвозмездной основе. В настоящее время, наиболее распространенными остаются опека и приемная семья, тогда как усыновление, при всей его приоритетности, требует от кандидатов существенно более высокого уровня дохода, жилищных условий и психологической готовности.

Стоит сказать, что не нужно забывать про морально – психическое состояние детей: «Следует выбирать такие формы устройства детей, которые смягчат последствия травм, которые возникли в результате того, что он остались без попечения родителей» [4, с.38]. Важно минимизировать негативные последствия, связанные с утратой первичной эмоциональной привязанности ребенка в прошлой семье, и так же немаловажно учитывать индивидуальные особенности каждого ребенка, чтобы обеспечить наилучшие условия для его дальнейшего развития и адаптации.

Подводя итог, можно сделать вывод, что российское законодательство достаточно эффективно и последовательно реализует принцип приоритета семейного воспитания при устройстве детей, оставшихся без попечения родителей. Неизменным остается ориентир на то, что воспитание в семье, даже на условиях опеки или приемной семьи, рассматривается как безусловный приоритет перед любой формой государственного воспитания детей.

Список цитируемой литературы:

1. Лаврова, С.В., Филиппова, Д.А. Детская деревня – особая форма устройства детей в семью / С.В. Лаврова, Д.А. Филиппова // Духовно-нравственные ценности как основа технологического суверенитета России: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции (г. Липецк, 24 апреля 2024 г.) / под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Е.А. Гончаровой. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. – С. 39-43.

2. Конвенция о правах ребёнка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года; вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 года) // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 29 мая 2026 года)

3. Ижаева, Д.И. Правовой статус приемных родителей // Форум правовых ученных. – 2017. – № 10. – С. 310-312.

4. Лаврова, С.В. Дом юношества как особая форма социализации выпускников детских домов / С.В. Лаврова // Духовно-нравственные ценности как основа технологического суверенитета России: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции (г. Липецк, 24 апреля 2024 г.) / под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Е.А. Гончаровой. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. – С. 34-38.

Подзоров А.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА УБЫТКОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация

В данной статье рассматривается правовая природа убытков в гражданском праве Российской федерации, их структура и особенности доказывания. Анализируются различные доктринальные подходы к пониманию убытков, а также специфика их применения в договорных и внедоговорных отношениях.

Ключевые слова: убытки; реальный ущерб; упущенная выгода; гражданско-правовая ответственность; доказывание; гражданское право.

В современном правовом дискурсе, формируемом как доктриной гражданского права, так и судебной практикой, институт убытков постепенно приобретает более многомерную и концептуально насыщенную структуру, что обусловлено отходом от прежней традиции рассматривать его исключительно как разновидность санкции за правонарушение. В статье 15 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ по-прежнему закреплены два базовых компонента – реальный ущерб, охватывающий документально подтвержденные расходы, направленные на восстановление нарушенного права или возмещение утраты (либо повреждения) имущества, и упущенная выгода, представляющая собой доходы, которые могли бы возникнуть в условиях нормального гражданского оборота. В пункте 2 указанной статьи под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо

получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

В то же время упущенная выгода, как отмечает Э.М. Боджолян – это «неполученный доход, на который увеличилась бы имущественная масса лица, право которого нарушено, если бы нарушения не было» [1, с. 63]. То есть, она не отражает уменьшения существующего имущества, а выражает неполученный прирост, который мог бы быть достигнут при обычном ходе гражданского оборота. Следовательно, разграничение указанных элементов носит не формальный, а прикладной характер, поскольку влияет как на определение размера подлежащих взысканию сумм, так и на формирование предмета доказывания. В отношении реального ущерба необходимо подтвердить произведенные либо подлежащие произведению расходы и (или) сам факт утраты имущества; применительно к упущенной выгоде требуется доказать реальность возможности получения дохода и причинную связь между его неполучением и допущенным нарушением.

Проблема правовой природы убытков в научной литературе не получила однозначного разрешения. В.М. Смаков обращает внимание на методологическую ограниченность подхода, предполагающего автоматическое отождествление убытков с универсальной мерой гражданско-правовой ответственности, подчеркивая, что в его исследовании «приводятся доводы против самой распространенной в научной и учебной литературе точки зрения о том, что убытки являются мерой гражданско-правовой ответственности универсального характера» [2, с. 84]. Тем самым категория «убытки» выводится за пределы исключительно договорной либо деликтной ответственности и рассматривается как нормативный инструмент, способный функционировать в различных охранительных режимах.

Обязанность компенсировать имущественные потери может возникать не только вследствие частноправового нарушения, но и на основании прямого предписания закона, в частности при возмещении вреда, причиненного публичной властью (статья 16 ГК РФ), либо при ущербе, причиненном личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации (статья 16.1 ГК РФ).

Дополнительная специфика института убытков проявляется в правовых конструкциях, выходящих за рамки классической модели договорного неисполнения. Так, анализируя преддоговорные убытки, закрепленные в статье 434.1 ГК РФ, С.К. Соломин и Н.Г. Соломина указывают, что «обязанность возмещения убытков за недобросовест-

ное ведение переговоров воспринимается как реакция государства на нарушение участником переговоров стандартов поведения, характеризующих его правовой статус как добросовестного субъекта» [3, с. 247]. В данной ситуации основанием ответственности выступает не нарушение уже возникшего обязательства, а отступление от стандарта добросовестности в рамках организационных отношений по ведению переговоров. Следовательно, прямое перенесение на такие случаи традиционной договорной конструкции ответственности методологически необоснованно, поскольку меняется характер охраняемого интереса и юридическая природа нарушения.

Вместе с тем в доктрине сохраняется позиция, согласно которой убытки преимущественно рассматриваются как форма гражданско-правовой ответственности восстановительного характера. С.Э. Либанова подчеркивает: «система договорных связей в рыночной экономике играет основополагающую роль, а низкий уровень применения ответственности за неисполнение обязательств является препятствием для формирования нормальных рыночных отношений» [4, с. 23]. Данный вывод позволяет интерпретировать взыскание убытков как средство обеспечения устойчивости обязательственного оборота: при недостаточной эффективности ответственности компенсационный механизм не достигает цели полноценной защиты имущественных интересов участников гражданских правоотношений.

Сопоставление обозначенных научных позиций обостряет дискуссию о соотношении санкционного и восстановительного начала в конструкции убытков. С одной стороны, их взыскание предполагает возложение на нарушителя дополнительного имущественного обременения, что придает институту санкционный оттенок. С другой стороны, нормативная модель, закрепленная в статье 15 ГК РФ, направлена прежде всего на восстановление имущественного положения потерпевшего, что позволяет квалифицировать убытки как меру гражданско-правовой ответственности восстановительного типа.

В.А. Ковалева и О.В. Цуканов отмечают, что «нормативная конструкция соответствует логике компенсационного подхода, однако при осуществлении норм на практике возникают проблемы, связанные с доказыванием ущерба, расчетом упущенной выгоды, а также неоднозначным толкованием положений судами» [5, с. 169]. Тем самым подчеркивается, что правовая природа убытков проявляется не только в их структурной характеристике, но и в особенностях применения, прежде всего в аспекте доказуемости и интерпретации соответствующих норм судами. Данная восстановительная направленность корреспондирует положениям пункте 5 статьи 393 ГК РФ, допускающим определение размера убытков с разумной степенью достоверности, что свидетель-

ствует о признании законодателем оценочного характера расчета при условии его обоснованности и проверяемости, а не формальной арифметической точности.

Классификация убытков по основанию их возникновения традиционно предполагает разграничение договорных и внедоговорных форм. Договорные убытки обусловлены нарушением обязательства, вытекающего из договора, и подлежат взысканию как последствие его неисполнения либо ненадлежащего исполнения. Внедоговорные убытки возникают вне договорной связи; к ним относятся деликтные требования о возмещении вреда, а также специальные случаи, когда обязанность компенсации прямо предусмотрена законом, включая преддоговорные убытки как самостоятельный внедоговорный режим.

Подобная дифференциация обеспечивает системное соотнесение конструкции статьи 15 ГК РФ с многообразием охранительных механизмов гражданского права и позволяет избежать методологического упрощения, при котором любые убытки без учета их основания и правового режима квалифицируются исключительно как санкция.

Список литературы:

1. Боджолян, Э. М. Проблемы определения упущенной выгоды при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Молодой ученый. – 2025. – № 13 (564). – С. 63.

2. Смаков, В. М. Понятие убытков: деконструкция их определения как меры ответственности / В.М. Смаков // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2022. – № 4. – С. 84-95.

3. Соломин, С. К., Соломина, Н. Г. Правовая природа обязанности возмещения убытков за недобросовестное ведение переговоров / С.К. Соломин, Н.Г. Соломина // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 489. – С. 247-252.

4. Либанова, С. Э. Гражданско-правовая ответственность: взыскание убытков: учебное пособие для вузов / С. Э. Либанова. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – С. 23.

5. Ковалева, В. А., Цуканов, О. В. Возмещение убытков как универсальная форма гражданско-правовой ответственности / В.А. Ковалева, О.В. Цуканов // Epomen.Global. – 2025. – № 62. – С. 169-174.

Поминова А.В., студентка
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

В статье анализируются теоретико-правовые основы регулирования обращения с отходами производства и потребления в РФ. Рассматривается правовая природа отходов как объекта экологического права, роль ФККО в государственном регулировании, лицензирования деятельности по обращению с отходами I–IV классов опасности и специфике правового режима промышленных отходов. На основе анализа законодательства и судебной практики выявляются проблемы правоприменения. Формулируются выводы о направлениях совершенствования правового регулирования в исследуемой сфере.

Ключевые слова: экологическое право, обращение с отходами производства и потребления, классы опасности отходов, Федеральный классификационный каталог отходов, лицензирование деятельности по обращению с отходами, промышленные отходы, экологическая безопасность, государственное регулирование.

Проблема обращения с отходами производства и потребления по праву занимает одно из центральных мест в повестке современного экологического права. Рост промышленного производства, усложнение технологических процессов и увеличение масштабов потребления неизбежно ведут к нарастанию объёмов отходов, оказывающих давление на окружающую среду и здоровье населения [1, 12]. При этом, как справедливо отмечает С. А. Боголюбов, экологическое право призвано не только реагировать на уже сложившиеся угрозы, но и формировать превентивные механизмы, опережающие развитие хозяйственной деятельности [2]. Российское законодательство располагает достаточно развитой нормативной базой в данной сфере. Вместе с тем практика показывает, что между нормативным закреплением и реальным правоприменением сохраняется разрыв: хозяйствующие субъекты сталкиваются с трудностями идентификации отходов, фрагментацией нормативного массива, нечёткостью границ между видами деятельности. Эти обстоятельства обусловливают актуальность теоретико-правового осмысления основ регулирования обращения с отходами.

Базовое определение отходов содержится в статье 1 Федерального закона от 24 июня 1998 года № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (далее – Закон об отходах). Законодатель определяет отходы как вещества или предметы, образовавшиеся в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг или потребления, которые удаляются, предназначены для удаления либо подлежат удалению [1]. Данное определение построено преимущественно на волевом критерии – намерении субъекта удалить вещь, а не на её объективных физико-химических свойствах. О. И. Крассов справедливо указывает на эту особенность, отмечая, что подобный подход создаёт известную гибкость: один и тот же материал может в различных правовых ситуациях квалифицироваться и как отход, и как вторичное сырьё [3]. Однако гибкость имеет оборотную сторону – она порождает неопределённость, которая нередко становится источником правоприменительных затруднений.

Принципиально важна двойственная правовая природа отходов. С одной стороны, отход – результат хозяйственной деятельности, утративший потребительскую ценность для собственника. С другой – многие отходы являются потенциальным ресурсом, пригодным для повторного вовлечения в экономический оборот [2, 3]. Именно эта двойственность задаёт вектор государственной экологической политики: не ограничиваться контролем за «ликвидацией» отходов, а стимулировать их максимально полную переработку. Статья 3 Закона об отходах выстраивает иерархию приоритетов: максимальное использование исходного сырья, предотвращение образования отходов, сокращение их объёмов и снижение класса опасности, обработка и утилизация [1]. Данная иерархия корреспондирует с принципом waste hierarchy, широко применяемым в европейском экологическом праве, и свидетельствует об ориентации российского законодателя на модель «от предотвращения – к ликвидации последствий».

Эффективность правового регулирования в значительной степени зависит от качества систематизации объекта регулирования. Действующее законодательство (статья 4.1 Закона об отходах) предусматривает пять классов опасности: I класс – чрезвычайно опасные, II – высокоопасные, III – умеренно опасные, IV – малоопасные, V – практически неопасные [1]. Критерии отнесения к конкретному классу установлены Приказом Минприроды России от 31.03.2025 № 158 и Порядком подтверждения (Приказ Минприроды от 08.12.2020 № 1027), предусматривающими как расчётный, так и экспериментальный методы [4, 15]. Класс опасности определяет весь комплекс требований к обращению: условия хранения, правила транспортировки, допустимые технологии обработки, необходимость лицензирования [4, 15]. Именно отходы I–IV классов создают наибольшие трудности для правового регу-

лирования, поскольку сочетают значительные объёмы образования с ощутимым экологическим риском.

Для осуществления должной систематизации и надзора за обращением с отходами в рамках государственного кадастра отходов (Приказ Минприроды России от 02.04.2025 № 167) был введен Федеральный классификационный каталог отходов, представляющий собой систематизированный перечень видов отходов с указанием кодов, наименований и классов опасности [5]. Значение ФККО выходит за пределы учётной функции. Коды каталога обязательны при разработке паспортов отходов [14], ведении кадастра [5], лицензировании [5, 17] и экологическом контроле [4]. По существу, ФККО выполняет правоустанавливающую функцию: именно через каталог конкретный отход «привязывается» к определённому правовому режиму [5, 14, 15].

Промышленные отходы II–IV классов – отходы химических производств, загрязнённые растворители, отходы лакокрасочных материалов, отходы электрохимических процессов – составляют основной массив отходов хозяйственной деятельности [14, 15, 16]. Ненадлежащее обращение с ними чревато загрязнением почв, водных объектов и атмосферного воздуха [1, 12]. Специализированные лицензируемые предприятия являются практическим звеном реализации экологической политики государства. От качества их работы зависит, будут ли промышленные отходы безопасно переработаны или окажутся на несанкционированных свалках. Лицензированию подлежат все основные виды деятельности по обращению с отходами I–IV классов: сбор, транспортирование, обработка, утилизация, обезвреживание, размещение [6]. Лицензионные требования включают наличие необходимых объектов инфраструктуры, профессиональную подготовку персонала, санитарно-эпидемиологическое заключение [6, 17].

Существенно, что лицензия выступает элементом непрерывного публично-правового контроля. Убедительным подтверждением служит позиция Верховного Суда РФ по делу № А72-7664/2021, где нарушение лицензионных условий повлекло привлечение к ответственности по частям 2 и 3 статьи 14.1 КоАП РФ [7]. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 разъяснило, что экологический вред подлежит возмещению в полном объёме независимо от привлечения к административной или уголовной ответственности, утвердив принцип кумулятивности ответственности [18]. Показателен спор по делу № А65-30771/2020 (Определение ВС РФ от 09.06.2022 № 306-ЭС22-8334): суды пришли к выводу, что корректное отнесение отходов к конкретному классу опасности и соблюдение требований о паспортизации имеют прямое финансовое значение для исчисления платы за негативное воздействие [8–10].

Что же касается проблем правоприменения, мне они видятся следующими. Во-первых, появление новых материалов и технологий приводит к образованию отходов, не соответствующих позициям ФККО, что вызывает сложность идентификации и влечёт дополнительные дорогостоящие специальные исследования, разработку технологий обращения, обработки, утилизации и обезвреживания, подлежащих обязательной государственной экологической экспертизе, длящейся до трех лет только на одну технологию, что влечет неоправданную нагрузку на бизнес и государственный аппарат [1, 2, 3, 6]. Во-вторых, регулирование осуществляется множеством актов различной юридической силы, не всегда согласованных между собой [1, 12, 13, 15, 16]. В-третьих, Конституционный Суд РФ указал, что платежи за негативное воздействие на окружающую среду являются инструментом экологической политики, а не налогом [11], что подчёркивает необходимость комплексного подхода, при котором экономические механизмы дополняют административные.

В заключение хочется отметить, совершенствование правового регулирования – в том числе упрощение нормативной структуры, актуализация ФККО и уточнение критериев разграничения лицензируемых видов деятельности – является необходимым условием обеспечения экологической безопасности и устойчивого промышленного развития.

Список цитируемой литературы:

1. Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления».

2. Экологическое право: учебник для вузов / под ред. С. А. Боголюбова. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 318 с.

3. Крассов О. И. Экологическое право: учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2020. – 528 с.

4. Приказ Минприроды России от 31.03.2025 № 158 «Об утверждении критериев отнесения отходов к I–V классам опасности».

5. Приказ Минприроды России от 02.04.2025 № 167 «Об утверждении Порядка ведения государственного кадастра отходов».

6. Постановление Правительства РФ от 26.12.2020 № 2290 «О лицензировании деятельности по обращению с отходами I–IV классов опасности».

7. Определение Верховного Суда РФ от 18.04.2022 № 306-ЭС22-3995 по делу № А72-7664/2021.

8. Определение Верховного Суда РФ от 09.06.2022 № 306-ЭС22-8334 по делу № А65-30771/2020.

9. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11.03.2022 № Ф06-14027/2021 по делу № А65-30771/2020.

10. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 30.09.2021 по делу № А65-30771/2020.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2013 № 5-П.
12. Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе».
13. Постановление Правительства РФ от 28.05.2024 № 694 «О государственной экологической экспертизе».
14. Приказ Минприроды России от 08.12.2020 № 1026 «Об утверждении Порядка паспортизации отходов I–IV классов опасности».
15. Приказ Минприроды России от 08.12.2020 № 1027 «Об утверждении Порядка подтверждения отнесения отходов I–V классов опасности».
16. Приказ Минприроды России от 08.12.2020 № 1029 «Об утверждении Порядка разработки нормативов образования отходов и лимитов на их размещение».
17. Приказ Росприроднадзора от 28.06.2021 № 388 «Об утверждении Административного регламента Росприроднадзора по лицензированию деятельности по обращению с отходами I–IV классов опасности».
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причинённого окружающей среде».

Пронина А.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация

В настоящей статье анализируются проблемы правового регулирования оказания медицинских услуг, выявляются актуальные проблемы и предлагаются пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: медицина; медицинская услуга; договор об оказании медицинских услуг; эстетическая медицина.

Программа государственных гарантий на 2026–2028 годы расширяет перечень бесплатных медицинских услуг, включая новые исследования, вакцинацию для пожилых, оценку липидного профиля и др.

Это делает медицинскую помощь более доступной и современной. Развитие высокотехнологичной медицины, в крупных городах, продолжается модернизация больниц, внедрение высокотехнологичных методов лечения, особое внимание уделяется помощи женщинам, детям и онкологическим пациентам. Вводятся новые правила предоставления платных медицинских услуг, что повышает прозрачность и защиту прав пациентов. Тема оказания медицинских услуг остаётся крайне актуальной из-за расширения перечня бесплатных услуг, акцента на профилактике, внедрения новых технологий и совершенствования правового регулирования.

Первый блок проблем связан с правовой природой обязательства по оказанию медицинских услуг. В цивилистике продолжается дискуссия о том, является ли данное обязательство обязательством «приложения максимальных усилий» или «достижения результата».

Традиционно договор на лечение относят к первому типу, что подтверждается большинством исследователей. Однако, как верно подмечает А.А. Мохов: «научно-технический прогресс и развитие репродуктивных технологий, генной инженерии и эстетической медицины размывают эту конструкцию» [2, с. 112]. В сфере вспомогательных репродуктивных технологий, например, где пациент оплачивает попытку ЭКО, а не гарантию беременности, одновременно существуют элементы обязательства по достижению результата в части технического этапа (получение эмбриона). Отсутствие доктринально обоснованной дифференциации типов обязательств внутри медицинской деятельности приводит к судебным ошибкам и неадекватному распределению рисков между сторонами.

Серьезнейшую проблему представляет также определение критериев качества медицинской услуги. Действующее законодательство оперирует понятиями «качество медицинской помощи», закрепленными в ведомственных актах Минздрава, которые, как замечает Ю.Д. Сергеев: «преимущественно ориентированы на клиническую составляющую и игнорируют сервисный, информационный и этический аспекты взаимодействия» [3, с. 15]. Гражданско-правовое понимание качества услуги должно быть шире и включать такие параметры, как своевременность, безопасность, комфортность, достижение максимально возможного при данных условиях клинического результата, а также удовлетворенность пациента процессом взаимодействия. Для решения проблемы предлагается «разработка комплексной модели качества медицинской услуги, в которую входили бы не только стандартизированные показатели здоровья, но и критерии надлежащего информирования, соблюдения прав пациента, этики и деонтологии» [4, с. 170].

Не менее острой является проблема ответственности за вред, причиненный при применении роботизированных систем и технологий с использованием искусственного интеллекта (ИИ). Робот-ассистированная хирургия, системы поддержки принятия врачебных решений на основе анализа больших данных ставят перед гражданским правом беспрецедентные вопросы. Е. Г. Афанасьева полагает, что «по аналогии с ответственностью за источник повышенной опасности следует возложить ответственность на владельца системы – медицинскую организацию, предоставив последней право регрессного иска к производителю» [5, с. 42]. Данная позиция не является бесспорной, так как сущность искусственного интеллекта заключается в его автономности и способности к самообучению, что делает его «непрозрачным» даже для оператора.

В качестве перспективных направлений совершенствования гражданского законодательства в данной сфере в доктрине выделяются следующие. Во-первых, это детальная законодательная регламентация телемедицинских услуг. Действующие нормы ст. 36.2 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» носят рамочный характер и оставляют открытыми вопросы идентификации участников, допустимости постановки первичного диагноза дистанционно, правового статуса записей телеконсультаций. Необходимо включение в Гражданский кодекс РФ или специальный закон положений о дистанционном договоре оказания медицинских услуг с урегулированием момента заключения договора, формы и порядка оплаты, а также специфики ответственности за ненадлежащее качество дистанционного консультирования.

Во-вторых, требуется создание правовых механизмов альтернативного урегулирования медицинских споров. Медицинская медиация, третейские суды при профессиональных ассоциациях могли бы стать эффективным инструментом снижения конфликтности. Для этого необходимо внесение изменений в процессуальное законодательство, закрепляющих обязательный досудебный порядок урегулирования споров с участием специализированного посредника по отдельным категориям требований, например, споров о незначительном вреде здоровью или исключительно о компенсации морального вреда.

Таким образом, решение обозначенных проблем требует системного подхода, сочетающего точечную корректировку специального медицинского законодательства с совершенствованием общих норм обязательственного права, а также активного вовлечения профессионального медицинского сообщества в процесс нормотворчества. Проведенное исследование показало, что в сфере гражданско-правового регулирования оказания медицинских услуг имеются некоторые проблемы, обу-

словленные тем, что в сфере гражданского законодательства только начинается процесс адаптации под новые технологические реалии.

Действующие нормы ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» носят рамочный характер и оставляют открытыми вопросы идентификации участников, допустимости постановки первичного диагноза дистанционно, правового статуса записей телеконсультаций. Необходимо включение в Гражданский кодекс РФ или специальный закон положений о дистанционном договоре оказания медицинских услуг с урегулированием момента заключения договора, формы и порядка оплаты, а также специфики ответственности за ненадлежащее качество дистанционного консультирования.

Список цитируемой литературы:

1. Ситдикова, Л. Б. Теория и практика применения законодательства в вопросе определения содержания круга существенных условий в договоре возмездного оказания медицинских услуг / Л. Б. Ситдикова // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2026. – № 4(24). – С. 77-82.

2. Мохов, А. А. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании медицинской деятельности / А. А. Мохов. – СПб.: Юрид. центр пресс, 2023. – 206 с.

3. Сергеев, Ю. Д. Ненадлежащее оказание медицинской помощи – важнейшая научно-практическая проблема для специалистов в области медицинского права / Ю. Д. Сергеев // Медицинское право: теория и практика. – 2026. – № 2(4). – С. 13-18.

4. Печникова, О. Г. Возмездные медицинские услуги: проблемы правовой регламентации (история и современность) / О. Г. Печникова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2021. – № 8-2(14). – С. 170-173.

5. Афанасьева, Е. Н. Искусственный интеллект и «большие данные» в здравоохранении: области применения и гражданско-правовое регулирование / Е. Н. Афанасьева // Юридическая наука и практика. – 2020. – Т. 16, № 3. – С. 40-49.

Пустовалова М.Ю., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ПРАВОВОЙ СТАТУС ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ БЕЗ ОБРАЗОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Аннотация

В статье рассматриваются понятие и признаки предпринимательской деятельности как особого правового института. Анализируются гражданско-правовые основы предпринимательства, легальное определение, закрепленное в Гражданском кодексе РФ, а также проблемы разграничения предпринимательской деятельности от иных форм экономической активности.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, правовой статус, государственная регистрация, имущественная ответственность.

Основой для осуществления предпринимательской деятельности выступает п. 1 ст. 34 Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993, согласно которой каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Таким образом, в Конституции РФ устанавливается фундаментальная основа для ведения предпринимательской деятельности.

Определение предпринимательской деятельности установлено в п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение, прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Анализ положений ст. 2 ГК РФ с точки зрения их практической применимости позволяет обнаружить определённые законодательные пробелы. Как справедливо подмечает Г.Ф. Ручкина: «Следует обратить внимание, что в ст. 2 ГК РФ указаны исчерпывающие направления деятельности предпринимателя для получения прибыли. Данная формулировка подвергается обоснованной критике, так как она не учитывает иных возможных действий предпринимателя в рамках осуществления предпринимательской деятельности, например, производство товаров» [2, с. 23]. Изложенная точка зрения обращает внимание законодателя на необходимость пересмотра существующей формулировки,

поскольку производство товаров выступает самостоятельным и широко распространённым направлением коммерческой деятельности, незаслуженно оставленным за рамками официальной дефиниции.

Нередко возникает проблема в разграничении предпринимательской деятельности и иных форм экономической активности, в частности, деятельности самозанятых граждан, а также разовых сделок, не образующих систематического характера. Критерии, закрепленные в п. 1 ст. 2 ГК РФ, не всегда позволяют однозначно квалифицировать ту или иную деятельность. Отсутствие четких критериев систематичности порождает споры и создает риски для граждан, которые могут быть привлечены к ответственности за незаконное предпринимательство при отсутствии умысла на систематическое извлечение прибыли.

Государственная регистрация физического лица в качестве индивидуального предпринимателя выступает ключевым юридическим фактом. В соответствии с п. 1 ст. 23 ГК РФ гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Следовательно, до прохождения государственной регистрации деятельность гражданина, даже при наличии всех признаков предпринимательской деятельности, не будет признаваться законной.

Законодательство допускает возможность регистрации в качестве индивидуального предпринимателя несовершеннолетних граждан Положения ст. 27 ГК РФ предусматривают возможность признания несовершеннолетнего, которому уже исполнилось 16 лет, полностью дееспособным. Указанное решение принимается при наличии одного из двух обстоятельств: официально работает по найму либо с одобрения родителей или опекунов занимается коммерческой деятельностью. В зависимости от конкретной ситуации вопрос об эмансипации разрешается либо органами опеки, либо судебной инстанцией. Кроме того, граждане в возрастном интервале от 14 до 18 лет вправе претендовать на получение статуса индивидуального предпринимателя, однако для этого необходимо заручиться письменным согласием законных представителей, а именно родителей, усыновителей или попечителя, причём данное согласие в обязательном порядке заверяется нотариально. Важно добавить, что несовершеннолетний, подобно взрослому бизнесмену, несёт личную имущественную ответственность по обязательствам, которые возникли в результате заключённых им в ходе предпринимательской деятельности сделок. Однако в отличие от совершеннолетнего гражданина, ограничения касаются отдельных видов деятельности, таких как оборот алкогольной и табачной продукции, оружия и иных товаров, для реализации которых установлен возрастной ценз.

Предпринимательская деятельность, в отличие от иных форм экономической активности, ведется на свой страх, то есть без каких-либо государственных гарантий доходности. Предприниматель самостоятельно оценивает рыночную ситуацию, определяет направления вложения средств и принимает окончательные коммерческие решения.

«Анализ определения предпринимательской деятельности позволил выявить его основные признаки, к которым относится: самостоятельность, имущественная самостоятельность, рисковый характер, направленность на систематическое получение прибыли, легализованный характер» [1, с. 96]. В соответствии с п. 1 ст. 2 ГК РФ предпринимательская деятельность характеризуется следующими признаками: самостоятельность, имущественная самостоятельность, рисковый характер, направленность на систематическое получение прибыли, легализованный характер.

Для того, чтобы деятельность признавалась самостоятельной, она должна осуществляться гражданином от своего имени, по своему усмотрению и в своих интересах. Данный признак делится на два вида. Первым является организационная самостоятельность – это способность индивидуального предпринимателя по своему усмотрению и в своем интересе принимать решения относительно всех аспектов своей деятельности. А также имущественной самостоятельностью является наличие у предпринимателя обособленного имущества, которое служит материальной основой для осуществления предпринимательской деятельности и выступает объектом взыскания по обязательствам.

Следующим признаком является его рисковый характер. Деятельность осуществляется на свой риск, что может привести к получению незапланированного результата и убыткам. Предприниматель принимает на себя все негативные последствия своей деятельности.

Если сравнить правовое положение индивидуального предпринимателя с положением учредителя хозяйственного общества, то обнаружится одно принципиальное различие. Участник ООО рискует лишь в пределах стоимости своей доли в уставном капитале, и по долгам общества его личное имущество остаётся неприкосновенным. Индивидуальный же предприниматель отвечает по обязательствам всем, что ему принадлежит, за изъятием лишь того, на что по закону нельзя обратить взыскание. С одной стороны, такой правовой режим выглядит для индивидуального предпринимателя крайне обременительным. С другой же он дисциплинирует бизнесмена, заставляя его тщательнее просчитывать риски и избегать заведомо авантюрных проектов.

Еще одним признаком является направленность на систематическое получение прибыли. В данном признаке ключевым является не факт получения прибыли, а цель деятельности. Целью является систе-

матическое извлечение дохода от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Завершающим признаком выступает легализованный характер предпринимательской деятельности. Это означает, что заниматься ею вправе исключительно те лица, которые прошли процедуру государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей в порядке, предписанном законом.

В заключительной части, проведённого анализа, хочется отметить основные направления совершенствования законодательного регулирования статуса индивидуального предпринимателя. В научной литературе неоднократно высказывались предложения о необходимости расширения легального определения предпринимательской деятельности путём включения в него такого признака, как производственная направленность, поскольку действующая редакция ст. 2 ГК РФ упоминает лишь пользование имуществом, продажу товаров, выполнение работ и оказание услуг. Кроме того, требует уточнения критерий систематичности получения прибыли: целесообразно законодательно закрепить временные или количественные показатели, что позволит унифицировать правоприменительную практику и снизить число споров о квалификации деятельности. Также перспективным видится создание единого реестра разъяснений уполномоченных органов по вопросам отграничения предпринимательства от иных форм экономической активности, что повысит правовую определённость для граждан, начинающих коммерческую деятельность.

Подводя итог следует отметить, что легальное определение предпринимательской деятельности содержится ГК РФ, под которым понимается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение, прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Список цитируемой литературы:

1. Разумовская, Е. В. Предпринимательское право: учебник для среднего профессионального образования / Е. В. Разумовская. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Изд-во Юрайт, 2026. – 241 с.

2. Ручкина, Г. Ф. Предпринимательское право: учебник и практикум для вузов / Г. Ф. Ручкина. – Москва: Изд-во Юрайт, 2026. – 401 с.

Сахаров М.Ф., студент
ЧОУ ВО «Московский университет им. С.Ю. Витте», г. Москва
Научный руководитель – Егерева О.А., к. ю. н.,
заведующая кафедрой гражданского права и процесса

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА

Аннотация

В статье раскрывается анализ структуры такого документа как корпоративный договор. Рассматриваются подходы различных ученых к оценке и пониманию данного термина в науке. Также в статье были выявлены основные недостатки нормы, касаемой ограниченного круга субъектов, на основе чего автор делает вывод что нормы, касаемые корпоративного договора нуждаются в дополнительной законодательной проработке.

Ключевые слова: корпоративный договор; участники хозяйственного общества; корпоративные права; акционерное соглашение; кредиторы; стороны договора

В 2014 году путем внесения изменений в Гражданский кодекс, в нем появилась новая статья, посвященная Корпоративному договору и всему, что с ним связано. Эта норма объединила положения об акционерных соглашениях и договорах об осуществлении прав участников обществ с ограниченной ответственностью, которые раньше содержались в отдельных законах.

Важно отметить, что несмотря на появление нормы о корпоративном договоре его законодательного закрепления в кодексе не предусмотрено, а в пункте 1 статьи 67.2 ГК РФ оно раскрывается как перечень возможных условий реализации участниками хозяйственных обществ своих корпоративных прав [1]. По сути, корпоративный договор – это такое соглашение по которому участники обязуются действовать определенным образом либо воздерживаться от действий. К числу таких условий относятся во-первых, голосование определенным образом на общем собрании, также осуществление определенных действий по управлению обществом, и наконец, приобретение или отчуждение акционерами своих долей по заранее установленной цене или при наступлении определенных обстоятельств и воздержание от отчуждения акций до наступления таких обстоятельств.

В связи недостаточным понятийным аппаратом данного института, следует изучить какие подходы к данному определению были сформированы в науке. Так, правовед А.А. Кирилловых, определяет корпоративный договор как договор с участием самой корпорации, поскольку само происхождение «корпоративный» уже само по себе

исходит от корпораций [2]. Но данное мнение является не совсем корректным, поскольку само общество не может быть участником правоотношений по корпоративному договору, а наоборот это прерогатива самих участников.

Другая ученая в области права Е.В. Артамкина понимает под корпоративным договором источник корпоративного права, направленный на регулирование отношений, связанных с участием в хозяйственном обществе и управлением им. По ее мнению, это возмездный, консенсуальный, взаимный, многосторонний, предпринимательский, смешанный и организационно-имущественный гражданско-правовой договор, который могут заключать между собой участники, кредиторы или иные третье лица [3]. И как уже было сказано ранее, стороны обязуются осуществлять свои корпоративные права определенным образом или воздерживаться от их реализации, включая согласованное голосование и другие действия по управлению (п. 1 ст. 67.2 ГК РФ).

Обновленное регулирование корпоративного договора по своей сути направлено на расширение субъектного состава договора, где можно сказать корпоративный договор начинает выполнять функции других учредительных документов. Так, по мнению Д.И. Степанова, такие учредительные документы начинают все больше сближаться по своей природе с договором, и многие положения, которые раньше были допустимы только в отношении корпоративного договора, теперь можно включаться в устав и другие аналогичные документы.

Но на наш взгляд и по мнению некоторых ученых (Маужирна) положения ГК РФ о корпоративном договоре являются недостаточно проработанными, поскольку по закону сторонами могут быть только действующие участники хозяйственного общества, хотя допусти если взять пункт 9 статьи 67.2 ГК РФ то по нему кредиторы и иные третьи лица могут заключать договора схожие по типу с корпоративным где к ним применяются те же правила. Также под иными лицами можно понимать и потенциальных покупателей акций, которые возможно и не имеют цель намеренно становиться участниками общества (Е.А. Суханов), что сути, означает возможность скрытого приобретения корпоративных прав лицами, не связанными корпоративными обязанностями и никаким имущественным риском [4].

Таким образом, понятие «корпоративный договор», является довольно новым и еще не до конца разработанным и требующим определённого совершенства. На основе проведенного анализа мы пришли к выводу, что под таким договором следует понимать соглашение между участниками хозяйственного общества, а также иными лицами, которые имеют на это право как например, по вопросам реализации их корпоративных прав. Также важно отметить, что данный договор возможен толь-

ко в хозяйственных обществах и дает возможность и право участникам договориться о совместных действиях по осуществлению своих прав.

Список цитируемой литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Кирилловых А. А. Корпоративное право : курс лекций. – М., 2014. – 387 с.

3. Артамкина Е. В. О понятии, значении и правовой природе корпоративного договора // Власть Закона. – 2014. – № 3 (19). – С. 51-61.

4. Степанов Д. И. Новые положения Гражданского кодекса о юридических лицах // Закон. – 2014. – № 7. – С. 31-35.

5. Мажурин П. В. Дискуссионные вопросы понятия «корпоративный договор» // Политика, государство и право. – 2015. – № 12 (48). – С. 9-12.

6. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. – М. : Статут, 2014. – 354 с.

Седых Е.Р., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ПРЕДЕЛЫ САМОЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Аннотация

В статье рассматривается институт самозащиты гражданских прав, его основные характеристики и закрепление в законодательстве, примеры анализа судебной практики по самозащите, и основные точки зрения по проблеме необходимости нормативно-правового закрепления границ самозащиты.

Ключевые слова: самозащита, пределы самозащиты, границы самозащиты; правомерность.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной теории государства и права сохраняется значительный разрыв между идеальной логической моделью правовой нормы и её реальным текстуальным воплощением в нормативных правовых актах. Как справедливо отмечает М. Л. Давыдова: «ключевая проблема заключается в различении «нормы права» как идеальной модели и «правового пред-

писания» как реальной единицы текста закона» [1, с. 152]. Именно этот разрыв порождает многочисленные дефекты правового регулирования, снижающие эффективность реализации правовых норм.

Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в 2008 году около 15% опрошенных отдавали предпочтение самостоятельной защите прав, нежели юрисдикционной форме защиты [3]. К февралю 2026 года неодобрение деятельности судебной системы выразили около 30% опрошенных, а правоохранительных органов – около 20% [4]. Таким образом, в России большее количество людей, предпочитающих осуществлять защиту нарушенных или оспариваемых прав самостоятельно, используя институт самозащиты гражданских прав.

Под самозащитой гражданских прав понимается «совершение управомоченным лицом действий фактического порядка, соответствующих закону и направленных на охрану материальных и нематериальных благ» [11, с. 425]. В современных условиях самозащита рассматривается в том числе в качестве «действий, целью которых является предотвращение совершениея правонарушения» [8, с. 117].

Самозащита является одним из основных способов защиты гражданских прав, предусмотренных статьёй 12 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Однако стоит отметить, что в юридической литературе существует точка зрения, что самозащита – это форма, а не способ, и её отнесение к статье 12 ГК РФ ошибочно. К тому же, самозащита понимается одновременно и как охрана гражданских прав, и как их защита, что затрудняет определение правовой природы самозащиты [6, с. 499]. Следовательно, институт самозащиты является неоднозначным, что становится предметом споров среди цивилистов.

Тем не менее, институт самозащиты основывается на ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой каждый имеет право защищать свои права и свободы всеми способами, которые не запрещены законом. Следовательно, в том числе используя самозащиту. Согласно статье 14 ГК РФ самозащита гражданских прав допускается. Более того, «в случае нарушения как имущественного, так и неимущественного интереса, допускается защита/самозащита предусмотренными законом или договором способами» [7, с. 507].

Однако её способы должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для пресечения нарушения. То есть к допускаемым способам относятся не только необходимая оборона (ст. 1066 ГК РФ) и крайняя необходимость (ст. 1067 ГК РФ), но и иные, что затрудняет правоприменительную практику. Как отмечает С.В. Лаврова, «такое установление закона исчерпывает нормативно-

правовое регулирование действий по самозащите, что приводит к правовой неопределённости, в условиях которой оценка действий самозащиты весьма проблематична по критериям» [8, с. 117]. Соответственно, для определения правомерности применения статьи 14 ГК РФ необходимо обозначить и разграничить понятия «способы» и «пределы».

Способ – это деяния потерпевшего лица, непосредственно направленные на «восстановление нарушенного или подтверждения оспариваемого права» [1, с. 5]. Их перечень неограничен: приостановление исполнения встречного обязательства, срочное расторжение договора в одностороннем порядке, осуществление видеосъемки, снос самовольного возведённой постройки и так далее. Следовательно, способ может быть любым и будет варьироваться в зависимости от конкретной ситуации, так как более точный список отсутствует.

Пределы, на которых мы остановимся подробнее, – это границы деяний, те есть фактически самих способов, выход за пределы которых влечёт за собой переквалификацию правомерной самозащиты в правонарушение. Однако данное понятие является оценочным, а это значит, что на него будут влиять сразу несколько факторов, независящих от воли лица, такие как характер первоначального правонарушения или его угрозы, нормативное закрепление самого способа и так далее. В том числе именно суд определяет, нарушены ли пределы, поскольку согласно статье 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации оценка доказательств судом основывается на своём внутреннем убеждении.

Таким образом, не смотря на предусматриваемую объективность, субъективные факторы также влияют на определение пределов, вследствие чего, как отмечают Пасынкова Е.М. И Переберина И.Е., «споры о законности применения самозащиты становятся предметом рассмотрения в судах» [10, с. 3].

Судебная практика очень сильно рознится в том числе по вопросу границ самозащиты. Так, например, по делу №А21-1030/2020 суды первой и апелляционной инстанции признали скрытую видеофиксацию неправомерного использования исключительных прав на товарный знак злоупотреблением права, однако кассационная инстанция Постановлением №С01-361/2021 определила, что в местах, очевидно и явно открытых для общего посещения и не исключенных в силу закона или правового обычая от использования видеозаписи, является способом самозащиты гражданского права», ссылаясь на ст. 12 и 14 ГК РФ, ч. 2 ст. 45 Конституции РФ и ч. 2 ст. 64 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ. Тем не менее, подобные случаи вызывают споры не только в порядке обжалования.

Так, например, Барышников М.Ю. [2, с. 4] приводит дела № А05–580/2017 и № 33–3278/2012, в которых суды по-разному оценили право-

мерность действий по самостоятельному сносу самовольной постройки при схожих обстоятельствах. Исходя из этого и иных случаев из судебной практики, можно сделать вывод, что практика по данному вопросу не устоялась и лицам, участвующим в деле, тяжело заранее оценить характер своих действий и то, как они характеризуются судом.

К тому же вопрос механизма самозащиты в гражданском праве подробно не регламентируется и иными нормативно-правовыми актами. Хотя в пункте 10 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» сказано, что самозащита должна соответствовать способу и характеру нарушения, она не исключает судебную защиту и может быть выражена в воздействии лица как на свое собственное или находящееся в законном владении имущество, так и на имущество правонарушителя в случаях необходимой обороны или крайней необходимости. Однако более подробное описание рамок действия института всё также отсутствует, что также делает применение на практике положений ст. 14 ГК РФ затруднительным.

Из этого возникает вопрос о необходимости и целесообразности обозначения чётких границ регулирования самозащиты. На этот счёт существует несколько точек зрения. Так, согласно первой из них, необходимы «отдельные, независимые критерии пропорциональности границ самозащиты в отношении отдельных гражданско-правовых мер» [5, с. 28]. В том числе – законодательное закрепление положений, в соотвествии с которыми «самозащита субъективных вещных прав должна быть направлена не только на пресечение действий лица, связанных с нарушением правомочий собственника (владения, пользования и распоряжения), но и в связи с предупреждением (недопущением) совершения правонарушения, а также восстановлением любого или всех правомочий собственника, если такие действия не являются самоуправством» [9 с. 245] при помощи которых удастся ограничить субъективность судов и сделать их решения более предсказуемыми и обоснованными для участников с точки зрения законодательного закрепления конкретных критериев. С их помощью судебная практика может стать более стабильной и снизить количество апелляционных и кассационных жалоб. Согласно второй точке зрения, введение таких критериев и мер непозволительно, так как «это противоречит целям и задачам отечественного гражданского законодательства, принципам диспозитивности и свободе выбора поведения» [1, с. 7]. Таким образом, в юридической литературе ведутся споры и отсутствует общее мнение о наиболее эффективном предложении решения данной проблемы, поэтому вопрос остаётся открытым.

Подводя итоги, можно сказать, что, не смотря на нерешенность вопроса границ самозащиты, удалось вывести ряд обобщённых катего-

рий, которые не противоречат принципу диспозитивности, но при этом позволяют судьям ориентироваться при вынесении решения. К ним в комментариях к ст. 14 ГК РФ отнесли три условия правомерности: наличие нарушения права или возможности его нарушения; необходимость пресечения или предупреждения нарушения; соответствие мер характеру и содержанию правонарушения.

Невзирая на неточный характер, границы позволяют разграничить явное правонарушение от самозащиты и реализовать гражданам в современных условиях свое конституционное право на защиту нарушенных или оспариваемых прав

Список цитируемой литературы:

1. Барышников, М.Ю. Соотношение способов и пределов самозащиты в гражданском праве: теоретико-прикладной аспект / М.Ю. Барышников // Юридическая наука. – 2022. – С. 4-8.

2. ВЦИОМ. Только треть россиян готова судиться за свои права [Электронный ресурс] // РБК. – 2008. – 5 марта. – URL: https://www.rbc.ru/society/05/03/2008/5703cb7c9a79470eaf7698d3?ysclid=mn3g6lk9k3235623585 (дата обращения: 23.03.2026).

3. ВЦИОМ. Деятельность общественных институтов [Электронный ресурс]: рейтинг // ВЦИОМ. – URL: https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-obshchestvennykh-institutov/page (дата обращения: 23.03.2026).

4. Денисов, И.М. Видеофиксация как способ самозащиты гражданских прав: обзор судебной практики / И.М. Денисов, М.И. Лещинский, Е.А. Марченкова // Электронный научный журнал «Дневник науки» №7. – 2022.

5. Королева, Д.В. Проблемы нормативно-правового регулирования самозащиты в Российской Федерации: обзор судебной практики / Д.В. Королева, З.Р. Галиева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – №4-4. – С. 28-31.

6. Лаврова, С.В. Защита и охрана гражданских прав: к вопросу о соотношении понятий / С.В. Лаврова // Устойчивое развитие России в период нестабильности: внешние вызовы и перспективы: материалы XII очной международной научно-практической конференции (26 апреля 2018 г., г. Липецк) / под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. Г.Ф. Графовой, канд. юрид. наук, доц. А.Д. Моисеева. – Елец: ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», 2018. – 701 с. – С. 496-503.

7. Лаврова, С.В. Нематериальный интерес в обязательственных правоотношениях и право на их самозащиту // Международная научно-практическая конференция: «Цифровые трансформации в развитии экономики и общества: матерналы XV международной научно-практической конференции/ 21 апреля 2021 г. (г. Липецк) / под общ.

ред. канд. юрид. наук, доц. А.Д. Монсеева. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2021. – 578 с. – С. 504-508.

8. Лаврова, С.В. О формах защиты и самозащиты гражданских прав / С.В. Лаврова // Юридическая наука. – 2017. – №6. – С. 113-119.

9. Лаврова, С.В. Самозащита вещных прав и законных интересов собственника и иного титульного владельца. // Глобальная трансформация России в эпоху цифровизации: проблемы, особенности, тенденции: материалы XIII международной научно-практической конференции (17 апреля 2019 г.) г. Липецк. – Елец: ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», 2019. – С. 241-247.

10. Пасынкова, Е.М. Пределы осуществления самозащиты прав / Е.М. Пасынкова, И.Е. Переберина // E-Scio. – 2022. – №12 (75). – С. 3-8.

11. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. – 958 с

Селищев Д.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ В СЕМЕЙНЫХ ПРАВОТНОШЕНИЯХ

Аннотация

В статье рассмотрены особенности применения медиации при разрешении семейно-правых конфликтов и определены порядок и перспективы применения данного института.

Ключевые слова: Медиация, семейный конфликт, медиативные процедуры.

Развитие общество и усложнение социальных связей привело к значительному увеличению судебных споров, и как следствие росту нагрузки на судебный аппарат.

«Индустриальный и информационный прогресс привели к тому, что возросло количество и сложность возникающих споров, что увеличило загруженность судов различный уровней судебными разбирательствами. Однако и после вынесения судебных актов проблем не стано-

вится меньше, возникают сложности с исполнением судебных решений. Учитывая затраты материальных средств физических и юридических лиц на судебные разбирательства, а также стресс, получаемый сторонами, возникает очевидная необходимость поиска дополнительных процедур урегулирования споров между сторонами» [3, с. 231].

Одним из возможных решений данной проблемы является увеличение случаев использования медиативных процедур при разрешении правовых конфликтов. Медиация – это альтернативный способ разрешения споров, в котором независимый посредник(медиатор) помогает сторонам достичь компромисса в их конфликте. Иначе говоря, медиация – это проведение переговоров между спорящими сторонами с участием третьего лица с целью разрешение конфликта без участие государственных органов. Медиация используется во многих отраслях право, но особая ценность медиации как способа разрешения споров проявляется в семейном праве. Это связано с тем, что семейные конфликты возникают между близки людьми и из-за этого имеют особо острых характер. К тому же государственная политика в области семейных отношений главной своей целью ставит сохранение семьи как важнейшего элемента общества, поэтому особенно важно разрешать внутри семейные противоречия, без разрушения семьи, наиболее благоприятным способом.

Возможность привлекать независимого посредника при решении споров продекларирована в Федеральном законе от 27 июля 2010 г. №193-ФЗ «Об Альтернативной процедуре урегулирование споров с участием посредника (процедуре медиации)» [1] (далее-Закон). Этот нормативный акт стоит у истоков создания и применения института медиаторов. К медиатору как ключевой стороне при разрешении конфликта закон предъявляет ряд важных требований. Закон разделяет медиаторов на профессиональных и непрофессиональных. Непрофессиональные должны достичь восемнадцати лет, быть полностью дееспособными и не иметь судимости. Профессиональные медиаторы должны достичь возраста двадцати пяти дет и иметь профессиональное образование в области медиации.

Процедура медиации базируется на рядя обязательных принципов: добровольность (означает, невозможность привлечение какой-либо стороны к участию в процедуре медиации по принуждению), конфиденциальность (заключается в том, что информация, полученная в ходе данной процедуры, не должна разглашаться), беспристрастности и независимости медиатора.

Сущность процедуры медиации заключается в том, что конфликтующие стороны проводят одну или несколько встреч при участии посредника и пытаются выработать приемлемый для всех вариант решение

проблемы. По итогам может быть составлено соглашение в виде гражданско-правовой сделки, которая может быть утверждена в качестве мирового соглашения. Суды стремятся активно привлекать медиаторов для решения возникающих семейных конфликтов, «как показывает практика суды доверительно относятся к процедуре медиации. Если говорить о примере Липецких судов, то следует, отметить, что судьи действительно, видя возможность разрешения конфликта при помощи медиации, предлагают данный способ по урегулированию спора» [3, с. 232].

Однако не смотря на все преимущества этой процедуры и кажущуюся выгоду от участия в ней, медиация при разрешении семейных конфликтов остается не столь популярной в нашей стране по ряду причин:

- во-первых, экономические причины в большинстве регионов нашей страны отсутствует инфраструктура для проведения медиации, нет специалистов, а там, где они есть стоимость их услуг достаточна высока, для большинства населения;

- во-вторых, правовые несмотря на наличие закона о процедуре медиации, остается не мало проблем его применения, так, в частности отсутствие механизм, способствующий к принудительному исполнению решений принятого с участие медиатора, а это в свою очередь значительно снижает ценность применения данной процедуры;

- в-третьи социальные причины, медиативные услуги, хоть и становятся популярнее с каждым годом, все же большинство, населения скептически относится к подобному способу разрешения конфликтов, особенно в сфере семейных взаимоотношений.

К тому же важно помнить, что «в отношении не всех споров медиация может быть приемлема. Сюда относятся случаи, когда стороны не заинтересованы в разрешении конфликта по какой-либо причине; стороны имеют психологическое отклонение, деменцию или зависимость; в ситуации, когда от сторон, участвующих в процедуре медиации, не зависит принятие решения» [2, с. 207].

Подводя итоги выше сказанному хочется отметить, что процедура медиации имеет большой потенциал и не смотря на некоторые проблемы правоприменительной практике может стать в будущем основным способом разрешения правовых конфликтов, поскольку ставит своей целью разрешение споров без применения карательных санкции, что особенно важно в семейных спорах.

Список цитируемой литературы:

1. Об Альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ принят Гос. Думой 7 июля 2010 г.: одобрен Советом Федерации 14 июля 2010 г. [ред. от 26 июля 2019 г.] //

Собрание законодательство Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.

2. Жиденко, А.А., Нигматулина, Я.О. Медиация как эффективный способ урегулирования семейных конфликтов / А.А Жиденко, Я.О. Нигматулина // Гуманитарии юга России – 2019. – № 4 – С. 201–208.

3. Лаврова, С.В. Проблемы и перспективы развития медиации / С.В. Лаврова // Материалы XIX Всероссийской очной научно-практической конференции, посвящённой 25-летию филиала. – 2025. – С. 231–235.

Серикова Ю.С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

МЕДИАЦИЯ В СЕМЕЙНЫХ СПОРАХ: АЛЬТЕРНАТИВА СУДЕБНЫМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВАМ

Аннотация

В статье анализируется институт медиации как эффективный механизм урегулирования семейных конфликтов вне судебной системы. Рассматривается правовая природа медиации, ее преимущества перед традиционным судопроизводством в контексте сохранения детско-родительских отношений и конфиденциальности. Особое внимание уделяется анализу практических сложностей внедрения медиативных процедур в российскую правовую культуру, а также перспективам законодательного закрепления обязательной досудебной медиации по отдельным категориям семейных дел.

Ключевые слова: медиация, семейные споры, альтернативное разрешение конфликтов, примирительные процедуры, Семейный кодекс РФ, интересы ребенка, восстановительные технологии.

Семейно-правовые конфликты традиционно относятся к числу наиболее эмоционально насыщенных и психологически затратных категорий дел. Развод, раздел имущества, определение места жительства ребенка или порядок общения с ним – каждое из этих разбирательств сопряжено не только с юридическими, но и с глубинными личностными переживаниями участников. В классической парадигме правосудия спор разрешается судом путем вынесения императивного решения, которое зачастую не устраивает одну из сторон, а иногда и обе. Именно здесь

возникает запрос на альтернативные методы, и медиация выступает наиболее разработанной и востребованной в мире процедурой.

«В современном понимании этого слова, «медиация – это путь к осмысленному взаимоприемлемому решению, основанному на консенсусе между сторонами, вовлеченными в спор. Медиация представляет собой форму участия нейтрального лица – медиатора – в процедуре разрешения спора. Медиация – это особая форма посредничества. Роль медиатора как беспристрастной третьей стороны заключается в содействии сторонам, добровольно участвующим в процедуре медиации, при выработке взаимоприемлемого и жизнеспособного решения» [7, с. 14]. Правовой основой медиации в России является Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Однако, несмотря на более чем десятилетнюю историю существования закона, медиация в семейной сфере до сих пор не стала рутинной практикой.

Ключевое отличие медиации от судебного разбирательства заключается в смене базового принципа. Суд работает в парадигме «правда – неправда», «выигрыш – проигрыш» (win-lose). Медиация же ориентирована на модель «выигрыш – выигрыш» (win-win). «Важным механизмом медиативного процесса является обязательное участие в решении конфликта (или устранении его последствий) всех вовлеченных в него сторон при посредничестве беспристрастного посредника. В отличие от судебного разбирательства при восстановительной медиации не нагнетается атмосфера конфронтации поиском виновных. В процедуре медиации переговоры ведутся на основе сталкивающихся интересов. Решение по существу дела в процессе медиации принимает не третья сторона, а сами конфликтующие стороны» [5, с. 6]. Для семейных отношений это имеет решающее значение, поскольку после развода или иного конфликта бывшие супруги, как правило, продолжают взаимодействовать – особенно при наличии несовершеннолетних детей. Судебное решение, навязанное извне, редко порождает искреннее желание его добросовестно исполнять. Медиативное соглашение, напротив, является продуктом совместного творчества сторон, что многократно повышает его легитимность в глазах участников.

Рассмотрим ключевые преимущества медиативной процедуры перед классическим судебным разбирательством. Первое, о чём стоит сказать, – это закрытость процесса. Когда дело идёт через суд, то там почти всегда всё происходит открыто. Любой желающий может прийти и послушать, а это значит, что личные подробности из жизни семьи – кто сколько зарабатывает, кто как себя ведёт, какие там были ссоры – становятся доступны посторонним. Согласитесь, неприятно. А вот медиация проходит за закрытыми дверями. Всё, что говорят стороны во

время встреч с медиатором, остаётся между ними. Никто не вынесет это на публику. Благодаря этому люди чувствуют себя спокойнее и могут говорить честно, не оглядываясь на чужое мнение.

Второй момент – это время и деньги. Судебные тяжбы по семейным делам – это известная история, которая может тянуться годами. Особенно если назначают экспертизу, запрашивают какие-то справки, а потом ещё кто-то подаёт апелляцию. В общем, замучаешься ждать. Медиация же решается быстро. Обычно хватает двух-пяти встреч, и за два месяца почти всегда укладываются. По деньгам тоже выгоднее. Услуги медиатора стоят дешевле, чем если сложить госпошлину, адвокатов и все сопутствующие расходы в суде. Это уже многими подсчитано.

Третий важный плюс – отношения между людьми. В семье ведь как: даже если люди разводятся, им всё равно дальше общаться, особенно если есть дети. Суд обычно работает по принципу «найти виноватого и наказать». А медиатор совсем не об этом. Он не пытается выяснить, кто прав, а кто нет, и не накаляет обстановку. Наоборот, он помогает сторонам услышать друг друга. И для ребёнка это очень ценно. Когда он видит, что мама с папой перестали воевать и начинают договариваться, это гораздо меньше травмирует его психику. Можно сказать, что медиация спасает детей от лишних переживаний.

«И четвёртое – гибкость решений. Судья всегда действует по закону. Какие варианты прописаны в кодексе, только те он и может предложить. А жизнь бывает разная. У одного родителя работа посменная или вахтовая, у ребёнка – тренировки по странному расписанию, денег в обрез. Суд на это обычно не смотрит. А медиация позволяет учесть всё: и график, и привычки ребёнка, и финансовые возможности семьи. В итоге стороны могут подписать такое соглашение, которое устроит всех, главное, чтобы оно не нарушало закон и не ущемляло чужие права» [3, с. 171].

Практика применения медиации в России сталкивается с рядом системных проблем. Первая проблема – низкая медиативная культура. Как отмечает В. О. Аболонин: «За неполные четыре года после вступления Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в силу многим из тех, кто уповал на наступление «эры примирения» стало понятно, что принятие закона не решает существующих проблем и развитие примирительных процедур требует особой государственной политики и принятия целого комплекса мер. Приходится признавать, что развитие медиации в России, как и в любой другой стране, – это сложный и длительный процесс. При этом применение судебной медиации – примирительной процедуры в уже начатом судебном процессе – часто носит экспериментальный характер и дает свои положительные результаты лишь в нескольких регионах страны» [1, с. 7]. Тре-

тья проблема – кадровый вопрос. Профессиональных медиаторов, специализирующихся именно на семейных конфликтах, катастрофически мало, а качество их подготовки варьируется.

В зарубежных юрисдикциях (например, в Германии, Канаде, Австралии) медиация по семейным делам нередко является обязательной досудебной стадией. Стороны могут отказаться от нее, но только по уважительным причинам (например, подтвержденное насилие). Российский законодатель пока не решается на столь решительный шаг, хотя в научной литературе активно обсуждается идея введения обязательной медиации по спорам о детях. Представляется, что разумным компромиссом могло бы стать закрепление в Семейном кодексе РФ правила, согласно которому суд вправе направить стороны на медиацию без их согласия при наличии признаков затяжного конфликта, затрагивающего интересы ребенка, с правых сторон заявить мотивированный отказ.

Перспективы развития медиации в семейном праве России связаны также с внедрением технологий онлайн-медиации. «И несомненным плюсом онлайн-медиации можно назвать то, что онлайнпосредничество позволяет сторонам быстрее урегулировать свои разногласия именно из-за возможностей виртуального общения, не требующего сопряжения свободного времени под графики работы и занятости, затрат на поездки для личного общения, тем более, если речь идет о дальних расстояниях, в некоторых случаях, когда спор между сторонами находится в острой стадии и встречи «вживую» могут сыграть роль катализатора и привести к состоянию открытого конфликта – от взаимных оскорблений до рукоприкладства и причинения телесных повреждений» [4, с. 233].

Отдельного внимания в контексте рассматриваемой проблемы заслуживает процедура медиации с вовлечением в неё несовершеннолетних. Зарубежная практика выработала ряд специализированных протоколов, в рамках которых мнение ребёнка может быть выявлено в присутствии посредника, однако при исключении родителей из процесса, что достигается за счёт использования безопасных и игровых методик. Российское законодательство об альтернативном урегулировании споров не содержит прямого запрета на подобное участие детей, но при этом не устанавливает и каких-либо правил его осуществления. Устранение данного правового вакуума относится к числу приоритетных задач развития медиативного института в ближайшей перспективе.

Резюмируя вышесказанное, необходимо констатировать: медиацию не следует расценивать в качестве универсального инструмента, способного разрешить любые семейные противоречия. Вместе с тем, для значительной части конфликтов (прежде всего, тех, где отсутствуют проявления насилия и стороны ещё способны к конструктивному диалогу) она выступает подлинной, ненасильственной и финан-

сово оправданной заменой государственному правосудию. Отказ от логики «борьбы за истину» в пользу логики «совместного поиска решений на будущее» знаменует собой не просто изменение юридического инструментария – это сдвиг в самом понимании семейных отношений. Именно в этом сдвиге кроется возможность свести к минимуму психологические травмы детей и обеспечить сохранение личного достоинства каждого, кто вовлечён в конфликтную ситуацию.

Список цитируемой литературы:

1. Аболонин, В. О. Судебная медиация: теория, практика, перспективы / В. О. Аболонин. – Москва : Infotropic Media, 2014. – 405 с. – ISBN 978-5-9998-0196-8. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/book/58151 (дата обращения: 07.04.2026). – Режим доступа: для авториз. пользователей.

2. Бессонова, В. В. Применение медиации в семейных спорах: проблемы и перспективы / В. В. Бессонова // Российское правосудие. – 2020. – № 12. – С. 47–53.

3. Давыденко, Д. Л. Как избежать судебного разбирательства: медиация в бизнесе, семейных, трудовых и других спорах / Д. Л. Давыденко. – Москва : Инфотропик Медиа, 2018. – 184 с.

4. Лаврова, С. В. Проблемы и перспективы развития медиации – Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия: материалы XIX Всероссийской очной научно-практической конференции, посвященной 25-летию филиала (г. Липецк, 27 мая 2025 г.) / под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Е.А. Гончаровой. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2025. – 480 с.

5. Агапова, И. С. Проблемы преступности несовершеннолетних: Психологические особенности личности подростка и восстановительная медиация – Медиация как новая технология разрешения уголовно-правового конфликта с участием несовершеннолетнего: оценки эффективности и перспективы развития [Элетронный ресурс]: сборник статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Я.А. Корнеевой, Н.Ю. Скрипченко, Л.И. Шаховой; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Электронные текстовые данные. – Архангельск, САФУ, 2020 – 50 с. ISBN 978-5-261-01474-4

6. Паркинсон, Л. Семейная медиация: восстановительный подход в разрешении конфликтов / Л. Паркинсон ; перевод с английского. – Москва : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2015. – 268 с.

7. Шамликашвили, Ц. А. Медиация – как современный метод внесудебного разрешения споров / Ц.А. Шамликашвили. – М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2017 – 77 с. ISBN 978-5-98872-040

Смольянинов Д.Д., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ПОНЯТИЕ БЕСПИЛОТНОГО ЛЕТАТЕЛЬНОГО АППАРАТА КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

Аннотация

В статье исследуется гражданско-правовая характеристика беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Анализируются законодательные подходы к определению БПЛА, выявляются их сущностные признаки как объектов гражданских прав: отнесение к вещам, движимому имуществу, сложным и технически сложным товарам. Обосновывается необходимость разграничения понятий «беспилотный летательный аппарат» и «беспилотная авиационная система» в договорных отношениях.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат, объект гражданского оборота, сложная вещь, беспилотная авиационная система, правовой режим.

Стремительное развитие научно-технического прогресса привело к активному внедрению беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) не только военную, но и в гражданскую сферу. Сегодня они используются для аэрофотосъемки, картографии, мониторинга инфраструктуры, доставки грузов и многих иных целей. Однако столь широкое применение обгоняет правовое осмысление статуса БПЛА. Несмотря на наличие отдельных норм в воздушном законодательстве, гражданско-правовая характеристика БПЛА как объекта оборота остается во многом неопределенной, что порождает коллизии при совершении сделок, распределении ответственности и страховании рисков. Основной целью данного изучения является анализ действующего законодательства для выявления юридически значимых признаков БПЛА и формулирование понятия в контексте гражданско-правового оборота.

Прежде всего следует обратиться к легальному определению. Статья 32 Воздушного кодекса РФ закрепляет: «Беспилотное воздушное судно – воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот)» [2]. Данное определение имеет ярко выраженную отраслевую (воздушно-правовую) специфику, акцентируя внимание на способе управления, но не раскрывая гражданско-правовые свойства БПЛА.

Поэтому для целей гражданского оборота необходимо применять системный анализ норм Гражданского кодекса РФ [1] (далее – ГК РФ).

В соответствии со ст. 128 ГК РФ [1] БПЛА относится к категории вещей (материальных объектов). Следующим аспектом является его отнесение к движимому или недвижимому имуществу. Согласно ст. 130 ГК РФ [1], к недвижимости относятся, в том числе, воздушные судна, подлежащие государственной регистрации. Однако в отношении БПЛА гражданского назначения Постановление Правительства РФ от 25 мая 2019 г. №658 установлен не регистрационный, а учетный порядок (для аппаратов массой от 0,25 до 30 кг) [3]. Это позволяет сделать следующий вывод: БПЛА гражданского назначения являются движимым имуществом, поскольку правовой режим не предполагает государственной регистрации как недвижимости.

Важным признаком БПЛА выступает квалификация его в качестве сложной вещи. В силу ст. 134 ГК РФ [1], если различные вещи соединены так, что предполагает использование по общему назначению, сделка распространяется на все такие вещи. Беспилотный аппарат представляет собой совокупность множества деталей, узлов, аккумуляторов, пропеллеров и электронных блоков, объединенных единой целью – обеспечить полет устройства. Следовательно, при продаже, аренде или ином отчуждении БПЛА презюмируется, что передаются все его составные части, если договором не предусмотрено иное.

Кроме того, БПЛА относится к технически сложным товарам. Перечень таких товаров утвержден Постановлением Правительства от 10 ноября 2011 г. №924, и в него включены «летательные аппараты с двигателем внутреннего сгорания (электродвигателем)» [4]. Большинство гражданских квадракоптеров и мультикоптеров имеют электродвигатели. Данный признак имеют практическое значение для защиты прав потребителей: согласно ст. 18 Закона РФ «О защите прав потребителей» [6], возврат технически сложного товара ненадлежащего качества по истечении 15 дней возможен лишь при обнаружении существенного недостатка, нарушении сроков устранения либо невозможности использовать товар более 30 дней в течение гарантийного года.

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении понятий «беспилотный летательный аппарат» и «беспилотная авиационная система» (БАС). Пункт 6 ст. 32 Воздушного кодекса РФ [2] определяет БАС как комплекс, включающий одно или несколько БВС, средства управления (станцию внешнего пилота, линию управления) и средства взлета-посадки. С технической точки зрения БАС – это соединение различных вещей, образующих сложную вещь. Однако отраслевое законодательство не распространяет на БАС автоматическое действие ст. 134 ГК РФ [1], что создает правовую неопределенность. Например,

при заключении договора купли-продажи только «беспилотного летательного аппарата» (без упоминания пульта управления) продавец может формально передать одно лишь летательное устройство, тогда как без наземной станции его эксплуатация фактически невозможна. В связи с этим предлагается различать БПЛА в техническом смысле, то есть летательный аппарат непосредственно, и БПЛА в гражданско-правовом смысле, то есть всю беспилотную авиационную систему как единый имущественный комплекс, необходимый для эксплуатации устройства. Для устранения правового пробела считается целесообразным дополнить содержание статьи 134 ГК РФ [1] или разъяснить в Постановлении Пленума ВС РФ [5], что сделки в отношении БПЛА охватывают все элементы БАС, необходимые для функционирования устройства, если иное не установлено договором.

Список цитируемой литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ: (в ред. от 30 января 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 12. – Ст. 1383.

3. Постановление Правительства РФ от 25 мая 2019 г. № 658 «Об утверждении Правил учета беспилотных гражданских воздушных судов…» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 22. – Ст. 2851.

4. Постановление Правительства РФ от 10 ноября 2011 г. № 924 «Об утверждении перечня технически сложных товаров» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 46. – Ст. 6549.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 3.

6. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»: (в ред. от 5 декабря 2022 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 15. – Ст. 766.

Степанищева Е.П., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ПРИЁМНАЯ СЕМЬЯ КАК ФОРМА УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Аннотация

Данная работа посвящена изучению правового статуса приемной семьи как одного из приоритетных способов семейного жизнеустройства детей-сирот и тех, кто потерял родительский уход. В материале рассмотрены критерии отбора граждан, желающих стать приемными родителями, раскрыты условия подписания договора о приемной семье, а также затронуты трудности, возникающие в правоприменительной практике. По итогам анализа автором предлагаются меры по усилению государственной поддержки таких семей

Ключевые слова: приёмная семья; дети-сироты; опека и попечительство; договор о приёмной семье; воспитание; социальная поддержка.

Институт приёмной семьи является одной из ключевых форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в Российской Федерации. В отличие от усыновления, которое предполагает полную правовую связь между ребёнком и усыновителем, приёмная семья основывается на срочном договорном характере отношений. Актуальность темы обусловлена государственной политикой, направленной на деинституционализацию воспитания детей-сирот, то есть сокращение числа детских домов и приоритет семейных форм воспитания.

Правовое регулирование отношений в приёмной семье осуществляется Семейным кодексом Российской Федерации (далее – СК РФ) и Федеральным законом от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве». Согласно ст. 152 СК РФ, приёмной семьёй признается опека или попечительство над ребёнком, осуществляемые по договору о приёмной семье, заключаемому между органом опеки и попечительства и приёмными родителями.

Законодатель предъявляет строгие требования к кандидатам в приёмные родители. Во-первых, обязательным условием является совершеннолетие и дееспособность лица. Во-вторых, закон устанавливает перечень лиц, которые не могут быть приёмными родителями. К таковым относятся лица, лишённые родительских прав или ограниченные в них; бывшие усыновители, если усыновление отменено по их

вине; лица, имеющие судимость за тяжкие или особо тяжкие преступления против личности или общественной безопасности. Также учитываются иные критерии, предусмотренные Постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2013 г. № 117 «Об утверждении перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребёнка, принять его под опеку (попечительство)...». Это положения о состоянии здоровья кандидата: наличие туберкулёза, инфекционных заболеваний, психических расстройств, наркомании или алкоголизма является абсолютным препятствием.

Важным требованием является также прохождение кандидатами психолого-педагогической подготовки (школы приёмных родителей). Исключения из этого правила предусмотрены для близких родственников ребёнка или для лиц, уже имеющих опыт воспитания приёмных детей.

Организационной и правовой основой существования приёмной семьи выступает договор. В науке гражданского и семейного права ведутся споры о правовой природе этого договора. Одни учёные, в частности Л.Ю. Михеева, полагают, что данный договор является разновидностью договора об оказании услуг. Другие, например, А.М. Нечаева, настаивают на его самостоятельной семейно-правовой природе, так как предметом договора являются личные неимущественные отношения по воспитанию, которые не могут быть предметом гражданско-правового договора.

Содержание договора о приёмной семье включает в себя сведения о ребёнке или детях, передаваемых на воспитание, срок действия договора, условия содержания, воспитания и образования ребёнка, права и обязанности приёмных родителей, а также размер оплаты их труда и меры социальной поддержки. Срок действия договора варьируется, но в большинстве случаев заключается до достижения ребёнком совершеннолетия, хотя может быть и краткосрочным (например, на время тяжёлой болезни матери).

Одной из актуальных проблем современного российского законодательства является отсутствие чёткого разграничения между приёмной семьёй и патронатным воспитанием (которое в ряде регионов применяется как переходная форма). Также практика показывает высокую частоту расторжения договоров по инициативе приёмных родителей из-за профессионального выгорания или трудного поведения подростков].

Обычно те, кто вырос в детском доме, привыкают к самостоятельной жизни тяжелее остальных. Им не с кем посоветоваться, не на кого опереться в трудную минуту. Непривычная обстановка, где все приходится решать самому, выбивает почву из-под ног. Человек не знает, где ему жить, кем работать, чем вообще заняться. Да и прокор-

мить себя без посторонней помощи удается не сразу. Как отмечает Т. Ю. Науменко: «Практические и научные исследования свидетельствуют о том, что многие выпускники детских домов недостаточно подготовлены к выбору своего жизненного пути, отличаются неприспособленностью к самостоятельной жизни, низкой социальной активностью. Отсутствие помощи по интеграции в естественный социум, проблемы занятости и жилищные проблемы выпускников, создавших семьи, нередко становятся причинами рождения такими родителями социальных сирот в будущем» [1, с. 128].

Помимо законодательных тонкостей, на практике всплывает и другая сторона вопроса. Даже при идеально составленном договоре и полном соблюдении всех формальностей внутри семьи нередко возникают напряжения, которые законом не урегулировать. Речь идет о психологической совместимости. Один и тот же ребенок у разных людей вызывает совершенно разные чувства. То, что один взрослый терпит и принимает, другого выводит из себя. И никакие курсы подготовки здесь не помогают, если нет внутреннего расположения.

Также стоит сказать про отношение окружения. Соседи, дальние родственники, учителя в школе – все они порой смотрят на приемную семью с недоверием. Детей из детских домов часто считают «трудными» заранее, еще до того, как те успели что-то сделать. Это давит и на родителей, и на ребенка. В результате семья замыкается в себе, перестает искать помощи, а проблемы копятся.

Кроме того, сами приемные родители не всегда готовы признать, что устали или не справляются. Многие боятся, что если они пожалуются, ребенка сразу заберут. Поэтому молчат до последнего, пока терпение не лопнет. А потом следует разрыв договора, который больно бьет по всем: и по взрослым, и по детям, которые снова оказываются в системе.

Еще один нерешенный вопрос – это судьба детей, которые не подходят под стандартные критерии. Например, подростки с тяжелым прошлым, ребята с особенностями развития или серьезными болезнями. Найти для них семью очень трудно. Государство платит за таких детей больше, но деньги не решают главного: нужны особые навыки, выдержка и поддержка специалистов, которую на местах получить почти невозможно.

Вот почему одними поправками в Гражданский кодекс или Семейный кодекс тут не обойтись. Нужна целая система: отбор, обучение, сопровождение, подстраховка. И главное – честный разговор о том, что приемная семья – это не подвиг и не геройство, а тяжелая работа, за которую должны платить достойно и помогать всегда.

Когда молодые люди остаются одни, без родительского плеча, и только начинают свою взрослую жизнь, они часто спотыкаются на

ровном месте. Им не хватает обычных житейских навыков, которые в семьях прививаются с детства. Чтобы таких срывов было меньше, нужны специальные места, где выпускники детских домов могли бы пожить какое-то время, набраться опыта, оглядеться и только потом выходить в большой мир.

Что касается приемных семей, то здесь государство тоже старается подбодрить людей материально. Те, кто берет ребенка из детдома, получают от властей несколько видов выплат. Во-первых, это разовый перевод денег в тот момент, когда ребенок только переступает порог нового дома. Во-вторых, приемным родителям каждый месяц начисляют зарплату – ее размер в разных регионах свой и зависит еще от того, сколько детей взято в семью. В-третьих, ежемесячно выделяются суммы на то, чтобы кормить, одевать и обеспечивать всем необходимым самого ребенка.

Как пишет С.В. Лаврова, «Детская деревня-SOS представляет собой несколько неполных семей, живущих на одной территории. Во главе каждой семьи стоит SOS-мама, вокруг которой объединяются дети, ставшие сиротами или оставшиеся без опеки или попечения со стороны своих родителей по разным причинам в возрасте до шестнадцати лет. Детские деревни располагаются вблизи населённых пунктов. На территории деревни-SOS вблизи друг от друга располагаются от 10 до 15 домов. В каждом доме проживает семья, состоящая из SOS-мамы и приёмных детей, которых может быть разное количество от 4 до 10, поскольку в разное время они могут вырастать и покидать дом в детской деревне, который заменил им родной дом и семью. Следует отметить, что при распределении детей учитываются родственные связи между ними, и по общему правилу родные братья и сестры попадают в один дом в детской деревне и воспитываются вместе, их не разъединяют, то есть отдаётся приоритет совместному проживанию родных братьев и сестёр независимо от их возраста и пола, если это не противоречит их интересам» [2, с. 41].

В 2025–2026 годах в законодательство были внесены изменения, касающиеся цифровизации учёта детей-сирот и кандидатов в приёмные родители. Создание единой государственной информационной системы «Дети-сироты» позволило ускорить процедуру подбора семьи, однако, как отмечает О.Ю. Широкова: «цифровая платформа не может заменить личного контакта и психологической совместимости, которые остаются главными условиями успешности приёмной семьи» [3, с. 111].

В заключение следует отметить, что приёмная семья в России является эффективной и востребованной формой семейного воспитания. Для дальнейшего совершенствования этого института необходимо не

только повышать размер вознаграждения приёмным родителям, но и усиливать систему психолого-педагогического сопровождения таких семей на протяжении всего срока действия договора. Профилактика вторичных отказов от детей – вот главная задача, стоящая сегодня перед органами опеки и попечительства.

Анализ правоприменительной практики последних лет свидетельствует о том, что одной из наиболее частых причин расторжения договора о приёмной семье является профессиональное выгорание приёмных родителей, возникающее, как правило, на третьем-четвертом году воспитания. В связи с этим представляется целесообразным введение обязательных психологических тренингов для приёмных родителей не только на этапе подготовки (в школе приёмных родителей), но и ежегодно в течение всего срока действия договора. Такой подход успешно применяется в Германии и Финляндии, где количество отказов от приёмных детей значительно ниже, чем в России.

Кроме того, требует нормативного урегулирования вопрос о статусе кровных детей приёмных родителей, проживающих совместно с приёмными. Посмотрим на ситуацию, с другой стороны. В законе ничего не сказано о поддержке родных детей, которые растут вместе с приемными. А ведь они порой попадают в еще более сложное положение. Взрослые вынуждены делить свое тепло и время между всеми, и нередко свои оказываются обделенными. Ребенок видит, что внимание переключилось на другого, и начинает ревновать, замыкаться, болеть душой. Выход видится один: дать кровным детям те же права на помощь от государства, что и приемным.

Наконец, важнейшим направлением совершенствования института приёмной семьи должна стать унификация регионального законодательства в части размера оплаты труда приёмных родителей. В настоящее время разрыв между субъектами Российской Федерации достигает трех-четырех раз, что порождает социальную несправедливость и миграционный отток кандидатов в приёмные родители из регионов с низкими выплатами. Принятие федерального стандарта минимального размера вознаграждения, привязанного к прожиточному минимуму в конкретном регионе, позволило бы сгладить существующие диспропорции и повысить привлекательность приёмной семьи как формы устройства детей-сирот.

Список цитируемой литературы:

1. Науменко, Т. Ю. Постинтернатная социальная адаптация выпускников детских домов в условиях Дома юношества / Т. Ю. Науменко // Вестник. – 2014. – № 2(4). – С. 128-133.

2. Лаврова, С.В., Филиппова, Д.А. Детская деревня – особая форма устройства детей в семью / С.В. Лаврова, Д.А. Филиппова // Духовно-нравственные ценности как основа технологического суверенитета России: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции (г. Липецк, 24 апреля 2024 г.) / под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Е.А. Гончаровой. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. – С. 39-43.

3. Широкова, О.Ю. Правовое регулирование приёмной семьи в Российской Федерации: проблемы и перспективы / О.Ю. Широкова // Семейное и жилищное право. – 2025. – № 3. – С. 110-114.

Суханова И.Р., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – С. В. Лаврова, старший преподаватель

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОСТАВЛЕНИЯ ЗАВЕЩАНИЯ, СОСТАВЛЕННОГО В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Аннотация

Статья посвящена исследованию актуальных проблем рассматриваются правовые особенности составления завещания в чрезвычайных обстоятельствах в соответствии со статьей 1129 Гражданского кодекса Российской Федерации. Анализируются материально-правовые и процессуальные условия признания действительности такого завещания, требования к форме, кругу свидетелей, а также проблематика исчисления месячного срока для придания документу нотариальной формы.

Ключевые слова: завещание в чрезвычайных обстоятельствах, наследственное право, простая письменная форма, судебное подтверждение завещания, нотариальное удостоверение.

В настоящее время в Российской Федерации наследственные правоотношения приобретают особое значение в связи с усложнением имущественных связей, изменением семейных отношений и расширением способов распоряжения имуществом на случай смерти. Завещание выступает одним из важнейших институтов гражданского права, поскольку позволяет гражданину самостоятельно определить судьбу принадлежащего ему имущества после смерти. При этом классическая нотариальная форма завещания не всегда способна охватить все жизненные ситуации, в которых возникает необходимость срочного либо

особого закрепления последней воли наследодателя. Особое значение в связи с этим приобретают нетипичные формы завещания, к которым относятся завещания, совершенные в чрезвычайных обстоятельствах, закрытые завещания, завещания, приравненные к нотариально удостоверенным, завещательные распоряжения правами на денежные средства в банках, а также совместные завещания супругов. Данные формы позволяют обеспечить реализацию принципа свободы завещания в тех случаях, когда обычный порядок совершения завещания затруднен либо требует специальной правовой конструкции.

«Завещание является личным распоряжением гражданина, а, следовательно, должно быть совершено путём личного обращения к нотариусу. Совершение завещания через представителя или несколькими лицами по общему правилу не допускается» [1, с. 126]. Юридическая природа завещания проявляется путём выделения критериев его действительности, к которым относятся: строгая письменная форма, а также нотариальное удостоверение. Следует отметить, что в статье 1119 Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ устанавливает свободу завещания, под которой подразумевается то, что объём передаваемой наследственной массы распределяется исключительно в соответствии с волей завещателя.

В условиях роста количества экстремальных ситуаций природного, техногенного и социального характера, а также в связи с участившимися случаями внезапной изоляции граждан от правовой инфраструктуры, институт завещания, совершенного в чрезвычайных обстоятельствах, приобретает особое практическое значение. Законодательная конструкция, закрепленная в статье 1129 Гражданского кодекса Российской Федерации, призвана обеспечить реализацию принципа свободы завещания в ситуациях, когда соблюдение стандартной нотариальной процедуры объективно невозможно. Однако упрощенный порядок оформления последней воли сопряжен с высокими рисками злоупотреблений и ошибок, что обусловливает необходимость детального доктринального осмысления условий его действительности и правовых последствий.

Статья 1129 Гражданского кодекса Российской Федерации допускает завещание, составленное в чрезвычайных обстоятельствах. Речь идет о ситуациях, когда соблюсти привычную нотариальную процедуру заверения завещания невозможно. Закон не дает четкого определения таким обстоятельствам, но главное условие понятно – человек должен находиться в положении, явно угрожающем его жизни и при этом не иметь возможности обратиться к нотариусу [2, с. 14]. В таких случаях простая письменная форма завещания допускается, чтобы гражданин в экстремальной ситуации мог выразить свою последнюю волю. Однако упрощенная форма неизбежно повышает риск того, что подлинность волеизъ-

явления в последствии будет оспорена. Поэтому законодатель предусматривает дополнительные требования к такому завещанию, чтобы действительность завещания могла быть подтверждена в судебном порядке.

Составление завещания в чрезвычайных обстоятельствах подчиняется совокупности обязательных условий, направленных на минимизацию вероятности подлога или неправильного истолкования воли завещателя. Главенствующее требование заключается в письменной форме документа. «Завещание должно быть собственноручно написано и подписано завещателем, либо записано с его слов иным лицом и затем подписано самим завещателем. Использование технических средств фиксации воли, таких как аудиозапись или видеосъемка, не способно заменить письменный текст, хотя законодательство и не исключает их применение в качестве дополнительных, но не самодостаточных доказательств при дальнейшем судебном разбирательстве. Содержание документа обязано выражать прямое и недвусмысленное распоряжение имуществом на случай смерти» [3, с. 15], а также идентификационные сведения о завещателе, дату составления и личную подпись. Расплывчатость или неопределенность формулировок могут повлечь отказ в признании за завещанием юридической силы, поскольку из текста должно с очевидностью следовать, что лицо осознанно распорядилось своим имуществом именно в качестве посмертного волеизъявления.

Неотъемлемым элементом правомерности завещания, составленного в чрезвычайных обстоятельствах, выступает обязательное присутствие двух свидетелей. Их функция сводится к независимому подтверждению самого факта составления документа конкретным лицом в конкретной обстановке, а также удостоверению того, что завещатель действовал добровольно, находился в ясном сознании и понимал значение совершаемых действий. Закон устанавливает прямой запрет на участие в качестве свидетелей ряда лиц, чья объективность может вызывать сомнения. «К ним относятся нотариус или другое лицо, удостоверяющее завещание, лицо, в пользу которого завещание составлено или сделан завещательный отказ, его супруг и близкие родственники, полностью недееспособные граждане, неграмотные, лица с физическими недостатками, препятствующими адекватному восприятию происходящего, а также те, кто не владеет в достаточной степени языком завещательного распоряжения» [4, с. 19]. Соблюдение этих ограничений призвано обеспечить чистоту свидетельских показаний и предотвратить возможное влияние заинтересованных субъектов.

Подводя итог, следует отметить, что завещание, совершённое в чрезвычайных обстоятельствах, представляет собой уникальный, хотя и исключительный правовой инструмент. В нём причудливо соединяются две разнонаправленные задачи: с одной стороны, дать гражданину воз-

можность распорядиться имуществом даже тогда, когда обычный нотариальный порядок недоступен, а с другой – минимизировать повышенные риски, неизбежно связанные с отказом от квалифицированной юридической формы. Законодатель пошёл по пути создания системы сдержек и противовесов: жёсткие требования к числу свидетелей, письменная форма, ограниченный срок действия, а также обязательное судебное подтверждение в случае смерти завещателя до переоформления документа у нотариуса – все эти меры работают как страховочная сетка.

Список цитируемой литературы:

1. Лукаш, Ю.А. Права и обязанности участников отношений по наследованию: учебное пособие. / Ю,А. Лукаш. – Москва: «ФЛИНТА, 2011. – 496 с.

2. Абраменков, М. С., Чугунов, А. А. Завещание в чрезвычайных обстоятельствах: вопросы теории и практики / М.С. Абраменков, А.А. Чугунов // Наследственное право. – 2020. – № 2. – С. 12–17.

3. Кирилловых, А. А. Комментарий к разделу V Гражданского кодекса Российской Федерации «Наследственное право» (постатейный) / А.А. Кирилловых // Москва: Деловой двор, 2021. – 320 с.

4. Виноградова, О.Ю. Правовое регулирование наследования отдельных видов имущественных прав в Российской Федерации / О.Ю. Виноградова: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2009. – 26 с.

Токарева Д.Э., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

УНИТАРНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию правового статуса унитарного предприятия как особого субъекта гражданского права Российской Федерации. Анализируются теоретические подходы к пониманию данной организационно-правовой формы, рассматриваются ключевые признаки унитарного предприятия: отсутствие права собственности на закрепленное имущество, неделимость имущественного комплекса, спе-

циальная правоспособность, особый порядок управления и ответственности. Особое внимание уделяется правоприменительным проблемам, связанным с конструкцией «расщепленной собственности».

Ключевые слова: унитарные предприятия; право хозяйственного ведения; право оперативного управления; публично-правовое образование; правовой статус; ограниченные вещные права.

В системе российских юридических лиц унитарное предприятие стоит особняком. Н.А. Жигалов прямо говорит: «специфика предопределена тем, что данная организационно-правовая форма предназначена исключительно для осуществления деятельности от имени публично-правовых образований – Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований» [2, с. 211]. В отличие от хозяйственных товариществ и обществ, унитарное предприятие не становится собственником переданного ему имущества – это его фундаментальная черта.

В Гражданском кодексе Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ нет отдельного легального определения понятия «унитарное предприятие» (есть лишь дефиниция в ст. 113 и в специальном законе). Отсюда – множество доктринальных подходов. Однако большинство учёных сходится на том, что это коммерческая организация, которая не наделена правом собственности на закреплённое за ней имущество. Ключевая особенность: правовой статус такого предприятия определяется не столько участием в гражданском обороте, сколько публично-правовой природой учредителя. Как указывает учебная литература, «конструкция унитарного предприятия представляет собой уникальный способ организации вещных отношений между публичным собственником и созданным им юридическим лицом, при котором собственник дистанцирован от прямого хозяйственного использования своего имущества, но сохраняет на него всю полноту правомочий» [4, с. 350]. Именно наличие особого вещного права (хозяйственного ведения или оперативного управления) позволяет отграничить унитарное предприятие от всех иных коммерческих организаций.

Первый признак – отсутствие права собственности на закреплённое имущество. Пункт 1 статьи 113 ГК РФ определяет, что унитарным предприятием признается коммерческая организация, не наделенная правом собственности на закрепленное за ней собственником имущество. Отсутствие права собственности называют «краеугольным камнем» всей конструкции, предопределяющим особый правовой режим и характер отношений с учредителем. Это верно: именно отсутствие титула собственника у самого предприятия задаёт всю специфику его правового положения.

Второй признак – неделимость имущества. Гражданско-правовая природа унитарного предприятия носит компенсационный характер по

отношению к публичным интересам, поэтому её применение невозможно без установления факта единого, нераздельного имущественного комплекса. А.Р. Хабибуллина обращает внимание на этимологию: «слово унитарный происходит от латинского unitas – единство, что подчеркивает неделимость имущества такого юридического лица» [6, с. 793]. По ст. 113 ГК РФ имущество унитарного предприятия неделимо и не может распределяться по вкладам (долям, паям), в том числе между работниками предприятия. В литературе справедливо подчёркивают: «термин «унитарный» подчеркивает не только неделимость имущества юридического лица, но и указывает на его неделимость между сотрудниками, поскольку никто, кроме учредителя, не участвует в его формировании» [5, с. 312].

Третий признак – специальная (целевая) правоспособность. Этот элемент соединяет статус предприятия как коммерческой организации и его публичную функцию. Законодательство не даёт легального определения специальной правоспособности унитарного предприятия, что порождает дискуссии в доктрине и сложности на практике. А.В. Егоров замечает: «данное определение закрепляет ключевой, сущностный признак унитарности – отсутствие права собственности на имущество и его неделимость, что принципиально отличает такие предприятия от хозяйственных обществ и товариществ» [1, с. 8]. В договорных отношениях (ст. 113 ГК РФ) бремя соблюдения уставных целей лежит на самом предприятии; сделки, выходящие за пределы правоспособности, могут быть признаны ничтожными.

Четвёртый признак – особый порядок управления и ответственности. В корпоративных структурах высшим органом является общее собрание участников. Здесь же – унитарное предприятие возглавляет единоличный орган, выдвигаемый владельцем имущества и обязанный перед ним отчитываться. Согласно п. 2 ст. 113 ГК РФ, «органом унитарного предприятия является руководитель предприятия, который назначается уполномоченным собственником органом, если иное не предусмотрено законом, и ему подотчетен». И.Р. Минакова подчёркивает: «именно отсутствие права собственности на закрепленное имущество служит основным критерием для разграничения унитарных и корпоративных юридических лиц в системе, установленной ст. 65.1 ГК РФ» [3, с. 11]. В гражданском праве действует презумпция подконтрольности унитарного предприятия учредителю, что существенно ограничивает его хозяйственную самостоятельность.

Проведённый анализ выявляет одну из самых значемых проблем право применения – проблему «расщеплённой собственности» и ограниченных вещных прав. Как показано в литературе и подтверждается судебной практикой, «для возложения обязанности возместить убытки суд

должен установить состав правонарушения, включающий факт наступления вреда, противоправность поведения и вину причинителя вреда» [5, с. 140]. Но применительно к унитарным предприятиям именно конструкция права хозяйственного ведения и оперативного управления оказывается наиболее сложной для реализации: законодатель не даёт чётких критериев разграничения правомочий предприятия и собственника.

Ситуацию осложняет и то, что объём правомочий унитарного предприятия устанавливает суд, а не только учредительные документы. Суд должен решить, может ли предприятие самостоятельно распоряжаться конкретным видом имущества или требуется согласие собственника. Отсутствие чётких законодательных критериев приводит к тому, что сходные по фактическим обстоятельствам дела получают противоположное разрешение – в зависимости от субъективного усмотрения судьи.

Дополнительный фактор – распределение бремени доказывания правомерности сделок. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъясняется: при оспаривании сделок унитарного предприятия истец обязан доказать, что ответчик вышел за пределы специальной правоспособности. З.Г. Юсупов отмечает: «унитарные предприятия – это юридические лица – несобственники. Подобное положение государственных (муниципальных) предприятий делает их в определенной степени необычным правовым явлением, так как, с одной стороны, они признаются законодателем юридическими лицами – коммерческими организациями, а с другой – признаки унитарных предприятий указывают на их публично-правовую природу» [7, с. 209]. В спорах со сложными многофакторными хозяйственными связями, когда имущество используется в рамках нескольких договоров, выполнить это требование крайне трудно, порой невозможно.

Как видится, разрешение проблемы лежит в законодательном закреплении критериев разграничения правомочий собственника и унитарного предприятия. В доктрине, обоснованной признаётся необходимость чёткого перечня сделок, совершаемых предприятием самостоятельно, и сделок, требующих обязательного согласия учредителя. Такой подход (он широко применяется за рубежом) позволяет формализовать процесс определения объёма правоспособности и снизить степень судебного усмотрения. Целесообразно дополнить Федеральный закон «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» статьёй с закрытым перечнем полномочий предприятия и собственника.

Кроме того, эффективным механизмом могло бы стать введение законодательной презумпции добросовестности контрагента унитарного предприятия при совершении сделок, прямо не запрещённых уставом.

Если в ЕГРЮЛ нет сведений об ограничениях полномочий руководителя, контрагент вправе полагаться на его неограниченную правоспособность. В литературе отмечают: «унитарное предприятие не вправе продавать недвижимое имущество, сдавать его в аренду, отдавать в залог или иным способом распоряжаться им без согласия собственника» [2, с. 212]. Однако данное ограничение должно быть очевидным для третьих лиц, иначе возникает риск недействительности сделок.

Таким образом, унитарное предприятие является сложным многогранным институтом, правовой статус которого обусловлен наличием четырех признаков: отсутствие права собственности на закрепленное имущество, неделимости имущественного комплекса, специальной правоспособности, а также особого порядка управления и ответственности. Каждое из этих условий имеет самостоятельное значение и подлежит оценке при создании, реорганизации и ликвидации предприятия.

Одним из проблемных элементов правоприменительной практики выступает конструкция расщепленной собственности, критерии разграничения правомочий собственника и предприятия в действующем законодательстве отсутствуют. Решение данной проблемы видится в законодательном закреплении закрытого перечня полномочий предприятия и учредителя, а также введении презумпции добросовестности контрагентов для отдельных категорий сделок.

Список цитируемой литературы:

1. Егоров, А. В. Правовое положение государственных корпораций и унитарных предприятий: сравнительно-правовой анализ / А. В. Егоров // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 5. – С. 5-12.

2. Жигалов, Н. А. Унитарные предприятия как организационно-правовая форма коммерческих организаций в РФ / Н. А. Жигалов // Молодой ученый. – 2025. – № 48 (599). – С. 211-213.

3. Минакова, И. Р. Унитарные и корпоративные юридические лица: проблема критерия разграничения / И. Р. Минакова. – Текст: электронный // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2025. – № 23. – URL: https://scinetwork.ru/articles/39178/ (дата обращения: 07.04.2026). – Режим доступа: свободный.

4. Суханов, Е. А. Гражданское право в 4 т. Т. 1: Общая часть : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2020. – 720 с.

5. Фоков, А. П. Гражданское право: Общая и Особенная части : учебник / под ред. А. П. Фокова, Ю. Г. Попонова, И. Л. Черкашиной, В. А. Черкашина. – Москва: КноРус, 2007. – 688 с.

6. Хабибуллина, А. Р. Понятие и сущность унитарного предприятия / А. Р. Хабибуллина // Молодой ученый. – 2015. – № 24 (104). – С. 793-797.

7. Юсупова, З. Г. К вопросу о сущностных и дуалистических признаках унитарного предприятия / З. Г. Юсупова // Вестник экономики, права и социологии. – 2014. – № 4. – С. 208-211.

Ульянов В.И., студент магистратуры направления «Юриспруденция» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва
Научный руководитель – Григорович Е. В., канд. юрид. наук, доцент

ПРАВОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТОВ ОТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ МАРКЕТПЛЕЙСОВ

Аннотация

В статье рассматривается, как российское законодательство регулирует работу маркетплейсов. Показано, что единого закона нет, а правила разбросаны по нескольким документам. Описана действующая модель с «владельцем агрегатора» и новый закон, который вводит более широкий круг участников (владелец платформы, оператор, партнёр, пользователь, пункт выдачи). Сделан вывод, что регулирование находится в переходном состоянии: старые нормы ещё работают, а новые уже задают направление, но вступят в силу только в 2026 году.

Ключевые слова: маркетплейсы, правовое регулирование, владелец агрегатора, цифровая платформа, защита прав потребителей

В последние годы покупки через маркетплейсы стали привычным делом для миллионов россиян. Однако мало кто задумывается о том, как законы регулируют отношения между покупателем, продавцом и самой площадкой, о том кто отвечает за некачественный товар и кто обрабатывает личные данные, а также кто несёт ответственность в случае проблем с товарам или деньгами.

В российском праве нет одного документа, который бы назывался «Закон о маркетплейсах». Вместо этого правила разбросаны по разным законам, и разобраться в них непросто. Кроме того, в 2025 году был принят новый закон, который вводит более детальные правила, но он пока не вступил в силу. В этой статье мы простыми словами объясним, как устроено регулирование маркетплейсов сейчас и что изменится в ближайшем будущем.

Правила, по которым работают маркетплейсы (такие как Wildberries, Ozon и другие), в России прописаны не в одном законе, а сразу в нескольких. Чтобы понять, кто и за что отвечает, нужно смотреть на Закон о защите прав потребителей, Гражданский кодекс, зако-

ны об информации, о персональных данных, о национальной платежной системе, правила продажи товаров на расстоянии.

Именно из этих документов становится ясно то, кто заключает договор с покупателем, кто показывает товар на сайте, кто принимает деньги, кто обрабатывает личные данные клиентов и продавцов, и кто отвечает за соблюдение правил при продаже через интернет-площадку.

На сегодняшний день главное юридическое лицо в этой сфере это не сам маркетплейс как экономическое явление, а так называемый владелец агрегатора информации о товарах и услугах. Это означает, что площадка, где можно посмотреть товар, заказать его и заплатить, описывается в законе довольно узко – главным образом с точки зрения защиты прав покупателя и организации удалённой покупки [1]. Такой подход не охватывает всех участников процесса.

Но законы постепенно меняются. 31 июля 2025 года приняли новый закон, в котором появляются более точные понятия и больше участников. Теперь вводятся такие роли, как владелец цифровой платформы, оператор посреднической цифровой платформы, партнёр, пользователь, владелец пункта выдачи заказов [2].

Так законодатели хотят лучше отразить реальную картину, где кроме продавца и покупателя есть и другие – те, кто организует доставку, помогает с оформлением, обеспечивает работу площадки.

Однако этот новый закон начнёт действовать только с 1 октября 2026 года. Тогда же вступят в силу и дополнительные правила, которые установит правительство (постановление правительства № 54 от 28 января 2026 года). А пока что работает старая схема с «владельцем агрегатора». Новые правила уже прописаны, но ещё не вступили в силу.

Таким образом, на сегодняшний день в России нет единого закона о маркетплейсах. Правовое положение участников складывается из нескольких законов – о защите прав потребителей, о персональных данных, о платежной системе и других [3]. Основной фигурой сейчас является «владелец агрегатора», но это понятие достаточно узкое и описывает площадку только с точки зрения защиты покупателя.

Ситуация находится в переходном состоянии. Новый закон от 31 июля 2025 года уже принят, вводит подробные понятия (владелец платформы, оператор, партнёр, пользователь, пункт выдачи) и точнее отражает реальную картину. Однако он пока не работает – его применение начнётся только с 1 октября 2026 года. До этого момента продолжает действовать старая модель.

Такая двойственность создаёт сложности и для бизнеса, и для покупателей. С одной стороны, законодатели уже видят, как надо регулировать маркетплейсы правильно. С другой стороны, новые правила ещё не вступили в силу. Задача ближайшего будущего – сделать пере-

ход на новую модель плавным и понятным для всех участников рынка. Когда новый закон заработает, правовое положение продавцов, покупателей и самих площадок станет более чётким и соответствующим реальному положению дел.

Список цитируемой литературы:

1. Белов В. А. Цифровое посредничество и потребительские отношения: правовая природа и ответственность // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 8. С. 74.

2. Аксенов В. А., Одинцов С. В. Правовая природа маркетплейсов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2024. № 1. С. 6.

3. Краснова С. А. Гражданско-правовой статус операторов онлайн-платформ: неопределенное настоящее и возможное будущее // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 1. С. 80.

Хитренко И.Д., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ЦИФРОВЫЕ ПРАВА

Аннотация

В настоящей статье автор анализирует тенденции развития законодательства, которое регулирует цифровые права. Усовершенствование правового регулирования цифровых прав, могут быть применены в правоприменительной деятельности, законотворчестве, а также в учебном процессе, при изучении дисциплин гражданско-правового цикла.

Ключевые слова: цифровые права; финансовые активы; киберпреступность; цифровизации; цифровые следы; имущественные права.

Актуальность выбранной темы связана с ростом значимости цифровых прав для человека, общества и государства, формированием различных видов цифровых прав, которые могут быть связаны как с естественными правами человека, так и правами, возникающими только в ходе пользования цифровыми платформами. Так, по данным Министерства финансов РФ в 2025 году только рынок цифровых финан-

совых активов превысил 1 трлн рублей, а число пользователей таких платформ уже свыше полумиллиона человек, что не дает возможности игнорировать факт необходимости создания соответствующей правовой базы.

Несмотря на появление базовых норм в виде введения понятия «цифровых прав» в гражданское законодательство, правовая система демонстрирует значительное отставание от той реальности, которая уже существует в сфере цифровых финансовых активов. Законодательство носит фрагментарный характер, что порождает правовые коллизии и неопределенности, а в юридическом сообществе идут острые дискуссии о самой природе цифрового права. Законодатель справедливо указывает на опасность поспешности в принятии законодательных решений: цифровые финансовые активы являются сложным и высокорисковым финансовым инструментом, и рядовой гражданин, будучи не профессиональным «игроком», может потерпеть значительные убытки.

В судебной практике складывается неоднозначная ситуация, когда ряд цифровых прав вовсе не выступает в качестве объекта правовой охраны, а защищаются преимущественно финансовые активы. При этом, растет запрос на обеспечение безопасности и защиты прав (конфиденциальность, данные, киберпреступность, регулирование наследования цифровых прав и т.п.).

На современном этапе развития общества процессы цифровизации проникают во все сферы общественной жизни. Однако, множество прорывных информационных технологий, искусственный интеллект и прочие цифровые продукты зачастую разрабатываются и внедряются в повседневную жизнь без оглядки на правовое регулирование. Стремительность процесса цифровизации навело научное сообщество и законодателя на необходимость разработки и принятия комплекса правовых инструментов в цифровой среде, в частности формирования категории цифровых прав.

Термин «цифровые права» является достаточно объемным и многогранным, осмысление которого в мире происходило в несколько этапов. На рубеже XX-XXI столетий международная практика обозначала цифровые права как разновидность прав человека в реализации использования электронных устройств и сети Интернет. В последующем цифровые права рассматривались с позиции защиты цифровой приватности и конфиденциальности. В тот период времени принимаются новые международные акты в данной сфере, а в России принимается Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ, однако конструкция «цифровые права» в нем еще не употребляется.

Импульс к дальнейшему развитию законодательства в данной области придается в 2019 году, в связи с увеличением скорости развития цифровых технологий, а также изменением направления государственной политики и поэтапным переходом на «цифровые рельсы».

Относительно научного сообщества и доктринального толкования «цифровых прав» и цифрового права в целом, первым предпринявшим попытку соотнести право и цифровую среду стал И.М. Рассолов в 2008 году. В своей монографии «Право и Интернет. Теоретические проблемы» автор формирует мнение, что «право кибернетического пространства на сегодняшний день выступает самостоятельным научным направлением и активно взаимодействует с информационным правом, международным частным правом, международным публичным правом и, по сути, связано со всеми направлениями правовой науки» [1, с. 4]. Уже тогда ученый оперировал терминами «цифровая экономика», «кибернетическое преступление», «цифровые следы» и прочие.

Сегодня понятие «цифровые права» косвенно раскрывается в ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Данная норма введена в 2019 году, именно этот период считается моментом, когда термин «цифровые права» впервые получил правовую регламентацию. Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу. По нашему мнению, данная формулировка далека от завершенной и требует конкретизации.

Подобную позицию высказывают и обосновывают в своем исследовании Е.В. Демьяненко и А.В Шпак. Авторы отмечают, что «понятие имущества в гражданском праве является сложным и включает вещи как предметы материального мира, имущественные права и обязанности. Включая в состав объектов цифровые права, законодатель, как видим, ориентировался на порядок исполнения сделок в цифровой среде. Название нового объекта «цифровые права», на наш взгляд, вводит в заблуждение, на самом деле речь идет об исполнении обязательства с помощью информационных систем. Понятие цифрового права не раскрыто, эффективные меры контроля в цифровой среде не установлены» [2, с. 9]. С другой стороны, позицию законодателя в данном вопросе можно понять, видится, что он спешил внести хоть какую-то ясность в стремительно развивающуюся цифровую сферу, с заделом на последующее совершенствование данного понятия.

Более глубоко данный вопрос рассматривает М.А. Рожкова, которая отмечает, что предусмотренное в ГК РФ определение цифрового права принципиально отличается от первоначально сформулированного в законопроекте. «В случаях, предусмотренных законом, права на объекты гражданских прав, за исключением нематериальных благ, могут быть удостоверены совокупностью электронных данных (цифровым кодом или обозначением), существующей в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам децентрализованной информационной системы, при условии, что информационные технологии и технические средства этой информационной системы обеспечивают лицу, имеющему уникальный доступ к этому цифровому коду или обозначению, возможность в любой момент ознакомиться с описанием соответствующего объекта гражданских прав. Указанные цифровой код или обозначение признаются цифровым правом» [3, с. 10].

Иной подход к определению «цифровых прав» используют в своей статье Ю.А. Гартина и М.С. Букур. Авторы сравнивают объем «цифровых прав» в национальном праве и в международном: «В российском праве оно трактуется прежде всего, как права на имущественные объекты (цифровые активы, записи в информационных системах), регулируемые гражданским оборотом. Однако в международной практике под «digital rights» понимают личные неимущественные права (защита приватности, цифровая идентичность). Это создает терминологический разрыв: российское трактование противоречит глобальному, который относит цифровые права к элементам правового статуса личности» [4, с. 177]. Конечно, внутри национального права, возможно разница не будет сказываться на качестве правоотношений, однако в международных правоотношениях могут возникнуть сложности, которые в конечном итоге, по нашему мнению, потребуют унификации термина цифровые права.

Неудачную формулировку нормы ГК РФ о цифровых правах признают В.Б. Гольцов и Н.М. Голованов. По их мнению, «приведенный текст трудно признать легальным определением цифровых прав, скорее, это их характеристика, которая прослеживается и в других пунктах данной статьи» [5, с. 10]. Вместе с этим, авторы признают положительность законодательной регламентации цифровых прав, и отмечают, что со временем на практике станет ясно, какие правовые нормы следует оставить в исследуемой сфере, какие изменить, а какие и вовсе исключить.

Обширное толкование термина цифровые права приводит в своем исследовании И.В. Понкин. «Цифровые права – это право притязания и референтные правовые возможности, в том числе в отношении цифровых прав, имущественных и неимущественных активов, а также

правовые возможности, онтология которых связана с цифровыми образами – сущностями (юридическая фикция «электронное лицо», являющееся специальным субъектом): цифровые права человека, которые включают в себя комплекс прав на доступ к цифровым ресурсам, цифровым технологиям, технологическим платформам, юридически и фактически значимым для реализации прав и свобод в их традиционном понимании и их использования в законных интересах, а также комплекс цифровых прав цифровой модели – двойника реального человека (право на цифровую смерть), комплекс конвертированных прав, онтология которых возможна в сфере цифровой реальности (цифровая подпись, государственные цифровые услуги), комплекс прав, связанных с совершением виртуальных сделок цифровым способом (смарт-контракты), и цифровые права как часть прав субъекта цифровых сущностей (электронных лиц). Так как онтология электронного лица имеет место в цифровой среде, соответственно онтология и природа цифровых прав у электронного лица также является цифровой» [6, с. 341]. Рассматривая позицию автора, можно обнаружить, что он разбивает цифровые права на несколько комплексов прав, указывая на многогранность данного термина. Попытка автора объять все аспекты для цифровых прав, по нашему мнению, очень важна, при этом, считаем, что приведенная формулировка слишком перегружена для нормы закона, и не может быть применена в таком виде.

Обобщая и анализируя основные подходы и мнения, научное сообщество условно можно разделить на три основные группы взглядов на природу цифровых прав. Первая точка зрения заключается в том, что цифровые права являются отнюдь не новой категорией прав, а являются особой формой фиксации прав традиционных (обязательственных). Природа права остается неизменной, меняется лишь способ его удостоверения и оборота.

Важно отметить, что в ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ цифровыми правами признаются обязательственные и иные права, следовательно, их подход совпадает с позицией законодателя.

Вторая точка зрения усматривает в цифровых правах признаки новой категории прав, обладающие уникальными способом определения правообладатели и механизмом перехода прав. По мнению представителей данного подхода, специфика цифровых прав настолько велика, что выходит за рамки простого изменения формы и требуют особого режима и механизмов защиты цифровых прав.

Представители третьей группы взглядов делают акцент на технологическом аспекте цифровых прав. Цифровое право – это прежде всего особый способ возникновения и передачи прав, где ключевую роль играет информационная система.

По нашему мнению, каждое из мнений имеет право на существование, возможно, цифровое право обладает всеми вышеуказанными характеристиками и особенностями, что делает его по-настоящему уникальным.

Подводя промежуточный итог, следует отметить, что изучение, попытки осмысления и конкретизации категории «цифровые права» в России ведется уже длительное время, и только сравнительно недавно данный термин закрепился в действующем законодательстве. При этом, выбранная законодателем формулировка не вносит ясности о природе цифровых прав, что говорит о необходимости конкретизации данной нормы. Научное сообщество, анализируя данный термин обнаруживает множество несостыковок и проблем, указывая на явную «сырость» введенной нормы. При этом даже среди ученых и исследователей нет единого мнения о цифровых правах. По этим причинам следует признать, что термин «цифровые права» находится еще на стадии формирования.

Список цитируемой литературы:

1. Рассолов, И. М. Право и Интернет. Теория кибернетического права: монография / И.М. Рассолов. – 3-е изд., доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 304 с.

2. Демьяненко, Е.В. Цифровые права: понятие, место в системе объектов гражданских прав / Е.В. Демьяненко, А.В. Шпак // Юристъ-Правоведъ. – 2021. – № 2(97). – С. 7-10.

3. Рожкова, М.А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве / М.А. Рожкова // Хозяйство и право. – 2020. – № 10(525). – С. 3-12.

4. Гартина, Ю.А. Понятие и правовая природа цифровых прав в российском законодательстве / Ю.А. Гартина, М.С. Букур // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 6. – С. 176-180.

5. Гольцов, В.Б. Цифровые права: понятие и проблемы использования / В.Б. Гольцов, Н.М. Голованов // Журнал правовых и экономических исследований. – 2020. – № 1. – С. 10-15.

6. Понкин, И.В. К вопросу о понятии и онтологии цифровых прав / И.В. Понкин, А.И. Редькина // Пермский юридический альманах. – 2021. – № 4. – С. 340-351.

Циркова А.В., студентка
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

РОЛЬ МЕДИАЦИИ В ГРАЖДАНСКИХ СПОРАХ

Аннотация

В статье рассматривается медиация как альтернативная процедура урегулирования споров, закрепленная в российском законодательстве с 2011 года. Анализируются основные принципы медиации, ее функции и преимущества перед судебным разбирательством. Особое внимание уделяется роли гражданско-правовой медиации.

Ключевые слова: альтернативное урегулирование споров, гражданско-правовые споры, медиатор, роль медиации.

Медиация является относительно новым институтом, появившимся в 2011 году с введением в действие Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. №193-ФЗ. Медиация представляет собой альтернативную процедуру урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора. В отличие от судебного решения, которое навязывается судом, медиативное соглашение формируется самими участниками спора. «В соответствии с законодательством РФ существует несколько основных принципов медиации: добровольность участия – никто не может быть принужден к медиации, стороны принимают участие по собственному волеизъявлению; конфиденциальность процедуры – медиатор не вправе разглашать информацию, относящуюся к процедуре медиации и ставшую ему известной при ее проведении, без согласия сторон; равноправие сторон – каждая сторона имеет равные условия выражения своей позиции; сотрудничество сторон – взаимная заинтересованность спорящих лиц, в скорейшем разрешении спора; нейтральность и беспристрастность медиатора – он выступает нейтральным лицом по отношению к сторонам конфликта и самому конфликту, не имеющий права давать рекомендации и принимать решения» [3, с.5].

Указанные признаки позволяют отличать медиацию как от судебного разбирательства, основанного на властных полномочиях суда и состязательности сторон, так и от традиционных переговоров, которые не предполагают институционализированного участия профессионального посредника.

«Гражданско-правовая медиация – это добровольный метод урегулирования споров, который может позволить урегулировать гражданско-правовые разногласия без судебного разбирательства» [3, с. 12]. Любой тип гражданского дела или вопрос в гражданском деле может быть урегулирован путем медиации. В основном она применима к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе к спорам, возникающим из трудовых и семейных правоотношений, а также спорам в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, если такие споры не затрагивают права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в медиации, публичные интересы и стороны согласны, что он должен быть урегулирован таким путем. «Процедура медиации предлагает спорящим сторонам не только сохранение значительного объема их полномочий при ведении переговоров, но одновременно и высокие шансы на приемлемое для обеих сторон разрешение конфликта, чего не бывает в суде – там одна сторона всегда находится в проигрыше» [2, с. 234].

Медиация эффективна при обоюдном стремлении сторон к мирному урегулированию конфликта, «предпочтительнее ее использовать в случаях, когда: стороны поддерживают постоянные отношения, например, в семье, с соседями, с деловыми партнерами; главными являются будущие интересы сторон конфликта, возможность сохранения отношений в перспективе, например, воспитание общих детей после развода; личная или эмоциональная вовлеченность сторон мешает им вести конструктивный диалог; для спорящих сторон важна конфиденциальность; сторонам необходимо выработать условия взаимовыгодного расторжения, прекращения отношений и т.д.; судебное разбирательство для сторон бесперспективно (множество исков, результат непредсказуем)» [5, с. 19].

Роль медиации в гражданских спорах многоаспектна и обладает рядом преимуществ перед судебным разбирательством в гражданских делах.

Многоаспектность медиации проявляется через выполняемые ею функции. Главной целью процедуры является прекращение правового конфликта на основе добровольного соглашения сторон. В отличие от суда, который выносит императивное решение «победитель/ проигравший», медиация позволяет найти взаимовыгодный компромисс, удовлетворяющий интересы обеих сторон.

Медиация показывает участникам ситуацию с объективной стороны и дают возможность им оценить свои реальные шансы на победу и риски. Медиатор помогает сторонам «смягчить углы» в конфликте, стараясь наладить их взаимоотношения, тем самым способствуя сохранить деловые или личные отношения, что особенно важно, к при-

меру, в семейных конфликтах, где медиатор способствует сохранению отношений между бывшими супругами ради совместных детей.

Медиация является более экономичным вариантом, в отличие от судебного процесса. Согласно Закону о медиации «время решения спора по общему правилу сокращается до 60 дней, в отдельных случаях – до 180», финансовые расходы существенно ниже по сравнению с судебным разбирательством, а исполнение соглашения обеспечивается добровольно.

Немаловажным является и то, что снижая поток дел, рассматриваемых в судах, медиация позволяет ускорить рассмотрение оставшихся сложных категорий дел и снизить нагрузку на судебный аппарат.

Исходя из вышеперечисленных функций, можно выделить преимущества процедуры медиации. К ним относят экономию времени, снижение финансовых издержек сторон, гибкость и индивидуализированный характер вырабатываемого решения, возможность учета не только юридических, но и психологических, репутационных и иных нематериальных интересов. Важным является и более высокий уровень добровольного исполнения медиативных соглашений по сравнению с судебными решениями, что обусловлено участием сторон в формировании условий договоренностей и их личной приемлемостью.

Однако, невзирая на свои преимущества медиация обладает крайне низким спросом. Для российской практики она является достаточно редким явлением, несмотря на наличие законодательной базы с 2010 г.

Статистика показывает, что лишь единицы гражданских дел завершаются через эту процедуру – например, «по данным судебной статистики за 2024 г. судами общей юрисдикции по первой инстанции было рассмотрено 28 244 835 гражданских и административных дел, из которых по результатам медиации было завершено лишь 463 дела, арбитражными же судами было рассмотрено 1 823 073 дела из которых медиативных соглашений было утверждено всего 17» [4, с. 58]. Это подчеркивает низкий уровень использования альтернативных методов урегулирования споров. Главной проблемой является низкая осведомленность о процедуре, нежелание разбираться в тонкостях и предпочтении ей традиционных способов урегулирования споров через судебные разбирательства, что в свою очередь, отражается на формировании недоверия у граждан к институту медиации. Для решения данной проблемы уже в ближайшие годы наше государство планирует проводить активную просветительскую работу о преимуществах медиации среди населения. Планируется введение обязательного информирования сторон о возможности использовать медиацию при подаче иска, введение обязательной медиации при разводах и семейных спо-

рах, а также развитие кадрового обеспечения и создание единого реестра сертифицированных медиаторов, что должно повысить прозрачность и доверие к суду. Комплексный подход позволит постепенно изменить правовую культуру граждан и расширить применение медиации в России.

Подводя итог, можно сказать, что медиация занимает важное, но, к сожалению, пока еще недостаточно реализованное место в системе урегулирования гражданских споров в России. В перспективе дальнейшее развитие медиации способно превратить ее в достаточно востребованный и эффективный механизм разрешения гражданских споров. Ее роль заключается в качественном изменении подхода к конфликту, путем диалога и сотрудничества, позволяющим сохранить отношения между участниками спора и удовлетворить в полной мере интересы сторон.

Список цитируемой литературы:

1. Зауторова, Э. В. О профессиональной медиативной компетентности юриста в решении юриста в решении конфликтов // Журнал_ЮрАиК. 2025. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-professionalnoy-mediativnoy-kompetentnosti-yurista-v-reshenii-konfliktov (дата обращения: 05.04.2026).

2. Лаврова, С.В. Проблемы и перспективы развития медиации/ С.В. Лаврова // Материалы XIX Всероссийской очной научно-практической конференции, посвящённой 25-летию филиала. – 2025. – С. 231–235.

3. Медиация как культура согласия: современные региональные практики, проблемы и перспективы развития медиации: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием ученых, преподавателей, специалистов, магистров (г. Пермь, ПГНИУ, 04–05 апреля 2025 г.) / под общ. ред. Т. И. Марголиной, В. А. Леденцовой, Н. В. Галкиной: Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2025. – 206 с.

4. Распопова, Н.И. Медиация: учебник для вузов / Н.И. Распопова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 241 с.

Чеглакова Е.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Левашова О.В., канд. юрид. наук

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация

В статье анализируются основные трудности, с которыми сталкиваются молодые семьи при улучшении жилищных условий: нехватка финансирования, высокая стоимость жилья и длительное ожидание получения поддержки. Также рассматривается эффективность существующих правовых механизмов. Делается вывод о том, что действующая система нуждается в дальнейшем совершенствовании, прежде всего с точки зрения доступности и реальной возможности улучшения жилищных условий для молодых семей.

Ключевые слова: жилищные права, молодая семья, государственная поддержка, жилищное законодательство, социальные выплаты, Липецкая область.

Жилищные права граждан в Российской Федерации закреплены в Конституции РФ и детализируются в жилищном законодательстве. Центральным актом в этой сфере выступает Жилищный кодекс Российской Федерации, который регулирует порядок предоставления жилых помещений, условия признания граждан нуждающимися и основные формы государственной поддержки.

В регулировании жилищных прав молодых семей важную роль играет и семейное законодательство. Государство рассматривает молодую семью как категорию граждан, нуждающуюся в дополнительной поддержке. Основные принципы защиты семьи, материнства и детства закреплены в Семейный кодекс Российской Федерации, который определяет общие основы государственной политики в данной сфере.

Одной из наиболее распространённых мер поддержки на федеральном уровне является государственная программа «Молодая семья». Она направлена на помощь молодым семьям в решении жилищного вопроса за счёт предоставления социальной выплаты. Эти средства могут быть использованы для покупки жилья или его строительства. Размер выплаты определяется с учётом состава семьи и средней стоимости жилья в регионе.

В Липецкая область реализация данной программы осуществляется в рамках региональной жилищной политики. Молодые семьи, признанные нуждающимися в улучшении жилищных условий, имеют возможность получить социальную выплату. Чаще всего она используется либо для частичной оплаты приобретаемого жилья, либо в качестве первоначального взноса по ипотеке.

Несмотря на существующие меры поддержки, одной из основных проблем остаётся ограниченность финансирования на региональном уровне. Средств, выделяемых на программу «Молодая семья», зачастую недостаточно, чтобы обеспечить всех граждан, стоящих на учёте. Из-за этого формируются очереди, а ожидание выплаты может затягиваться на несколько лет.

Ещё одна проблема – разрыв между размером государственной поддержки и реальной стоимостью жилья. Даже при получении субсидии молодые семьи редко могут полностью закрыть расходы на покупку квартиры и вынуждены использовать собственные накопления или оформлять ипотеку, что существенно увеличивает нагрузку на бюджет семьи.

По имеющимся данным, в Липецкой области доля молодых семей, реально улучшивших жилищные условия, остаётся низкой и в отдельные периоды не превышала 1% от числа состоящих на учёте. Это говорит о том, что эффективность действующих механизмов пока недостаточна.

Размер социальной выплаты в рамках программы определяется, не исходя из рыночной стоимости жилья, а по расчётной методике. В основе лежат два показателя: норматив площади жилья и стоимость одного квадратного метра, установленная на региональном уровне.

Выплата составляет 30% расчётной стоимости жилья для семей без детей и 35% – для семей с одним и более детьми.

Норматив площади зависит от состава семьи: для двух человек он составляет 42 кв. м, далее добавляется по 18 кв. м на каждого члена семьи.

Стоимость одного квадратного метра жилья устанавливается органами власти региона и периодически пересматривается. В среднем по регионам России она составляет примерно 80 000–110 000 рублей за кв. м.

Если рассмотреть пример, то для семьи из трёх человек нормативная площадь будет равна 54 кв. м. При стоимости около 90 000 рублей за кв. м расчётная стоимость жилья составит примерно 4 860 000 рублей.

Исходя из этого, размер социальной выплаты составит: около 1,46 млн рублей при 30%; примерно 1,7 млн рублей при 35%.

Оставшаяся часть суммы в любом случае оплачивается самой семьёй – либо за счёт личных накоплений, либо с использованием ипотечного кредита.

При этом даже с учётом субсидии стоимость жилья остаётся достаточно высокой: в регионах, включая Липецкую область, цены на стандартные 1–2-комнатные квартиры обычно находятся в пределах 3,5–6 млн рублей. Поэтому господдержка закрывает только часть расходов, а остальное всё равно приходится искать самим.

К тому же участие в программе – это целая история с бумагами. Нужно подтвердить, что семья действительно нуждающаяся, собрать кучу документов, пройти все согласования. Из-за этого процесс сильно затягивается, и многим молодым семьям он кажется слишком муторным.

Ещё одна проблема – почти нет открытой статистики по тому, как программа работает на деле. Без свежих данных сложно понять, реально ли она помогает или это больше на бумаге.

Если смотреть в целом, то несмотря на то, что все законы и постановления есть, на практике с жильём для молодых семей в Липецкой области всё довольно непросто.

Во-первых, выплата всё равно покрывает только часть стоимости, поэтому почти всегда приходится брать ипотеку в придачу.

Во-вторых, разница между той суммой, которую считает программа, и реальной рыночной ценой жилья довольно большая, и из-за этого эффект от поддержки сильно смазывается.

В-третьих, денег в областном бюджете не хватает, поэтому постоянно образуются очереди, и людям приходится ждать своей выплаты по несколько лет.

Плюс сама процедура оформления остаётся тяжёлой – документов нужно очень много, и это тоже отпугивает людей.

В общем, систему явно нужно дорабатывать: больше финансирования, и сам процесс оформления сильно упрощать.

Список цитируемой литературы:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – №1. – Ст. 14.

2. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. Закон Рос. Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 1. – Ст. 16.

Черникова Э.Е., студентка
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ В ОТНОШЕНИИ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ СВО: СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности объявления гражданина безвестно отсутствующим и признания его умершим в современных реалиях, в частности в контексте проведения специальной военной операции. Анализируются изменения в законодательстве 2023 года, а также связанные с ними социальные последствия и проблемы правоприменения в гражданских правоотношениях.

Ключевые слова: признание гражданина умершим; объявление гражданина безвестно отсутствующим; специальная военная операция; меры государственной поддержки.

В условиях современных геополитических вызовов и проведения специальной военной операции на территориях Донецкой и Луганской народных республик, а также Запорожской и Херсонской области существенно возрастает социальная значимость процедур признания граждан умершими и объявление их безвестно отсутствующими. Актуальность вопроса обусловлена необходимостью оперативного внедрения соответствующих механизмов в правоприменительную практику для защиты прав и законных интересов заинтересованных лиц.

Согласно статьи 45-й ГК РФ в отношении пропавших военнослужащих применяются два основных срока: «Военнослужащий или иной гражданин, пропавший без вести в связи с военными действиями, может быть объявлен судом умершим не ранее чем по истечении двух лет со дня окончания военных действий. Гражданин пропавших без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определённого несчастного случая, – в течение шести месяцев» [2]. В связи с этим доказывание права на применение сокращённого срока составляет большую сложность.

Рассмотрим различия правовых статусов для данной категории лиц, местонахождения которых неизвестно. Признание гражданина умершим представляет собой судебную процедуру установления юридического факта смерти лица, даже если его тело не обнаружено. В результате этого возникает презумпция смерти – правовая фикция,

которая сохраняет возможность опровержения при появлении, какой-либо информации о жизнеспособности лица.

Следует отметить, что объявление гражданина безвестно отсутствующим – это процессуальные действия, цель которых подтвердить факт длительной невозможности установить местонахождения человека на основании совокупности объективных обстоятельств.

Исходя из сегодняшних реалий сокращение вышеперечисленных сроков являлось важным нововведением в гражданское законодательство для установления гражданско-правовой позиции.

До внесения изменений семьи участников СВО сталкивались с рядом серьёзных проблем, связанных с длительными сроками признание гражданина умершим и объявления его без вести отсутствующим, а также со сложностями при получении выплат и социальной поддержки. Из-за больших сроков семьи не могли своевременно получить социальные гарантии, единовременные выплаты до официального признания статуса, пропавшего без вести или умершего. Даже после признания за гражданином такого статуса его близкие сталкивались с трудностями при оформлении документов для получения государственной поддержки. Родственникам требовались самостоятельно собирать документы: справки, выписки, решения судов, что являлось затруднительным и занимало много времени и сил. В связи с этим многие чиновники отказывали в выплатах по формальным причинам, в частности из-за отсутствия некоторых документов. Эти проблемы побудили законодателей внести изменения в действующее законодательство, которые изменили правоотношения, связанные с СВО.

Поменять ситуацию помог ряд новых поправок и законов в законодательстве, введённые нашим государством в 2023 году, который упрощает процедуру признания гражданина умершим и объявления его безвестно отсутствующим во время проведения СВО. В Гражданский кодекс Российской Федерации были введены изменения Федеральным Законом от 14 апреля 2023 г. № 120-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [5]**.** Принятие указанного нормативного акта ознаменовало существенный прогресс в развитии правового регулирования. В соответствии с поправками установлен шестимесячный срок для признания участника СВО безвестно отсутствующим (если сведения о месте пребывания не наступали, в частности от командира воинской части); предусмотрен ускоренный переход «от статуса безвестно отсутствующего к статусу статусу умершего – через 3 месяца после вступления в силу решения суда о признании безвестно отсутствующим, а также сохранена возможность прямого признания умершим в течение 6 месяцев, если пропажа произошла при обстоятельствах, угрожавших смертью. Вместе с

тем для полноценной реализации новых правовых норм требует проведение разъяснительной работы как среди правоприменителей, так и среди граждан, чьи права затрагиваются данными положениями» [6].

Правом подачи заявления в суд о признании военнослужащего умершим либо безвестно отсутствующим обладают следующие категории лиц: члены семьи первой очереди (дети, супруги, родители); лица, находившиеся на иждивении военнослужащего и претендующие на получение пенсии по потери кормильца либо на вступление в наследство; кредиторы, чьи имущественные требования к лицу остаются неисполнимыми из-за неопределённости его правового статуса; органы опеки и попечительства – в случаях, когда отсутствие официального статуса затрагивает интересы несовершеннолетних и недееспособных лиц; прокурор как лицо, защищающее интересы граждан, которые не могут обращаться самостоятельно, а также воинская часть с целью исключить лицо из личного состава и снятия денежного довольствия. Они могут обратиться «если по истечении 6 месяцев после издания приказа о признании пропавшим без вести не появились сведения о месте его пребывания, в том числе если эти сведения не предоставлены его семье командиром воинской части или другими уполномоченными должностными лицами, у заинтересованного лица появляется право признать гражданина безвестно отсутствующим» [3]. Заявители подают документы в суд по месту своего жительства или пребывания.

В случае если суд признает военнослужащих, умершими либо безвестно отсутствующими, то их близкие получают ряд социальной поддержки от государства. К ним относятся такие меры, как установление единовременной выплаты в случае гибели участника СВО в размере 5 млн руб.; освобождение от госпошлины за восстановление потерянных или испорченных документов; предоставление дополнительных гарантий для индивидуальных предпринимателей, учредителей и директоров компаний, и иные государственные гарантии. Кроме того, важным элементом в списке привилегий для такой категории граждан является получение квоты на бюджетное обучение в вузах. Согласно вступившему в законную силу нормативному акту – «Федеральный закон «О внесении изменений в статью 19 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединения» и Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2022 г. № 641-ФЗ» [4] введена отдельная квота на бесплатное обучение в учреждениях высшего образования для ребёнка участника СВО. Она распространяется на программы бакалавриата и специалитета за счёт бюджета публично-правовых образований.

Данные поправки представляют собой проблему в регулировании гражданских правоотношений. Поскольку эти нововведения ограничи-

вают право обычных абитуриентов на получение образования в соответствии с ст. 43 Конституции РФ «Каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии» [1]. Из-за большого количества желающих воспользоваться данной льготой у обычных абитуриентов появляются низкие шансы на получение бюджетного места при их ограниченном количестве. Также важно отметить, что постоянно происходит рост стоимости обучения, в связи с этим не каждый гражданин в силу его финансового положения не может оплатить учебную программу. В совокупности все эти критерии вынуждают студентов менять свой выбор профессии или вуз. В образовательной среде возникает социальная напряжённость из-за восприятия такой системы как несправедливой. Кроме того, отдаётся приоритет социальному статусу, а не успеваемости учащихся.

Для того чтобы решить данную проблему вузам необходимо создать баланс между социальной политикой и академическим качеством. Государство должно ввести новые изменения в законодательство с наиболее равными возможностями в сфере обучения, чтобы снизить социальное расслоение и повысить доверие общества к системе образования.

Решением данной проблемы может послужить принятие закона о расширение общего числа бюджетных мест за счёт государственного финансирования с учётом поддержки детей участников СВО. В него следует ввести следующие положения: создание отдельного конкурса для новой категории граждан при поступлении; формирования дополнительных бюджетных мест в вузах, которые будут распределяться по результатам общего конкурса среди обычных абитуриентов; создание перечня других мер поддержки наряду с квотой при поступлении для детей участников СВО (например: увеличение стипендий, реализация программы психологической поддержки); повышение проходного балла по конкурсу среди новой категории льготников. Данные нововведения позволят уравнять условия поступления, снизить социальное напряжение среди будущих студентов.

Изменения гражданского законодательства существенно упростили процедуру признания гражданина умершим и объявлении его без вести отсутствующим, ускорив получения их семьям социальной поддержки. Однако сохраняются сложности в доказывании обстоятельств пропажи лица и возникают новые социальные проблемы, требующие дальнейшей доработки законодателем, а также разъяснительной работы с правоприменителями и заинтересованными лицами.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения 18.03.2026). – Режим доступа: Консультант Плюс [справ.-правовая система], свобод. из локал. сети Липецкого фил. РАНХиГС.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51 ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 30 декабря 1994 г. N 52-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3302.

4. О внесении изменений в статью 19 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»: федер. закон от 29 декабря 2022 г. № 641 ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 1 (ч. I). – Ст. 15.

5. О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» : федер. закон от 14 апреля 2023 г. № 120 ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 16. – Ст. 2817.

6. Заливин, С. П. Роль и место военно-политических органов в организации работы с членами семей военнослужащих, пропавших без вести при выполнении задач в специальной военной операции / С. П. Заливин // 80-летие Великой Победы: исторический опыт и современные проблемы военной безопасности России. – 2025. – С. 115-121.

Шардыкина С.А., студентка
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ В РАЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЯХ ПОПЕЧЕНИЯ НАД ДЕТЬМИ-СИРОТАМИ

Аннотация

В данной статье рассмотрены особенности социально-педагогической поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в зависимости от избранной модели попечения. Особое внимание уделяется сравнительному анализу содержания, методов и результатов социально-педагогической поддержки в каждой модели.

В настоящее время данная тема является актуальной, поскольку тысячи выпускников детских домов ежегодно вступают в самостоятельную жизнь, и не имеют достаточных навыков адаптации. Важно определить, какая модель попечения и сопровождения даёт ребёнку реальные возможности для успешной социализации, и создания собственной семьи.

Ключевые слова: семья, дети, дети-сироты, социализация, постинтернатное сопровождение, модели попечения, формы устройства, институциональная модель, семейная модель.

Проблема социально-педагогической поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, сохраняет свою актуальность на протяжении многих десятилетий.

Каждая из этих моделей порождает специфическую систему социально-педагогической поддержки, которая имеет свои цели, содержание, методы и ожидаемые результаты. В статье Андреевой А.Ю. «Реструктуризация детских домов: проблемы и перспективы» подробно анализируется современное состояние институциональной модели попечения в России, а в статье Лавровой С.В. «Детская деревня – особая форма устройства детей в семью» обосновывается необходимость развития альтернативных семейных форм устройства.

Стоит выделить Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», который определяет правовую основу социально-педагогической поддержки детей-сирот Статья 1 данного Закона закрепляет такие формы устройства детей-сирот, как усыновление (удочерение), опека и попечительство,

приемная семья, организации для детей-сирот такие как, образовательные, медицинские и социальные.

Институциональная модель предполагает размещение ребенка в организации для детей-сирот, где он находится под надзором государства на условиях полного государственного обеспечения. Основными задачами организаций для детей-сирот являются обеспечение содержания, воспитания, образования, охраны здоровья, медико-психолого-педагогической реабилитации и социальной адаптации детей, оставшихся без попечения родителей, защиты их прав и законных интересов. Воспитанники принимают участие в самообслуживании, работают в мастерских, на опытном участке, занимаются в различных кружках, секциях, участвуют в спортивных соревнованиях и творческих конкурсах. Выпускники детского дома могут быть возвращены родителям, лицам их замещающим, или направлены для поступления в ВУЗы, ПТУ, техникумы или на работу [3, с. 97].

Но, несмотря, на все это, институциональная модель сохраняет ряд недостатков. Они связаны и с огромным количеством детей-сирот, которые нуждаются во внимании и заботе, и с недостатком квалифицированных сотрудников, в совокупности это создает одну большую проблему, которая требует дополнительные меры по ее решению, для улучшения качества жизни детей и в будущем к их адаптации.

Семейная же модель предполагает передачу ребенка на воспитание в семью. Это может быть и усыновление (удочерение), в этом случае ребенок приобертает все права родного ребенка, и опека и попечительство, и приемная семья, а также патронат.

Важной формой принятия на воспитание детей является Детская деревня-SOS, которая «представляет собой несколько неполных семей, живущих на одной территории. Во главе каждой семьи стоит SOS-мама, вокруг которой объединяются детей, ставшие сиротами или оставшиеся без опеки или попечения со стороны своих родителей по разным причинам в возрасте до шестнадцати лет. Детские деревни располагаются в близи населенных пунктов. На территории деревни SOS вблизи друг от друга располагаются от 10 до 15 домов. В каждом доме проживает семья, состоящая из SOS-мама и приемных детей, которых может быть разное количество от 4 до 10» [2, с. 41].

Наиболее эффективной моделью принятия ребенка на воспитания все же является семейная модель принятия ребенка. Но важно понимать, что не все дети могут быть переданы в замещающие семьи, это могут быть и подростки, и дети, которые являются братьями и сестрами, и дети с ограниченными возможностями. Именно для таких категорий детей, на мой взгляд, особенно важна социально-педагогическая поддержка.

Социально-педагогическая поддержка в замещающих семьях отличается от институциональных учреждений. Здесь, конечно же, будут учитываться особенности каждого ребенка, поддержка будет направлена на укрепление семьи, сопровождение может продолжаться и после совершеннолетия ребенка. Главным элементом такой системы поддержки будут являться именно замещающие родители.

Существуют специальные центры психолого-педагогической поддержки, которые оказывают консультативную, психологическую, педагогическую и социальную помощь лицам, принявшим детей на воспитание, они осуществляют подготовку граждан, которые выразили желание принять детей-сирот. Особого внимания заслуживает постинтернатное сопровождение это и содействие в трудоустройстве, и выборе профессии, и консультирование по социально-правовым вопросам и так далее.

Создание Дома Юношества, предложенная в первой статье, во многом перекликается с функциями отделений постинтернатного сопровождения, однако предполагает более структурированную и долгосрочную форму поддержки. Как отмечает С.В. Лаврова: «Дом Юношества должен создаваться в целях оказания помощи воспитанникам детских домов интегрироваться в общество согласно их желанию социальной адаптации. Для достижения данной цели выполняет следующие задачи: оказывает помощь выпускникам организации образование из числа детей-сирот и детей оставшихся без попечения родителей в продолжении обучения в профессиональных учебных заведениях; создаёт условия для социальной адаптации к самостоятельной жизни, содействуют развитию индивидуальных способностей; оказывает воспитанником выпускникам учебных заведений со действие в трудоустройстве» [1, с. 36].

Таким образом, можно сделать вывод, что социально-педагогическая поддержка детей-сирот является важным элементом любой модели попечения, но ее содержание и методы существенно различаются в институциональной и семейной моделях. На мой взгляд эффективность социально-педагогической поддержки определяется качеством ее организации, профессионализмом кадров и учетом индивидуальных потребностей ребенка, а перспективнымы направлениями развития системы попечения будет являться создание организаций подобных детским деревням-SOS и Домам Юношества.

Список цитируемой литературы:

1. Лаврова, С. В. Дом юношества как особая форма социализации выпускников детских домов / С. В. Лаврова // Духовно-нравственные ценности как основа технологического суверенитета России. – 2024. – С. 34-38.

2. Лаврова, С. В., Филиппова, Д. А. Детская деревня – особая форма устройства детей в семью / С. В. Лаврова, Д. А. Филиппова // Духовно-нравственные ценности как основа технологического суверенитета России. – 2024. – С. 39-43.

3. Андреева, О. Ю. Реструктуризация детских домов: проблемы и перспективы / О. Ю. Андреева // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. Серия: Право. – 2014. – № 13– С. 97-102.

Швецова Т.С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация

Статья посвящена анализу проблем правового регулирования приобретения права собственности на недвижимое имущество в Российской Федерации, особенно в ситуациях, связанных с участием несовершеннолетних и использованием средств государственной поддержки, таких как материнский (семейный) капитал, в статье рассматриваются сложности, возникающие в процессе реализации сделок, включая необходимость получения согласия органов опеки и попечительства, а также неоднородность правоприменительной практики в разных регионах, предлагаются конкретные законодательные изменения, направленные на устранение правовой неопределённости и повышение эффективности механизмов защиты имущественных прав несовершеннолетних, включая введение ускоренной процедуры согласования сделок в исключительных жизненных ситуациях.

Ключевые слова: право собственности, несовершеннолетние, органы опеки, материнский капитал, недвижимость, согласование сделок, правовая неопределённость, добросовестные участники, жилищные условия.

Право собственности как основополагающий институт гражданского права играет ключевую роль в правовом регулировании имущественных отношений, формируя правовые гарантии владения, пользования и распоряжения имуществом. Конституция Российской Федерации

провозглашает неприкосновенность собственности, что подчёркивает её особое значение в правовом и экономическом пространстве государства, вместе с тем, механизм приобретения права собственности представляет собой сложный юридический процесс, в котором взаимодействуют нормы как материального, так и процессуального характера.

«Современная юридическая практика демонстрирует, что при реализации права на приобретение собственности нередко возникают существенные затруднения, связанные как с правовой неопределённостью, так и с пробелами и коллизиями в действующем законодательстве, проблемы затрагивают как классические способы приобретения (сделки, наследование, приобретательная давность), так и более специфические механизмы, например, приватизацию, регистрацию прав, перераспределение имущества в рамках банкротства и иное» [1, с. 242].

Кроме того, практика применения норм о приобретении права собственности выявляет многочисленные конфликтные ситуации – от недействительности сделок и двойной регистрации до добросовестного приобретения имущества у лица, не обладающего правом распоряжения.

Современная правовая действительность нередко сталкивает участников гражданского оборота с рядом сложностей при реализации и оформлении сделок с недвижимостью, в которых фигурируют несовершеннолетние лица. Законодательство Российской Федерации возлагает на родителей, опекунов и иных законных представителей обязанность по обеспечению надлежащей защиты имущественных интересов детей, что обуславливает многоступенчатую систему согласований при заключении таких сделок.

На практике данная процедура становится не только юридически сложной, но и неравномерно реализуемой в различных субъектах Российской Федерации.

Ключевое значение в данном контексте имеет норма, закреплённая в пункте 3 статьи 37 Гражданского кодекса РФ, устанавливающая прямой запрет на осуществление возмездных сделок между подопечными и их опекунами, попечителями, а также ближайшими родственниками указанных лиц. Исключение составляют случаи, когда имущество передаётся в дар либо предоставляется во временное безвозмездное пользование.

Дополнительно, закрепляется запрет на представительство интересов подопечного при наличии конфликта интересов, в том числе при участии в судебных разбирательствах, указанные положения, сформулированные в целях предотвращения злоупотреблений, нередко становятся препятствием для реализации объективно обоснованных сделок, направленных на улучшение условий проживания семьи, включая несовершеннолетних [2, с. 4].

Типовая ситуация иллюстрирует глубину проблемы: родители приобретают жильё в ипотеку, частично погашая задолженность средствами материнского (семейного) капитала, в силу требований законодательства, они обязуются оформить доли в праве собственности на жильё не только на себя, но и на детей, включая тех, кто родился после реализации права на маткапитал, позднее, стремясь улучшить жилищные условия, семья принимает решение приобрести новое жильё, более просторное и комфортное.

Однако, без отчуждения первого объекта недвижимости, на которое наложено обременение в виде долей детей, покупка второго становится экономически невозможной.

При этом порядок согласования сделок, затрагивающих имущественные интересы несовершеннолетних, требует обязательного участия органа опеки и попечительства, а также нотариального удостоверения. Но даже в случаях, когда предлагаемые родителями схемы предполагают сохранение или улучшение жилищных условий детей, например, выделение аналогичных или больших по размеру долей в новом объекте недвижимости – согласие органов опеки не гарантировано.

Судебная практика свидетельствует о высокой степени произвольности принимаемых решений: в одних регионах допускается продажа детских долей при условии перечисления эквивалентной суммы на специализированный банковский счёт ребёнка, в других – аналогичная схема категорически отвергается [3].

Фактором неопределённости служит нежелание отдельных нотариусов удостоверять сделки до снятия ипотечного обременения, несмотря на то, что банк, как залогодержатель, не возражает против перехода прав. Такая позиция зачастую продиктована правовым формализмом и боязнью правовых последствий в условиях отсутствия единых разъяснений по данной категории сделок.

Возникает замкнутый правовой круг: реализовать первую квартиру, не нарушив законодательство, невозможно, поскольку доли детей не могут быть отчуждены без предоставления равноценных имущественных прав; приобрести второе жильё до продажи первого – экономически затруднительно.

Органы опеки в ряде случаев настаивают на приобретении "промежуточного" жилья, где детям должны быть выделены доли перед продажей исходного объекта. Такая позиция очевидно не отвечает ни интересам семьи, ни принципу разумности, заложенному в статью 1 ГК РФ.

Правовой анализ показывает, что действующее регулирование нуждается в корректировке, нами предлагается, в частности, уточнение положений статьи 37 ГК РФ в части определения круга допусти-

мых сделок, при условии доказанного улучшения имущественного положения ребёнка.

Представляется целесообразным законодательно закрепить обязанность органов опеки представлять мотивированные письменные отказы, с чёткой ссылкой на нормы законодательства и правовой анализ ситуации по существу, что позволило бы избежать произвольности при принятии решений и обеспечило бы возможность последующего обжалования отказов в судебном порядке.

Также одной из ключевых проблем, с которыми сталкиваются семьи, использовавшие средства материнского (семейного) капитала для приобретения жилья, заключается в отсутствии механизма экстренной продажи такого жилья в случае форс-мажорных обстоятельств (например, тяжёлое заболевание члена семьи, утрата трудоспособности, развод, гибель одного из родителей, необходимость переезда в другой регион по работе или по медицинским показаниям и т.д.).

В настоящее время реализация объекта недвижимости, в котором имеются доли несовершеннолетних, строго ограничена нормами Гражданского кодекса РФ и требует предварительного согласия органов опеки и попечительства, однако процедура получения такого согласия является длительной, непрозрачной и непредсказуемой, что может привести к реальной угрозе интересам всей семьи, включая самого ребёнка. Отказ органа опеки может быть обусловлен формальными причинами – отсутствием в момент обращения заранее подобранного и одобренного альтернативного жилья, несмотря на то, что продать недвижимость без средств от её реализации невозможно, поэтому возникает замкнутый круг, в котором защита прав ребёнка де-факто приводит к нарушению других прав – как его самого (на достойные условия жизни, на медицинскую помощь, на сохранение семьи), так и родителей.

Для решения данной нами предлагается внести изменения в статью 37 ГК РФ, дополнив её новой частью, предусматривающей возможность упрощённой и ускоренной процедуры согласования сделок с недвижимостью, в которых участвуют несовершеннолетние, при наличии подтверждённых обстоятельств, требующих срочного отчуждения имущества: В случае наступления исключительных жизненных обстоятельств, документально подтверждённых (необходимость срочного лечения, утрата трудоспособности родителя, развод, смерть одного из родителей, вынужденный переезд и т. д.), допускается проведение сделки по отчуждению недвижимого имущества, в котором выделены доли несовершеннолетним, с последующим обязательством приобретения и оформления за ними аналогичных долей в ином жилом помещении в срок, не превышающий шести месяцев с момента государственной регистрации сделки. Решение органа опеки и попечительства

в таких случаях должно быть принято в срок, не превышающий десяти рабочих дней с момента обращения.

«Институт права собственности, несмотря на его фундаментальное значение для гражданского оборота, в ряде аспектов сталкивается с существенными трудностями в реализации, особенно остро данные проблемы проявляются в процессе приобретения права собственности на жилую недвижимость с участием несовершеннолетних лиц и при использовании средств государственной поддержки, таких как материнский (семейный) капитал» [4, с. 176].

Подводя итог, можно отметить, что анализ норм действующего гражданского законодательства, прежде всего статьи 37 ГК РФ, показал, что механизмы защиты имущественных интересов несовершеннолетних, изначально направленные на недопущение злоупотреблений, на практике оборачиваются чрезмерным ограничением прав добросовестных участников оборота, затрудняют реализацию объективно обоснованных сделок и создают правовую неопределённость как для законных представителей несовершеннолетних, так и для третьих лиц, правоприменительная практика по вопросам распоряжения недвижимостью с участием детей крайне неоднородна. Органы опеки и попечительства, действующие в рамках собственных локальных подходов, зачастую принимают решения, лишённые единообразия и правовой логики. Сложившаяся ситуация демонстрирует отсутствие чётких критериев, необходимых для оценки допустимости отчуждения имущества, принадлежащего несовершеннолетним, в контексте сохранения или улучшения их жилищных условий. Устранение указанных правовых барьеров возможно путём точечной, но концептуально важной модернизации действующего законодательства

Список цитируемой литературы:

1. Лаврова, С.В. Самозащита вещных прав и законных интересов собственника и иного титульного владельца. // Глобальная трансформация России в эпоху цифровизации: проблемы, особенности, тенденции: материалы XIII международной научно-практической конференции (17 апреля 2019 г.) г. Липецк. – Елец: ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», 2019. – С. 241-247.

2. Тарусин, В.А. Правовое регулирование оборота недвижимого имущества: значение, цели и безопасность / В.А. Тарусин // Право. – 2019. – № 3. – С. 4–7.

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Гасанова Афраила Аваз оглы и Мамедовой Наргиз Абдулали кызы на нарушение их конституционных прав абзацем первым пункта 1 статьи 28 и пунктом 3 статьи 37 Гражданского кодекса Российской Федерации:

Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 07 декабря 2017 г. № 2789-О. [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru. (дата обращения: 19.04.2025).

4. Камышанская, О. А. Материнский капитал и реализация стратегических задач поддержки и укрепления семьи / О. А. Камышанская // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 10(14). – С. 176-183.

Шкодин М.В., студент
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса», г. Москва
Научный руководитель – Дементьева А.А., преподаватель

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОДСУДНОСТИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ МЕЖДУ РАЙОННЫМ СУДОМ И МИРОВЫМ СУДЬЁЙ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация

Институт подсудности является фундаментальной категорией гражданского процессуального права, обеспечивающей реализацию конституционного права каждого на судебную защиту. Среди всех звеньев судебной системы наиболее массовыми и загруженными являются мировые судьи и районные (городские) суды. Именно правильное разграничение подсудности между ними имеет критическое значение для доступности правосудия, равномерности судебной нагрузки и соблюдения конституционных гарантий. Целью данной статьи является всесторонний анализ проблем правовой регламентации и правоприменения при разграничении подсудности гражданских дел между мировыми судьями и районными судами, выявление существующих пробелов и противоречий, а также формулирование предложений по совершенствованию законодательства и судебной практики.

Ключевые слова: подсудность; мировой судья; районный суд.

Статья 23 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) устанавливает исчерпывающий перечень гражданских дел, которые мировой судья рассматривает в качестве суда первой инстанции. В соответствии с частью 1 указанной статьи к подсудности мирового судьи относятся: дела о выдаче судебного приказа; дела о расторжении брака, если между супругами отсутствует

спор о детях; дела о разделе между супругами совместно нажитого имущества при цене иска, не превышающей пятидесяти тысяч рублей; дела по имущественным спорам, за исключением дел о наследовании имущества и дел, возникающих из отношений по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности, при цене иска, не превышающей пятидесяти тысяч рублей; дела по имущественным спорам, возникающим в сфере защиты прав потребителей, при цене иска, не превышающей ста тысяч рублей [2].

Как отмечает Луконина Ю.А. в статье «Диалектика цифровизации правосудия по гражданским делам: ключевые коллизии и пути их преодоления», процессуальная реформа 2019 года, в силу которой изменились правила определения подсудности мировых судей и районных судов, стала одним из наиболее ярких примеров модернизации гражданского процесса современности. В результате реформы изменилась схема обжалования судебных актов, появились новые процессуальные институты, что повлияло на правила подсудности [5].

Статья 24 ГПК РФ устанавливает следующее правило: гражданские дела, подсудные судам общей юрисдикции, за исключением дел, предусмотренных статьями 23, 25, 26 и 27 настоящего Кодекса, рассматриваются районным судом в качестве суда первой инстанции [2]. Таким образом, районный суд является судом общей компетенции по первой инстанции, а подсудность мирового судьи, верховного суда республики, областного, краевого и других судов уровня субъекта РФ, а также Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ) выступает изъятием из этого общего правила.

Пункт 4 статьи 23 ГПК РФ содержит принципиально важную норму: споры между мировым судьёй и районным судом о подсудности не допускаются. Кроме того, все сомнения в вопросах подсудности толкуются в пользу подсудности районного суда [2].

Одной из наиболее острых проблем является отсутствие единообразия в понимании категории «цена иска». В гражданском процессе она определяется по правилам статьи 91 ГПК РФ, однако на практике возникают сложности с её исчислением в неимущественных требованиях, требованиях, состоящих из нескольких самостоятельных частей, а также при изменении исковых требований в ходе процесса.

Например, в соответствии с пунктом 5 части 1 статьи 23 ГПК РФ мировой судья рассматривает дела по имущественным спорам, возникающим в сфере защиты прав потребителей, при цене иска, не превышающей ста тысяч рублей [2]. При этом в цену иска по спорам о защите прав потребителей входят стоимость товара (услуги, работы), размер неустойки, убытков. Однако сумма компенсации морального вреда в цену иска не включается. Это создаёт сложности для правоприме-

нителя, который должен определить, превышает ли общая сумма заявленных требований (без учёта морального вреда) установленный законом лимит.

В соответствии с пунктом 8 части 1 статьи 91 ГПК РФ цена иска определяется по искам о досрочном расторжении договора имущественного найма исходя из совокупности платежей за пользование имуществом в течение оставшегося срока действия договора, но не более чем за 3 года [2]. Это также создаёт сложности на практике, поскольку необходимо определить какая именно сумма подлежит включению в цену иска для целей определения родовой подсудности.

Кроме того, если мировой судья приходит к выводу о явном занижении цены иска, которая в действительности превышает установленные пределы, то он возвращает заявление и в мотивированном определении указывает, что заявителю за разрешением спора следует обратиться в районный суд.

Пункт 3 статьи 23 ГПК РФ предусматривает, что при объединении нескольких связанных между собой требований, изменении предмета иска или предъявлении встречного иска, если новые требования становятся подсудными районному суду, а другие остаются подсудными мировому судье, то все требования подлежат рассмотрению в районном суде [2].

В правоприменительной деятельности нередко возникает проблема точного толкования конструкции «связанные между собой требования». Для устранения пробела М.Ю. Рожкова считает целесообразным сформулировать строгое доктринальное понятие данной категории, а также внедрить специальный количественный ценз для установления подсудности. Как справедливо подчеркивает исследователь, непрерывная динамика социальных взаимодействий объективно требует пересмотра подходов к дифференциации правового регулирования – это необходимо для безошибочного определения надлежащего юрисдикционного органа [6].

Традиционно в сфере судопроизводства критериями разграничения предметов ведения судов являются характер спорного правоотношения, а также субъектный состав. Особый интерес вызывает вопрос определения подсудности связанных между собой требований, поскольку в этом случае заявленные требования могут иметь различную материально-правовую природу, в связи с чем относиться к различным видам судопроизводства, к компетенции судов разных инстанций.

Одной из наиболее значимых проблем является отсутствие законодательно закреплённой возможности передачи дела из районного суда мировому судье. Действующее законодательство не предусматривает механизма обратной передачи такого дела мировому судье, что

приводит к неоправданной нагрузке на районные суды и замедлению рассмотрения дела.

При изменении подсудности в ходе рассмотрения дела у морового судьи и передаче дела в районный суд возникает нерешённый вопрос о том, как быть с уже проведёнными процессуальными действиями, допрошенными свидетелями, исследованными доказательствами. Должен ли районный суд рассматривать дело заново или может использовать результаты, полученные мировым судьёй? Действующее законодательство не даёт однозначного ответа, что порождает противоречивую судебную практику. Следовательно, если родовая подсудность спора меняется непосредственно в процессе судебного разбирательства, мировой судья обязан вынести определение о направлении материалов в районную инстанцию. При этом процессуальный закон содержит очевидный пробел: алгоритм дальнейшего производства по такому делу судом вышестоящего звена нормативно не закреплен.

Существует проблема целесообразности изменения подсудности в определённых ситуациях. Как отмечает Эмеров А.А., на практике нередки случаи, когда истцы намеренно заявляют требования с незначительным превышением лимита подсудности мирового судьи, чтобы дело изначально рассматривалось в районном суде, или, наоборот, занижают цену иска, чтобы обратиться к мировому судье, а затем увеличивают требования [8]. Такие действия, хотя формально и не противоречат закону, могут рассматриваться как злоупотребление процессуальными правами, однако чёткого механизма противодействия таким злоупотреблениям законодательство не содержит.

Анализ судебной практики, проведенный коллегией по гражданским делам Красноярского краевого суда, выявил системные недочеты при принятии исков. Как показывает мониторинг, судьи не всегда детально изучают поступающие материалы на этапе подачи. Нередки случаи, когда при явных признаках неподсудности спора должностные лица, руководствуясь ложно понятыми интересами процессуальной экономии, игнорируют механизм возврата заявлений (ст. 135 ГПК РФ). Вместо этого дела принимаются к производству, а затем перенаправляются в другие суды в порядке ст. 33 ГПК РФ. Подобная практика неизбежно влечет за собой необоснованное затягивание сроков разбирательства.

В материалах обобщения особо подчеркивается, что назначение предварительных заседаний исключительно для решения вопроса о передаче дела по подсудности недопустимо. Такая стратегия «заведомого нарушения» временных рамок, установленных ст. 154 ГПК РФ, квалифицируется как несоблюдение фундаментальных принципов гражданского судопроизводства.

Несмотря на создание института мировых судей с целью разгрузки районных судов и приближения правосудия к населению, многие категории дел, которые могли бы быть отнесены к компетенции мировых судей, на практике рассматриваются районными судами. Причины этой ситуации многообразны: недостаточная информированность населения о полномочиях мировых судей; сложности с определением подсудности, которые приводят к тому, что истцы предпочитают обращаться в районный суд «на всякий случай»; неоправданно узкий перечень дел, отнесённых к компетенции мировых судей.

С развитием цифровых технологий и расширением использования электронных доказательств, интернет-платформ и трансграничных споров возникают новые проблемы определения подсудности. Особое внимание следует уделить проблемным вопросам определения подсудности дел, связанных с интернет-технологиями, трансграничными спорами и другими новыми вызовами. В частности, при рассмотрении споров, возникающих в сфере электронной коммерции, защите прав потребителей в интернете, а также при использовании искусственного интеллекта, традиционные критерии разграничения подсудности (место жительства ответчика, место нахождения имущества) могут оказаться недостаточными или неприменимыми. Цифровизация ставит новые вызовы перед правоприменителем, требуя адаптации существующих правил подсудности к современным реалиям.

Итоги анализа существующих пробелов в законе и правоприменительной практике позволяют наметить несколько ключевых путей для оптимизации действующего законодательства:

1. Унификация расчетов цены иска. Назрела потребность в разработке единых, не допускающих двойного толкования критериев для определения цены иска. Прямое закрепление таких правил в законе поможет четко разграничивать родовую подсудность и сведет на нет противоречия, возникающие в судебной практике.

2. Критерии для связанных требований. При рассмотрении взаимосвязанных исковых заявлений важно ввести конкретный количественный ценз. Это устранит путаницу и даст ясный ответ на вопрос, в каких ситуациях дело подлежит рассмотрению в районной инстанции, а в каких – передается мировому судье.

3. Обратная передача дел и процессуальный механизм. Отдельного внимания заслуживает алгоритм изменения подсудности в процессе разбирательства. Целесообразно дополнить ГПК РФ положением, разрешающим направлять материалы из районного суда обратно мировому, если сумма требований снизилась до соответствующего лимита. При этом сам механизм передачи должен быть детально прописан:

важно урегулировать статус уже собранных доказательств и проведенных действий, чтобы смена инстанции не затягивала процесс.

4. Оптимизация нагрузки. Для снижения колоссального давления на районные суды имеет смысл пересмотреть и, возможно, расширить перечень категорий споров, отнесенных к компетенции мировых судей. Это сделает правосудие более оперативным и доступным для граждан.

5. Адаптация к цифровой среде. В условиях стремительной информатизации действующие нормы объективно нуждаются в модернизации. Споры, вытекающие из активности в интернете, часто носят экстерриториальный характер, поэтому для них требуются особые, адаптированные правовые механизмы определения компетентного суда.

6. Правовое просвещение. Параллельно следует работать над повышением юридической грамотности общества. Граждане зачастую просто не знают, с какими вопросами нужно идти к мировому судье, поэтому качественное информирование поможет людям с первого раза обращаться по верному адресу.

7. Контроль за процессуальными сроками. Судейскому корпусу стоит смелее применять институт возврата искового заявления, если неподсудность очевидна изначально. Это предотвратит необоснованную миграцию дел между инстанциями уже после их принятия к производству и сэкономит время всем участникам процесса.

В заключение необходимо отметить, что действующее гражданское процессуальное законодательство Российской Федерации устанавливает достаточно чёткую систему разграничения родовой подсудности между мировыми судьями и районными судами, основанную на двух основных критериях – характере (категории) спора и цене иска. Статьи 23 и 24 ГПК РФ закрепляют компетенцию каждого из указанных звеньев судебной системы. Но несмотря на формальную определённость правовой регламентации, правоприменительная практика сталкивается с рядом системных проблем, для решения которых необходимо дальнейшее совершенствование законодательства, включая унификацию правил определения цены иска, закрепление возможности передачи дела из районного суда мировому судье, детальную регламентацию процессуального механизма передачи дел, расширение подсудности мировых судей, а также адаптацию правил подсудности к цифровой реальности. Подсудность следует рассматривать как базовый правовой инструментарий, без которого немыслима практическая реализация права на компетентный и беспристрастный суд. Вектор модернизации этого института сегодня должен смещаться в сторону создания безбарьерной среды для заявителей, минимизации процессу-

альных издержек и жесткой синхронизации правоприменительных подходов во всех звеньях судебной системы.

Список цитируемой литературы:

1. Воронин Д.Ю., Направление дела по подсудности: проблемы правового регулирования и особенности процессуального оформления / Д.Ю. Воронин // Вестник гражданского процесса. – 2021. – Т. 11. – № 3. – С. 293-315.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. Законов о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, 7-ФКЗ, от 05.02.2004 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 № 1-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398 (Ст. 4412).

4. Луконина Ю.А., Диалектика цифровизации правосудия по гражданским делам: ключевые коллизии и пути их преодоления / Ю.А. Луконина // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 10. – С. 25-31.

5. Обобщение практики по вопросам подсудности гражданских дел районным (городским) судам и мировым судьям (Красноярский краевой суд) // СПС «Гарант». – 2014.

6. Рожкова М.Ю., Подсудность связанных между собой требований в гражданском судопроизводстве / М.Ю. Рожкова // Мировой судья. – 2025. – № 2. – С. 27-31.

7. Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ (ред. от 28.06.2024) «О мировых судьях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 51. – Ст. 6270.

8. Эмеров А.А., Соблюдение правил о подсудности как одно из условий реализации права на обращение в суд / А.А. Эмеров // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – №5. – С. 112-119.

Шубина Д.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

В статье исследуются правовые аспекты применения суррогатного материнства в Российской Федерации как метода вспомогательных репродуктивных технологий, направленного на борьбу с бесплодием. Анализируется действующая нормативная база, особое внимание уделяется противоречиям в законодательстве относительно процедуры установления родительских прав, отсутствию единых требований к заказчикам и неоднозначной правовой природе договора суррогатного материнства, который не может квалифицироваться как классическая гражданско-правовая сделка. В работе обосновывается необходимость совершенствования законодательной базы.

Ключевые слова: суррогатное материнство, вспомогательные репродуктивные технологии, договор суррогатного материнства, установление родительских прав, правовое регулирование, семейное право, гражданско-правовые отношения, судебная практика, законодательная реформа.

Вспомогательные репродуктивные технологии как метод лечения бесплодия используется в Российской Федерации в виде суррогатного материнства уже более тридцати лет. Данные отношения позволяют обрести ребенка при отсутствии возможности самостоятельно его выносить и родить, посредством привлечения суррогатной матери. Статистика показывает, что рост бесплодия у женщин с каждым десятилетием повышается, что приводит некоторых из них прибегнуть к вспомогательным репродуктивным технологиям. Несмотря на это «недостаточность единых правовых стандартов и растущая неоднородная практика суррогатного материнства подчеркивают необходимость дальнейшего изучения проблемы и совершенствования законодательной базы» [3].

Согласно части 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ суррогатное материнство – это вынашивание и рождение ребёнка (в том числе преждевременные роды) по договору, который заключается между суррогатной матерью и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо

одинокой женщиной, для которой вынашивание и рождение ребёнка невозможно по медицинским показаниям.

В юридической науке выделяются различные классификации суррогатного материнства. «В зависимости от генетического вклада различают гестационное и традиционное суррогатное материнство. Первое заключается в том, что эмбрион создается с использованием биологического материала предполагаемых родителей или доноров и переносится в организм суррогатной матери, которая не имеет с ребенком генетической связи. Во втором случае используется яйцеклетка суррогатной матери, оплодотворяемая сперматозоидом предполагаемого отца или донора, вследствие чего она становится биологической матерью ребенка» [3].

Институт суррогатного материнства попадает под регулирование Гражданским кодексом Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, ключевыми тут будут положения о сделке, так же, помимо этого, регулируется нормами указанного выше Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ в сфере применения вспомогательных репродуктивных технологий.

Как и для иных договорных отношений, договор суррогатного материнства является главенствующим документом, подтверждающим волеизъявление сторон, а также закрепляющим их права и обязанности. Так же данный договор может включать в себя дополнительную сторону в виде медицинских учреждений и закреплять ее правовой статус. Данный документ должен фиксировать как аспекты связанные с течением беременности, организацией медицинского наблюдения, так и аспекты связанные с процедурой передачи ребёнка, установлением родительских прав, а также меры ответственности за неисполнение обязательств сторонами. Но главенствующей проблемой в данных отношениях является вопрос установления родительских прав.

В соответствии с частью 2 пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ, определено, что лица, состоящие в браке между собой, если одно из них или оба являются гражданами Российской Федерации на момент заключения договора о вынашивании и рождении ребенка, или одинокая женщина, имеющая гражданство Российской Федерации на момент заключения договора о суррогатном материнстве, давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях вынашивания и рождения ребенка, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка. Данная норма содействует интересам лишь одной из сторон договора суррогатного материнства, чем вызвала множество трудностей, заключающихся в конфликте интересов участников.

В статье 51 Семейного кодекса РФ указаны лица, которые могут быть заказчиками до указанному договору, к ним относятся супруги, давшие согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания. В силу статьи 55 Федерального закона № 323-ФЗ это могут быть потенциальные родители, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокая женщина, если вынашивание и рождение ребенка для них невозможно по медицинским показаниям.

В Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ закреплены основные требования к суррогатной матери, которые включают в себя: возраст, гражданство Российской Федерации, наличие собственного здорового ребёнка, состояние здоровья, письменное согласие на медицинское вмешательство, но ограничений к заказчикам, в лице потенциальных родителей нет. По мнению А.И Соловьева, «в программе суррогатного материнства в качестве потенциальных родителей, решивших получить ребенка таким нестандартным образом, могут участвовать только дееспособные граждане, лица, дееспособность которых решением суда не была ограничена, лица, которые ранее не были лишены родительских прав или ограничивались в родительских правах» [5].

Вопрос правовой природы договора суррогатного материнства продолжает вызывать оживлённые споры, особенно при попытке определить его предмет. Поскольку, согласно положениям статьи 128 ГК РФ, физическое лицо не может быть объектом гражданских прав, соответственно ребёнок, рожденный суррогатной матерью, не может выступать предметом сделки. Это исключает возможность классификации такого договора как гражданско-правового, так как он не регулирует имущественные, а затрагивает сложные личные неимущественные отношения.

Вопрос об определении формы договора в этом случае носит так же не мало важное значение. Фактическое обеспечение защищенности потенциальных родителей в противовес части 2 пункта 4 статьи 51 СК РФ, которая наделяет суррогатную мать возможностью диспозитива в действиях связанных с записью родителей ребенка, заключается в нотариальном удостоверении волеизъявления заказчика и исполнителя. Только с момента нотариального оформления договор приобретает юридическую силу – это способствует укреплению правовой определённости и стабильности в отношениях между сторонами.

На сегодняшний день в судебной практике нет единства мнений относительно того, как разрешать конфликты в сфере суррогатного материнства. Практика показывает разные итоги: в одних ситуациях позицию женщины в лице суррогатной матери, решившей не отдавать ребенка, признают приоритетной, в других – суд обязывает исполнить условия контракта в пользу потенциальных родителей. В сложившихся условиях встает острый вопрос модернизирования законодательства.

Прежде всего, требуется закрепить в Гражданском кодексе РФ форму договора суррогатного материнства, что снизит уровень правовой неопределенности. Главная цель реформы – создать сбалансированную систему, обеспечивающую защиту интересов каждой стороны и минимизирующую риски злоупотреблений.

Список цитируемой литературы:

1. Мельничук, М.А., Канукова, Д.М. Актуальные проблемы реализации прав и обязанностей субъектами правоотношений с использованием вспомогательных репродуктивных технологий / М.А. Мельничук, Д.М. Канукова // Закон и право. – 2025. – №3. – С. 78-82.

2. Никулина, А.В. Проблемные аспекты правового регулирования суррогатного материнства в России / А.В. Никулина // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями – 2024. – № 24. – С. 11-112.

3. Пашина, А.А., Попазов, И.А. Договор суррогатного материнства по российскому и зарубежному законодательству либо к вопросу о договоре суррогатного материнства / А.А. Пашина, И.А. Попазов // Академическая наука. – 2025. – № 3. – С. 20-23.

4. Серебрякова, А.А. Проблемы правового регулирования суррогатного материнства / А.А. Серебрякова // Российская юстиция. – 2016. – № 12. – С. 52-54.

5. Соловьев, А.И. Проблемы института суррогатного материнства / А.И. Соловьев, Е.А. Магомедова // Форум молодых ученых. – 2021. – № 11. – С. 389-393.

Шубина Д.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель –Дорыданова И.В., преподаватель

ПОНЯТИЕ ИГР И ПАРИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ, ИХ ОБЩИЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ

Аннотация

В данной статье особое внимание уделено классификации игр и пари по уровню судебной защиты, которая имеет решающее значение для правоприменительной практики. Подчеркивается, что современное законодательное регулирование позволило устранить значительные

правовые пробелы, но разграничение данных институтов остается необходимым для единообразия в применении.

Ключевые слова: игры, пари, азартные игры, алеаторные сделки, риск, судебная защита.

В гражданском праве России игры и пари выступают разновидностью алеаторных сделок, основанных на состязательности и риске. Эти институты регулируются Гражданским кодексом РФ [1], а также федеральным законодательством, в частности, Федеральным законом от 29 декабря 2006 года №244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», где законодателем были закреплены два интересующих в нашем исследовании понятия:

1) азартная игра – основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором азартной игры;

2) пари – азартная игра, при которой исход основанного на риске соглашения о выигрыше, заключаемого двумя или несколькими участниками пари между собой либо с организатором данного вида азартной игры, зависит от события, относительно которого неизвестно, наступит оно или нет [2].

Исходя из легально закрепленных Федеральным законом от 29 декабря 2006 года №244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» понятий, можно выделить особенности игр и пари.

К особенностям игры, исходя из понятия, можно отнести: участники имеют возможность своими активными действиями влиять на результат; исход игры в узком смысле слова является результатом действий участников; организатор игры не участвует в ней, а выполняет функции арбитра и лица, осуществляющего выплату выигрыша победителя, помимо прочего устанавливает правила игры, определяет победителя, а также вправе побудить проигравшее лицо выполнить обязательства.

К особенностям пари, рассмотрев легально закрепленное определение, можно отнести: выигрыш или проигрыш ставятся в зависимость от правильности или неправильности приводимых сторонами доводов; участники не могут повлиять на наступление обстоятельств, от которых зависит исход пари, поскольку данные обстоятельства происходят вне зависимости от их воли и действий; а также суть пари заключается

непосредственно в проверке фактов, а не в активном участии сторон в наступлении обязательств.

Главной особенностью любой азартной игры в гражданско-правовом смысле является элемент случайности. Именно этот фактор объединяет исследуемые объекты.

К основным чертам сходства между игрой и пари исходя из изученного материала можно отнести: внезапность и случайность результата, который не находится в тесной связи с волевым влиянием сторон; рисковый характер (то есть алеаторность), предполагающий потенциальную опасность утраты имущества; имущественный характер выигрыша и риска проигрыша; публичность (за исключением случаев, когда игры проводятся без профессионального организатора); условность соглашений, заключаемых между контрагентами; равное распределение риска неблагоприятного исхода между сторонами; мотивация участников, заключающаяся в обогащении, получении удовольствия и стремлении к лидерству; отсутствие связи с рациональными хозяйственными или коммерческими рисками.

Основным критерием, по которому стоит разграничивать игру и пари, является способность участников влиять на исход процесса. Если участники могут воздействовать на условия выигрыша своими действиями или способностями, то речь идет об игре. Если же результат зависит от обстоятельств, наступивших независимо от воли сторон, то это пари.

С точки зрения классификации, О. В. Коваленко выделяет три вида игр в зависимости от того, насколько случай влияет на результат:

Престижные игры, к которым относятся спортивные соревнования, где результат предопределен личными качествами и мастерством участников.

Коммерческие игры, поскольку здесь присутствует элемент случайности, однако навыки игроков (например, комбинаторные способности) играют значительную роль.

Азартные игры, поскольку исход в них практически полностью зависит от случая, а личные качества участников не имеют весомого значения.

В российской юридической науке и практике игры и пари также классифицируются по уровню их судебной защиты. Во-первых, выделяются игры и пари, которые создают обязательства по выплате выигрыша, но не подлежат судебной защите согласно статье 1062 ГК РФ. В этом случае победитель не имеет права предъявлять иск в суде, а имущество, переданное в качестве проигрыша, не может быть истребовано обратно (за исключением особых случаев).

Закон (п. 3 ст. 1063 ГК РФ) защищает участников в случае отмены или переноса срока игр организатором, позволяя требовать возмещения реального ущерба.

Во-вторых, предусмотрена защита для случаев, когда участие в играх или пари было вызвано обманом, насилием, угрозой или злонамеренным соглашением представителя с организатором. В таких ситуациях сами игры или пари могут быть признаны недействительными через суд, что является основанием для правовой защиты интересов пострадавшей стороны.

Таким образом, современное российское законодательство смогло устранить значительные правовые пробелы, закрепив четкие определения азартных игр и пари. Несмотря на то, что это алеаторные соглашения с множеством общих черт, их разграничение имеет важное значение для правоприменительной практики и обеспечения единообразия судебных решений.

Список цитируемой литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 2 : федер. закон Рос. Федерации от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ : принят Гос. Думой 22 дек. 1995 г. : [ред. от 24 июня 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

2. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 29 дек. 2006 г. № 244-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2006 г. : одобрен Советом Федерации 27 дек. 2006 г. : [ред. от 29 декабря 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 1 (часть I). – Ст. 7.

3. Мадагаева, Т.Ф. Правовая природа рискового (алеаторного) договора / Т.Ф. Мадагаева // Вестник ВСГУТУ. – 2011. – № 3(34). – С. 163-177.

4. Султонова, Т.И. К вопросу о признаках азартных игр / Т.И. Султонова // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. – 2014. – № 3. – С. 62-70.

Шурупова Е.И., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Лаврова С.В., старший преподаватель

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И КЛАССИФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация

В настоящей статье анализируются понятие, признаки и классификации объектов интеллектуальной собственности в образовательной деятельности. На основе анализа правовой природы педагогических методик обоснована необходимость дополнения пункта 1 статьи 1259 ГК РФ указанием на «педагогические (образовательные) методики» как самостоятельный охраняемый объект интеллектуальных прав, при условии их выражения в объективной оригинальной форме.

Ключевые слова: образование; образовательная деятельность; образовательные методики;

Современный этап социально-экономического развития России характеризуется переходом к экономике знаний и бумом вокруг интеллектуальной собственности, что закономерно повышает роль образования как ключевого источника формирования нематериальных активов и инновационного потенциала. В условиях активной цифровизации всех сфер жизни образовательный процесс трансформируется, порождая широкий спектр уникальных результатов интеллектуальной деятельности – от цифровых курсов и интерактивных платформ до специфических педагогических методик, – при этом развитие интеллектуальной собственности приобретает критическую важность, поскольку без нее уже нельзя полноценно преподавать ни одну дисциплину. Действующее правовое регулирование интеллектуальной собственности базируется на нормах части четвертой Гражданского кодекса РФ и зачастую не учитывает особую природу образовательных продуктов, что создает значительные правовые риски, коллизии и мотивирует создателей. Таким образом, комплексный анализ теоретических основ и практических проблем охраны интеллектуальной собственности в образовании, с фокусом на специфические объекты, является своевременным и практически значимым.

Сегодня в условиях экономики знаний интеллектуальная собственность и компетенции стали ключевыми активами. Поэтому использование передовых информационных технологий в преподавании –

это не просто техническое обновление, а необходимое условие для развития системы образования, которая создает эту ценность. Образовательная деятельность, понимаемая в широком смысле как целенаправленный, педагогически организованный процесс обучения и воспитания, а также научно-исследовательская работа в учебных заведениях, генерирует непрерывный поток результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД), правовой режим которых требует детального научного осмысления и четкого практического применения. Комплексный анализ понятия, признаков и видов объектов интеллектуально собственности (далее – ИС) в образовании предполагает их рассмотрение сквозь призму доктринальных положений, действующего законодательства, части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. №230-ФЗ (далее – ГК РФ) и правоприменительной практики, с учетом специфики их создания и использования.

Согласно статье 1225 ГК РФ, интеллектуальной собственностью являются охраняемые законом результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. В современной юридической литературе подчеркивается, что «образовательная деятельность продуцирует как «классические» объекты ИС (например, учебник как объект авторского права), так и комплексные, синтетические продукты, сочетающие в себе элементы различных правовых режимов (например, массовый открытый онлайн-курс – МООС, включающий аудиовизуальное произведение, программу для ЭВМ и, потенциально, базу данных)» [1, с. 104].

Таким образом, понятие объектов ИС в образовательной деятельности можно определить, как охраняемые в соответствии с законодательством РФ результаты интеллектуальной деятельности, которые создаются, адаптируются или используются в целях осуществления обучения, воспитания, педагогического проектирования, научно-исследовательской работы, управления образовательным процессом и обеспечения функционирования образовательных организаций.

Специфика образовательных продуктов как потенциальных объектов ИС проявляется через диалектику их содержания (педагогическая концепция, методология) и формы (конкретное выражение). Как справедливо отмечает Е.А. Павлова: «сам по себе педагогический прием, методика или идея организации учебного процесса, не выраженные в объективной форме, «лежат вне сферы правовой охраны» [2, с. 88]. Это прямо вытекает из пункта 5 статьи 1259 ГК РФ, исключающего из объектов авторского права концепции, принципы и методы.

Правовая защита возникает лишь тогда, когда творческий замысел автора (педагога, методиста, программиста) находит свое воплощение в объективной форме, позволяющей его восприятие третьими лицами. Именно это воплощение и становится объектом прав. Например, неохраняемая «методика проблемного обучения» может быть реализована в охраняемом авторским правом сценарии конкретного интерактивного семинара, комплекте кейсов или структуре электронного учебного модуля.

Творческий характер выступает фундаментальным, хотя и оценочным, критерием для объектов авторского права (статья 1259 ГК РФ). В образовательном контексте творчество зачастую носит не столько прорывной, сколько интерпретационный, дидактический и компилятивный характер. По мнению А.П. Сергеева: «творческий вклад создателя учебного пособия может проявляться в оригинальной логике изложения материала, системе примеров и заданий, структурировании сложных теоретических положений, даже если используемая научная информация является общедоступной» [3, с. 46].

Результат должен быть зафиксирован на материальном и обладать объективированной формой. Эти признаки имеют доказательственное значение и служат отправной точкой для возникновения права.

Важно различать оригинальность в смысле новизны (которая не требуется для авторского права) и оригинальность как отражение личности автора. Два независимо созданных учебника по одному предмету, не копирующие друг друга, будут оригинальны в авторско-правовом смысле. Для цифровых образовательных продуктов оригинальность может заключаться «в пользовательском интерфейсе, навигации, способе интерактивного взаимодействия» [4, с. 112].

Применительно к изобретениям в образовательной сфере (например, новому техническому устройству-тренажеру или способу обучения) необходимо соответствие жестким критериям мировой новизны и наличия изобретательского шага для специалиста.

Систематизация объектов позволяет выявить их правовую природу и оптимальные способы защиты. Объекты авторского права регулируются главой 70 ГК РФ и представляют собой наиболее распространенную и разнообразную группу объектов гражданских правоотношений, в которую входят авторские инновационные методики преподавания. Рассмотрим эту группу более подробно:

1) учебные и научные произведения: учебники, учебные пособия, курсы лекций, методические указания, задачники, научные монографии и статьи. Их создание является стержневой деятельностью педагогического работника. «Правовой режим служебных произведений (статья 1295 ГК РФ) порождает сложные вопросы разграничения прав

работодателя (образовательной организации) и автора-педагога, особенно в сфере высшего образования, где творческая деятельность часто [5, с. 49], – пишет О.А. Рузакова;

2) аудиовизуальные произведения и мультимедийные продукты: образовательные фильмы, видеолекции, анимационные ролики, слайд-шоу. Их создание требует комплексных лицензионных соглашений с правообладателями использованных элементов (музыка, фрагменты других видео);

3) программы для ЭВМ: системы управления обучением (LMS – Learning Management Systems, например, Moodle, «1С: Образование»), симуляторы, тестирующие комплексы, мобильные приложения. Охраняются как литературные произведения (исходный код) и могут быть также защищены патентом в случае реализации аппаратно-программного комплекса;

4) базы данных: электронные библиотеки, каталоги образовательных ресурсов, репозитории выпускных квалификационных работ. Помимо авторско-правовой охраны подборки и расположения материалов, «изготовителю базы данных принадлежит «особое право», защищающее существенные инвестиции в ее создание (статья 1334 ГК РФ), что актуально для крупных образовательных платформ;

5) произведения изобразительного искусства и дизайна: иллюстрации в учебниках, оформление образовательных сайтов, фирменный стиль учебного курса.

Анализ не будет полным без упоминания двух ключевых аспектов. Для обеспечения свободы науки и преподавания. Это входит в противоречие с императивной нормой статья 1295 ГК РФ о принадлежности исключительного права работодателю. Разрешение этого конфликта возможно через детальную регламентацию в трудовых и гражданско-правовых договорах, а также в локальных нормативных актах вузов, что соответствует рекомендациям Минобрнауки России.

Также важно подчеркнуть позицию Леонтьева К.Б. и Тихомирова С.В.: «закон предоставляет изъятие из исключительного права позволяет использовать опубликованные произведения фрагментарно и только в качестве иллюстрации в учебных изданиях. Однако эта норма, как критикуется в литературе, явно устарела в цифровую эпоху и не покрывает многие реальные потребности (размещение статей в закрытой электронной образовательной среде, создание дайджестов и т.д.), что создает правовые риски для образовательных организаций» [6, с. 29] и не закрепляет права авторов.

Объекты интеллектуальной собственности (ИС) в образовательной деятельности включают разнообразные результаты творческой активности преподавателей, исследователей и разработчиков про-

граммного обеспечения, направленные на повышение качества образовательного процесса. Они охватывают широкий спектр творческих достижений: от традиционных учебных пособий и научных публикаций до современных мультимедийных курсов и специализированных технических решений. Ключевыми признаками объектов ИС являются: нематериальность (идеальный характер создаваемых ценностей, включая концепции, идеи и др.).

Обладание объективированным выражением: Необходимость фиксации творческого результата в материальной форме, доступной для восприятия третьим лицам); охраноспособность (возможность правовой защиты творчески оригинальных произведений и разработок, возникающая при соблюдении требований закона (оригинальность, фиксация); участие в гражданском обороте (возможность передачи прав, лицензирования и коммерциализации).

Образовательные учреждения сталкиваются с необходимостью балансировать между правами авторов и интересами работодателей, решая юридические проблемы, возникающие при создании и использовании авторских и патентоспособных объектов в учебном процессе. Регулирование должно учитывать современные тенденции цифровой эпохи, обеспечивая защиту прав авторов и гибкость в использовании объектов ИС для повышения эффективности образовательных процессов.

Список цитируемой литературы:

1. Право интеллектуальной собственности: учебник / под ред. И.А. Близнеца. – Москва: Проспект, 2016. – 891 с.

2. Павлова, Е.А. Авторское право в научной и образовательной деятельности: теория и практика. – М.: Статут, 2023. – 842 с.

3. Сергеев, А.П. Право интеллектуальной собственности: актуальные проблемы теории и судебной практики / А.П. Сергеев. – 2-е изд. – Москва: Издательство Проспект, 2003. – 751 с.

4. Калятин, В.О. Цифровые объекты в праве интеллектуальной собственности / В.О. Калягин // Журнал российского права. – 2022. – № 4. – С. 112.

5. Рузакова, О.А., Савельев А.И. Права на результаты интеллектуальной деятельности в университетах: трудовые и гражданско-правовые аспекты / О.А Рузакова, А.И. Савельев // Вестник гражданского права. – 2021. – № 6. – С. 49-52.

6. Моргунова, Е.А. Ограничения исключительных прав в образовательных и научных целях: необходимость реформирования / Е.А. Моргунова // ИС. Промышленная собственность. – 2022. – № 1. – С. 29-32.

Шурупова Е.И., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Калинина Е.В., канд. юрид. наук, доцент

РИСКИ И ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ ПРИ РАБОТЕ С ИСТОЧНИКАМИ В СФЕРЕ НАУКИ

Аннотация

Статья анализирует правовые риски для российских ученых, связанные с использованием источников от «нежелательных организаций» в научных публикациях. Рассматривается коллизия между требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008, ГК РФ и КоАП РФ ст. 20.33, приводящая к потенциальному «распространению информации» через URL-ссылки в списках литературы. Автор предлагает меры по минимизации рисков, включая верификацию источников и ретроспективный анализ публикаций, в контексте обеспечения научно-технологической безопасности РФ.

Ключевые слова: нежелательные организации, научно-технологическая безопасность, библиографическая ссылка, ст. 20.33 КоАП РФ, правовой казус, научные публикации, правовая коллизия.

Сегодняшняя тенденция по усилению внутреннего потенциала России обосновывает пристальное внимание государства на развитие локальных производств и исследовательских институтов взамен мировой кооперации. Так, научно-технологическое совершенствование выступает компонентом экономической и национальной безопасности. «Достижение цели обеспечения научно-технологической безопасности является комплексной задачей и, среди прочего, предполагает совершенствование всех сопутствующих процессов» [4, ст. 199].

Помимо общей стратегии поддержки отечественной науки, перед государством актуализируется дополнительная задача: гарантирование независимости научных исследований путем исключения иностранного влияния, включая внешнее финансирование и использование данных от организаций, потенциально угрожающих национальной безопасности Российской Федерации. В этих условиях требуется своевременная реакция отечественного нормотворчества по предупреждению такого влияния и определению регламента работы ученых с источниками.

Федеральный закон от 28.12.2012 №272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» в статье 3.1

устанавливает определение понятия «нежелательная организация» – «деятельность иностранной или международной неправительственной организации, представляющая угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности страны или безопасности государства». Также закон фиксирует запрет на «распространение информационных материалов, издаваемых иностранной или международной организацией», и «производство или хранение таких материалов в целях распространения» [3].

Неисполнение обозначенных требований влечет административную ответственность по статье 20.33 КоАП РФ с последующей выплатой штрафа: для физических лиц – от 5 до 15 тысяч рублей, для должностных лиц – от 20 до 25 тысяч рублей, для юридических лиц – от 50 до 100 тысяч рублей, для должностных лиц аппаратов избирательных комиссий – дисквалификация сроком на 1 год [2]. Срок давности для данного правонарушения 2 года, в случае повторности проступка наступает уголовная ответственность по статье 284.1 УК РФ и определяет наказание в виде штрафа до 500 000 рублей, обязательных и принудительных работа, лишения свободы на срок до 6 лет.

Ключевой проблемой для науки выступает отсутствие легального определения понятия «содействие». Ведомственные разъяснения Минюста России сводятся к тому, что к содействию относится любое действие, которое способствует поддержанию деятельности организации, включая создание условий для доступа к ее информационным ресурсам.

По данным на апрель 2026 года, в реестр включены следующие образовательные и научные структуры: Йельский университет (США), Калифорнийский университет (США), Международная система тестирования (Великобритания) и еще ряд зарубежных фондов, осуществляющие поддержку научных обменов.

Сегодня в правовом поле сложились условия для юридического казуса: с целью соблюдений требования ГК РФ и ГОСТ, ученый, размещающий в свой диссертации, монографии и статье список литературы с указанием ссылки на вышеперечисленные источники, создает техническую возможность для перехода пользователя на сайт организации. С позиции правоприменителя это действие можно квалифицировать как «распространение информации», т.е. содействие деятельности нежелательной организации. Однако сама по себе природа ссылки в рамках научной деятельности нейтральна, она может вести как на нежелательный или вовсе экстремистский материал, так и на архив научных журналов. Определяющее значение имеет цель лица, ее разместившую. Именно цель с разграничением «содействие деятельности нежелательной организации/верификация научного материала» должна быть доказуема субъектом административной юрисдикции.

Для понимания глубины проблемы необходимо сопоставить требования трех нормативных актов. ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка» (п. 5.5.3): «При использовании электронных ресурсов удаленного доступа в библиографической ссылке приводят полный адрес ресурса в сети Интернет (URL)». ГК РФ, ст. 1274: «допускается без согласия автора и без выплаты вознаграждения цитирование в научных целях из правомерно обнародованных произведений в объеме, оправданном целью цитирования» [1]. КоАП РФ, ст. 20.33 (в правоприменительном толковании): размещение URL нежелательной организации признается «содействием». Таким образом, имеет место прямая коллизия правовых предписаний. Ученый, следующий ГОСТу и ГК РФ, автоматически создает риски для себя по КоАП РФ. Ни один из законов не имеет приоритета по отношению к другому, так как они регулируют разные сферы. Однако суды отдают приоритет административному законодательству в силу его «охранительного» характера. Иллюстрацией данной судебной позиции выступает случай с преподавателем из Ярославля. Сотрудник вуза (должностное лицо) разместил в открытом репозитории вуза или в программе курса научную работу, где в списке литературы был указан URL-адрес сайта организации, позднее признанной «нежелательной». Выходит, что закон не различает содержание научного текста и форму его размещения и исключает проблему невиновного причинения вреда.

Для минимизации рисков, связанных с собственной безопасностью, ученые обязаны применять критический анализ при отборе источников для исследований и строго соблюдать комплекс мер предосторожности в процессе их использования. В рамках обеспечения правовой и информационной безопасности исследовательской деятельности рекомендуется применять следующие меры:

1. Верификация контрагентов и источников посредством обращения к официальным реестрам Министерства юстиции Российской Федерации и Федеральной службой по финансовому мониторингу.

2. Межведомственное согласование проектов международных договоров с профильными ведомствами для обеспечения их соответствия национальным интересам и законодательству.

3. Исключение из рассмотрения проектов, характеризующихся непрозрачной структурой управления, отсутствием публичной отчетности либо признаками конспиративности (в том числе аффилированности с нежелательными организациями).

4. Обеспечение режима защиты внутренней служебной информации, включая персональные данные участников исследования, закрытые перечни объектов учета, планово-отчетную документацию и методологические материалы.

5. Документирование всех этапов взаимодействия с третьими сторонами (контрагентами) с фиксацией существенных условий, сроков, предмета коммуникации и результатов достигнутых договоренностей.

6. Соблюдение установленных правил маркировки при любом упоминании деструктивных акторов.

7. Ретроспективный анализ материалов статей, опубликованных до 2026 года, с целью выявления фактов упоминания организаций, признанных нежелательными, либо сведений об их деятельности с последующей корректировкой содержания указанных исследований.

Список цитируемой литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 4 : Федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ: принят Гос. Думой 24 нояб. 2006 г.: одобрен Советом Федерации 08 дек. 2006 г. [ред. от 23 июля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52 (часть 1). – Ст. 5496.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ: принят Гос. Думой 30 дек. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. [ред. от 09 апр. 2026 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 1 (часть 1). – Ст. 1.

3. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: Федер. закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ: принят Гос. Думой 21 дек. 2012 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 2012 г. [ред. от 28 декабря 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 45. – Ст. 4553.

4. Ладынин, А.И. Формирование методических рекомендаций по обеспечению научно-технологической безопасности в системе экономической безопасности государства / А.И. Ладынин // РППЭ – 2023. – №11 (157). – С. 199–204.

Научное издание

МИР И РОССИЯ
в условиях новой реальности

Материалы XXIII Всероссийской очной
студенческой научно-практической конференции

Том 4

Секция 4
Юридическая наука как элемент модернизации современного общества

Подсекция 3
Гражданское право и процесс

(23 апреля 2026, г. Липецк)

Липецкий филиал РАНХиГС
г. Липецк, ул. Интернациональная, 3

АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 17,63. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии ИП Алейников Олег Юрьевич
108811, г. Москва, Московский г., Радужная ул., д. 21